

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР**

**УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО**

СВЕРДЛОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

**МЕТОДИКА И ПСИХОЛОГИЯ
РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

СВЕРДЛОВСК, 1977

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

СВЕРДЛОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Выпуск 52

СВЕРДЛОВСК, 1977

МЕТОДИКА И ПСИХОЛОГИЯ
РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ

СВЕРДЛОВСК, 1977

Печатается по постановлению редакционного совета Свердловского юридического института и редакционно-издательского совета Уральского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени А. М. Горького.

В сборнике помещены статьи по актуальным проблемам методики и психологии расследования преступлений, рассмотрены некоторые вопросы изучения личности участников уголовного судопроизводства (обвиняемого, потерпевшего и других), показаны возможности использования познаний специалистов, а также особенности назначения и проведения судебных экспертиз.

Издание рассчитано на практических работников суда, прокуратуры, органов МВД, а также на преподавателей и студентов юридических вузов.

Редакционная коллегия:

Ф. В. Глазырин (отв. редактор), И. Н. Сброкотягин, Н. А. Родионов, И. Г. Вермель — Свердловский юридический институт, Е. Г. Мальцев, В. Е. Гордеев — Пермский госуниверситет.

СОДЕРЖАНИЕ

Глазырин Ф. В. Методика расследования преступлений и личность участников уголовного судопроизводства	5
Сорокотягина Д. А. Допрос потерпевшего как средство получения сведений о его личности и поведении	13
Ковалев А. И. Методика расследования преступлений и метод прогнозирования поведения обвиняемых, подозреваемых, свидетелей и потерпевших	18
Стовповой А. Г. Основы психологического изучения следователем личности обвиняемого	22
Сорокотягин И. Н. Использование специальных познаний для изучения личности обвиняемого	30
Комаров В. К. Психологические особенности показаний несовершеннолетних, подлежащие учету при расследовании отдельных видов преступлений	35
Хасан Б. И. Криминалистическая характеристика личности преступника по делам, связанным с применением огнестрельного оружия	47
Драпкин Л. Я. Логико-психологический механизм построения следственных версий	58
Гусаков А. Н. Особенности возбуждения уголовных дел о грабежах	75
Гаряжа Л. С., Кочнева Л. В. Вопросы использования экономического анализа для выявления и предупреждения хищений	83
Осипов В. Н. О некоторых вопросах расследования хищений продукции полеводства, совершаемых работниками автотранспорта	95
Маркс Н. А. Некоторые тактические, психологические и этические аспекты освидетельствования потерпевших	102
Родионов Н. А. Объекты статистической экспертизы при расследовании преступлений	108
Вермель И. Г. Судебно-медицинский эксперт как субъект познания в уголовном судопроизводстве	120
Асинкритов В. Ф. К вопросу о выборе вида судебно-психиатрической экспертизы	129
Макушкина Г. Е. Техничко-криминалистические и почерковедческие исследования при расследовании и профилактике хищений государственного и общественного имущества	135
Евдокимова Н. С. Особенности производства ревизий и судебно-бухгалтерских экспертиз по делам о хищениях, совершаемых с преступным использованием методов учета	144
Герасимов И. Ф. Деятельность следователя по приостановленным делам о нераскрытых преступлениях	151

МЕТОДИКА И ПСИХОЛОГИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Межвузовский сборник научных трудов, вып. 52

Редакторы И. Ф. Агаркова, И. В. Сафонова

Технический редактор А. В. Курленко

Сдано в набор 25/III 1977 г. Подписано в печать 9/VIII 1977 г. Формат 60×84¹/₁₆.
 Бумага типографская № 2. Усл. п. л. 9,30. Уч.-изд. л. 9,45. Тираж 1000 экз.
 НС 12868 Цена 1 р. 50 к. Заказ 198. Темплан 1977, поз. 1084. Свердловский
 юридический институт. Свердловск, ул. Комсомольская, 21.

Типография изд-ва «Уральский рабочий». Свердловск, проспект Ленина, 49.

МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЛИЧНОСТЬ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Практика борьбы с преступностью требует постоянного развития криминалистической науки. Очевидно, что оно не может протекать равномерно, затрагивая в одинаковой степени все разделы и проблемы данной науки. Эмпирические наблюдения накапливаются периодически. На определенных этапах возникает потребность пересмотра ряда теоретических положений, а иногда и методологических основ. Следует еще раз подчеркнуть, что основными причинами серьезных методологических изменений любой, а тем более криминалистической, науки являются глубокие процессы в практике.

В последние годы заметно возрос интерес к проблемам методологического характера. Ярким свидетельством этого может служить научно-практическая конференция по проблемам методики расследования преступлений, состоявшаяся в г. Одессе в ноябре 1976 г.

Действительно, необходимость дальнейшей разработки теоретических вопросов методики расследования преступлений в последнее время стала весьма очевидной. Появление множества работ по методике расследования отдельных видов преступлений, подготовленных на ранее существовавшей методологической основе, привело к возникновению схематизма, к многочисленным повторениям методических рекомендаций. Представляется, что научные работы, практические пособия, статьи, созданные, как правило, по одной и той же схеме, где краткие сведения об уголовно-правовой характеристике преступления сменялись изложением первоначальных, а затем дальнейших следственных действий и рекомендаций по предупреждению преступлений, перестали в полной мере отвечать потребностям практики. При таком подходе не учитывались все подлинно криминалистические особенности преступлений, специфики совершения и расследования отдельных категорий их, перестали в достаточной степени учитываться все изменения пре-

ступности, обусловленные научно-технической революцией и ее последствиями, а также современный уровень науки и техники.

Не случайно участникам конференции пришлось констатировать определенное отставание в исследовании таких проблем, как структура методики расследования преступлений и содержание ее общей части, использование в методике данных таких наук, как психология, криминалистика, теория управления и теория алгоритмов, виктимология и другие, отсутствие глубокого исследования криминалистической характеристики различных групп преступлений, следственных ситуаций и тактических операций, комбинаций, изучения личности субъекта преступления и других участников уголовного судопроизводства, использования кибернетических методов в расследовании преступлений, особенностей их расследования в условиях крупных городов и т. д.¹.

Одной из малоисследованных и весьма актуальных является проблема изучения личности участников уголовного судопроизводства в системе методики расследования преступлений. Особый интерес к ней объясняется, в частности, тем, что изучение личности участников уголовного судопроизводства, использование полученных данных способствуют разрешению практически всех конкретных задач расследования — установлению истины по делу, получению доказательств, установлению виновности (и невиновности) лица, повышению эффективности проведения и обеспечению высокого качества следственных действий, соблюдению гарантий прав и интересов всех лиц, участвующих в судопроизводстве, выявлению причин и условий совершения преступления². В системе методики расследования преступлений значительное место должно быть уделено вопросам криминалистического изучения личности обвиняемого, которые должны входить как в общую (общетеоретическую) часть методики, так и в каждую отдельно взятую методику расследования конкретных преступлений или их групп. При этом, естественно, содержание и круг исследуемых проблем будут в значительной степени не совпадать.

Определенную группу вопросов криминалистического изучения личности обвиняемого следует отнести к общетеоретической части раздела — общей методике расследования преступлений³. Здесь

¹ См.: Методика расследования преступлений (общие положения). Материалы научно-практической конференции. Одесса, 1976.

² Сама необходимость изучения личности участников уголовного судопроизводства в криминалистических целях была исследована нами ранее. См.: Глазырин Ф. В. Криминалистическое изучение личности обвиняемого. Автореферат докт. диссертации. Свердловск, 1973.

³ Это отмечают также В. Г. Танасевич, А. М. Ларин, Н. Т. Ведерников.

прежде всего требуется обосновать значение изучения личности подозреваемого, обвиняемого в системе методики, показать все возможные криминалистические аспекты такого анализа, а также использования получаемых данных в процессе расследования преступлений. Важно показать, какой круг сведений о личности обвиняемого необходим для успешного осуществления расследования в соответствии с требованиями ст. 68 УПК РСФСР. В общей части методики расследования целесообразно проследить возможности получения и использования данных о личности обвиняемого для разрешения таких задач, как получение доказательств, правильная квалификация преступления, выбор следственных версий, определение мотивов совершенного правонарушения, избрание обоснованной меры пресечения, проверка алиби, предъявление обвинения, выявление причин и условий, способствовавших совершению преступного деяния, выполнение требований ст. 38 и 39 УК.

Большое теоретическое значение в системе методики расследования имеет вопрос о пределах изучения личности обвиняемого на предварительном следствии. Очевидно, что следователь не имеет возможности беспредельного или даже слишком глубокого изучения личности обвиняемого. Недопустимо также бесцельное, не продуманное собирание сведений о нем, приобщение к делу любых, случайных материалов. В то же время недостаточное изучение личности обвиняемого будет означать невыполнение требований, предусмотренных ст. 68 УПК, неполноту расследования, которая может привести к возвращению судом дела на доследование⁴.

Следует обратить внимание на отсутствие четких указаний о пределах изучения личности обвиняемого на предварительном следствии в нормах уголовно-процессуального закона. Представляется, что критериями при определении данных пределов должны быть в основном обстоятельства, указанные в ст. 68 УПК РСФСР. Вместе с тем целесообразно было бы дополнить эту статью указанием на то, что при изучении личности обвиняемого возможно выявление иных обстоятельств, имеющих отношение к расследуемому событию. Рассматривая вопрос о пределах изучения личности обвиняемого на предварительном следствии, нужно указать на недопустимость приобщения материалов, не имеющих отношения к расследуемому преступлению, данных об интимной, личной жизни обвиняемого.

Вопрос криминалистического изучения личности обвиняемого

⁴ В е д е р н и к о в Н. Т. Изучение личности обвиняемого и его место в следственной тактике.— В сб.: Проблемы криминалистической тактики. Труды Омской высшей школы милиции, вып. 16. Омск, 1973, с. 101.

должен входить и в содержание так называемых «частных методик», т. е. методик расследования отдельных видов или отдельных групп преступлений как один из основных элементов криминалистической характеристики преступлений. В методике расследования преступного деяния любого вида должен содержаться ответ на вопрос, кто чаще всего совершает такого рода правонарушения. Чтобы на него ответить, в методику расследования целесообразно включить обобщенные криминологические наблюдения. На их основе разрабатывается криминалистическая типология преступников. По нашему мнению, она должна включать в себя комплекс социально-демографических и социально-психологических черт преступника. Сведения о вероятном возрасте, профессии, взглядах, интересах, потребностях, ценностных ориентациях, дефектах правосознания, специфике антиобщественных взглядов еще не установленного преступника помогут следователю в выдвижении и обосновании версий, понимании наиболее вероятных мотивов преступного деяния, планировании расследования. В случае установления личности преступника знание криминалистической типологии значительно облегчит изучение обвиняемого, выбор наиболее эффективной тактики и методики следствия, выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления.

При криминалистической характеристике каждого вида преступления важно дать классификацию наиболее типичных мотивов его совершения. Данная характеристика должна содержать описания наиболее характерных криминалистических признаков, указывающих на вероятность определенного мотива совершения преступления. Например, в методике расследования убийств необходимо указать, какие обстоятельства совершения преступления, выбор способа, орудий, особенности поведения обвиняемого могут свидетельствовать о наличии в качестве мотивов вражды, неприязненных отношений, мести, хулиганских или корыстных побуждений, целей скрыть другие преступления. Необходимость разработки криминалистической классификации мотивов, основанной на изучении личности преступников, обусловлена, в частности, тем, что существующее в настоящее время уголовно-правовое понятие мотивов отличается крайней расплывчатостью и неопределенностью, оно не учитывает всего разнообразия психологии человеческих побуждений и мотивов. Достаточно в качестве иллюстрации сослаться на существующее в норме уголовно-правового закона указание на мотив «хулиганские побуждения», который, вероятно, может содержать в себе самые разнообразные психологические побуждения. Установление такого мотива не позволяет успешно разрешать возникающие криминалистические задачи.

В методиках расследования отдельных видов преступлений целесообразно иметь сведения, указывающие на зависимости между способами совершения правонарушения, укрытия следов и орудий, похищенного, ценностей и особенностями личности обвиняемых. При использовании научно обоснованных методик следователь должен иметь возможность применять к каждому конкретному случаю обобщенные криминологические наблюдения.

Криминалистическая характеристика преступления должна содержать также примерный перечень тех обстоятельств, связанных с личностью обвиняемого, которые приходится устанавливать по каждой категории дел. Несомненно, что объем и содержание необходимых по делу сведений о личности обвиняемого не будут одинаковы при расследовании хищения или убийства, изнасилования или должностного преступления.

Важным элементом криминалистической оценки преступления является характеристика наиболее типичного поведения лица до совершения преступления, во время его и после. Именно здесь должны содержаться сведения об уликах поведения, возникающих при совершении различных категорий преступлений.

Особое место в методике расследования занимают вопросы установления причин и условий, способствовавших совершению преступления. Известно, что выявить их невозможно без глубокого изучения личности преступника. Вот почему изучение биографии обвиняемого по каждой категории расследуемых преступлений, знание его образа жизни, условий воспитания, его личностной психологической характеристики, особенностей микросреды, в которой он находится, является необходимым для разрешения такой криминалистической задачи, как выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления. Необходимость определения длительности, силы, глубины антиобщественных взглядов обвиняемого требует от следователя умения прослеживать факты предпреступного антиобщественного поведения лица, в нужном случае фиксируя их в материалах уголовного дела. Анализ следственной практики, криминологические наблюдения дают основания утверждать, что совершению преступления часто предшествуют иные антиобщественные поступки лица.

В системе методики расследования большое криминалистическое значение имеет изучение личности потерпевшего. Некоторые авторы вполне обоснованно предлагают включить «криминалистическую виктимологию» в раздел общей криминалистической методики. Действительно, получение и использование данных о личности потерпевшего способствуют разрешению многих криминалистических задач. Представляется возможным проследить особен-

ности решения некоторых из этих задач в методике расследования различных преступлений. При расследовании определенной категории преступлений изучение личности и особенностей поведения потерпевшего позволяет сделать вывод о наличии или отсутствии в действиях подозреваемого состава преступления⁵.

Очень часто изучение личности потерпевшего является процессуально обусловленной обязанностью следователя (ст. 38 и 39 УК РСФСР), поскольку личность и поведение пострадавшего включены в признаки состава преступления. Личность потерпевших, их поведение, знакомства, связи, взаимоотношения с другими людьми — все это бывает необходимо для раскрытия преступлений, выдвижения версий. Так, при расследовании убийств, изнасилований, краж, грабежей и разбоев установление личности потерпевшего, его связей позволяет вести работу целенаправленно, выдвигать обоснованные версии, намечать и осуществлять первоначальные следственные действия.

Необходимость изучения личности потерпевшего на предварительном следствии обусловлена также тем, что его показания являются одним из распространенных видов доказательств. Прежде всего показания потерпевших содержат данные о событии преступления, действиях обвиняемого, характеризуют личность преступника. Поскольку потерпевший является непосредственным участником события преступления, он может знать о нем больше, чем другие лица. Вследствие той же непосредственной причастности к событию преступления потерпевший обычно дольше, чем свидетели, помнит о преступном деянии, действиях обвиняемого. Причастность к событию преступления заставляет его порой многократно мысленно возвращаться к случившемуся, что, естественно, активизирует процесс запоминания. Именно этим и объясняется тот факт, что потерпевший обычно в состоянии дать обстоятельные показания о событии преступления даже спустя длительное время. Все это делает криминалистическое изучение личности потерпевшего необходимым элементом методики расследования.

Вопросы криминалистического изучения личности потерпевшего могут входить как в общую часть, так и в методики расследования отдельных видов преступлений.

В общей методике расследования преступлений должны содержаться сведения о целях, задачах криминалистического изучения личности потерпевшего, методах изучения, применяемых на пред-

⁵ Дагель П. С. Потерпевший в советском уголовном праве.— В сб.: Потерпевший от преступления. Владивосток, Изд-во Дальневосточного университета, 1974, с. 31.

варительном следствии, источниках получения информации о нем. Так же как и при изучении личности обвиняемого, возникает вопрос о допустимых пределах исследования. Представляется, что принцип относимости устанавливаемых фактов к расследуемому событию будет являться и в данном случае решающим. Думается, что необходима разработка криминалистической классификации личности потерпевших. Такая классификация должна иметь в своей основе оценку социально-демографических, психологических признаков, учет наиболее типичных ситуаций, при которых лицо становится потерпевшим. Подобная типология призвана стать составной частью криминалистической классификации преступлений.

Вопросы изучения личности потерпевшего должны занять значительное место в методиках расследования отдельных видов преступлений. Если исходить из наиболее общей формы, то в каждой частной методике целесообразно изложение вопросов о том, кто обычно является потерпевшими по данной категории дел, каковы типичные ситуации, при которых лица становятся потерпевшими, каковы возможные мотивы ложных показаний потерпевших, причины возможных ошибок в их показаниях. Естественно, что здесь же желательно поместить положения о возможностях использования данных о личности потерпевшего при раскрытии, расследовании и предупреждении этой категории преступлений.

В то же время особенности расследования каждой категории преступлений будут определять и специфику вопросов криминалистического изучения личности потерпевшего.

Так, при расследовании изнасилований в число обстоятельств, подлежащих установлению, войдут те, которые связаны с определением личности потерпевшей, ее возраста, наличием или отсутствием у нее беспомощного состояния в момент насилия, наличием или отсутствием особо тяжких последствий, образа жизни и особенностей поведения, взаимоотношений с насильником, нравственно-психологических качеств. В методике расследования нарушений правил безопасности движения и эксплуатации транспорта изучение личности потерпевшего предполагает установление наличия или отсутствия у него определенных физических недостатков, состояния алкогольного опьянения, психического состояния в момент происшествия и т. п.

Таким образом, криминалистическое изучение личности потерпевшего является важным элементом в системе методики расследования преступлений.

Вопрос об изучении личности свидетелей лучше других освещен в криминалистической литературе. В методиках расследования отдельных видов преступлений, как правило, имеются класси-

фикации свидетелей, исследуются психофизиологические причины возможных ошибок в их показаниях, психологические процессы восприятия, запоминания, сохранения и последующего воспроизведения показаний. Изучение свидетелей в криминалистических целях позволяет определять круг возможных свидетелей по каждой категории преступлений, обстоятельства, подлежащие выяснению при их допросе, выявлять отношение свидетелей к обвиняемому, преступному деянию, органам правосудия, определять причины возможных ошибок при восприятии события преступления.

По нашему мнению, в общей части методики должны также содержаться сведения, освещающие роль следователя, его личностных качеств в расследовании преступлений. В криминалистической и судебно-психологической науках накапливаются наблюдения, дающие возможность выявить зависимость между профессиональной подготовкой следственных работников, их личностными качествами, с одной стороны, и эффективностью расследования преступлений различных категорий — с другой⁶. Поэтому в методике целесообразно поместить материал о значении профессиональной подготовки следователя, наличия у него совокупности специальных знаний, определенных психологических качеств и свойств — внимания, памяти, воображения, наблюдательности, логического мышления, настойчивости, целеустремленности и т. д. Весьма желательна научная разработка структуры профессионаграмм следователя, наиболее приемлемых для успешного расследования различных групп преступлений. Разработка таких профессионаграмм позволит более целенаправленно вести процесс обучения, подготовки молодых специалистов, а впоследствии облегчила бы специализацию следственных работников, осуществляемую в органах юстиции. Представляется, что в методике расследования преступлений должны быть освещены и аспекты криминалистического изучения личности других участников уголовного судопроизводства — экспертов, специалистов.

Таковы некоторые вопросы криминалистического изучения личности участников уголовного судопроизводства в системе методики расследования преступлений.

⁶ См.: Ратников А. Р. Судебная психология для следователей. М., Изд-во ВШ МООП СССР, 1967; Дулов А. В. Судебная психология. Минск, «Высшая школа», 1975; Васильев В. Л. Структура профессионаграммы следователя. — В сб.: Вопросы совершенствования предварительного следствия. Л., 1971; Матусовский Г. А. Криминалистика в системе научных знаний. Харьков, 1976 и др.

ДОПРОС ПОТЕРПЕВШЕГО КАК СРЕДСТВО ПОЛУЧЕНИЯ СВЕДЕНИЙ О ЕГО ЛИЧНОСТИ И ПОВЕДЕНИИ

Допрос потерпевшего является важнейшим процессуальным действием, от результата которого во многом зависит успех раскрытия и расследования преступлений. Согласно ст. 75 УПК РСФСР предметом показаний потерпевшего считаются любые обстоятельства, подлежащие доказыванию, а также взаимоотношения потерпевшего с обвиняемым. Показания потерпевшего одновременно являются источником сведений о его личности и поведении.

В процессуальной и криминалистической литературе имеются многочисленные рекомендации по законодательному оформлению¹ и эффективной тактике подхода к допросу потерпевшего². Вместе с тем в научных и практических исследованиях отсутствуют конкретные предложения по изучению в процессе допроса личности потерпевшего³.

Анализ судебно-следственной практики показывает, что следователи достаточно подробно выясняют вопросы, касающиеся события преступления (времени, места, способа совершения); личности преступника, мотивов и цели его действий (бездействия); обстоятельств, влияющих на степень и характер ответственности обвиняемого (ст. 38, 39 УК РСФСР); характера ущерба (морального, материального и физического), причиненного потерпевшему; причин и условий, способствующих совершению преступления.

¹ Савицкий В. М., Потеружа И. И. Потерпевший в советском уголовном процессе. М., 1963.

² Якуб Л. М. Показания свидетелей и потерпевших. М., 1968; Корнеева Л. М., Ордынский С. С., Розенблит С. Л. Тактика допроса на предварительном следствии. М., 1958; Доспулов Г. Г. Психология допроса на предварительном следствии. М., 1976; Соловьев А. Б. Допрос свидетеля и потерпевшего. М., 1974, с. 94—128 и др.

³ За последние годы появились лишь рекомендации по изучению в процессе допроса личности обвиняемого. См.: Глазырин Ф. В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Свердловск, СЮИ, 1973, с. 94.

В то же время они недостаточно уделяют внимания исследованию личности потерпевшего, его поведению до, в момент и после совершения преступного деяния.

Основные сведения о личности потерпевшего появляются в результате следственных действий (осмотра места происшествия, освидетельствования, следственного эксперимента и других), а также оперативно-тактических мероприятий (опросов, бесед, наблюдений и т. д.):

Значительный объем сведений о личности потерпевшего и его поведении следователь получает при проведении допроса. Допрос — это следственное действие, назначением которого является получение и закрепление в установленной уголовно-процессуальным законом форме показаний, касающихся фактической стороны события преступления, личности допрашиваемого, его поведения, имеющих значение для объективного и полного разрешения уголовного дела.

Сведения о личности потерпевшего при допросе поступают по двум направлениям: получение данных о личности потерпевшего и его поведении из его личных показаний; получение информации путем наблюдения за его состоянием и поведением во время допроса.

Успех допроса потерпевшего во многом определяется тем, как следователь к нему подготовился. Наряду с проведением многих предварительных действий (вызов на допрос, определение времени, очередности, места допроса и других тактически необходимых операций) следователь обязательно намечает круг вопросов, подлежащих выяснению. Думается, что при допросе потерпевшего среди вопросов, относящихся непосредственно к происшествию (кто, где, когда, каким образом, каким способом и т. д. совершил преступные посягательства), следователь обязательно должен выяснить обстоятельства, относящиеся к личности и поведению самого потерпевшего.

Представляется, что указанные сведения можно подразделить на следующие группы.

1) Социально-демографические данные: ф. и. о., возраст, образование, профессия, местожительство, интересы, социальное происхождение, условия жизни (материальное положение, времяпрепровождение, возможность получить конкретную специальность), сведения о родителях, семейное положение, прежняя судимость, подвергался ли ранее нападению, т. е. был ли потерпевшим по уголовному делу.

2) Сведения о физических следах (рук, ног, зубов и т. д.), биологических выделениях (слюна, кровь, пот и т. д.), которые могли

остаться на месте происшествия, на теле, одежде и предметах потерпевшего и преступника.

3) Сведения о предметах, одежде, документах, принадлежащих потерпевшему и представляющих определенный интерес для следствия (платье со следами крови, оторванные пуговицы, полученные записки угрожающего содержания и т. д.).

4) Данные о характере причиненного ущерба: морального, физического, имущественного.

5) Сведения о действиях потерпевшего до, во время и после совершения преступления (оказание сопротивления преступнику, совместное распитие спиртных напитков, действия по охране объекта посягательства и др.).

6) Данные о физическом состоянии потерпевшего (болезнь, состояние зрения, слуха, опьянение, беспомощность и т. д.).

7) Сведения о психических процессах (особенности слухового или другого восприятия, эмоциональное возбуждение, концентрация внимания), психических состояниях (рассеянность, задумчивость, напряженность или растерянность при возникновении опасной ситуации), психических свойствах (темперамент, характер и т. д.).

8) Сведения о взаимоотношениях потерпевшего с преступником (не знакомы, впервые встретились, родственники и т. д.).

9) Сведения о нравственном облике потерпевшего, его моральном состоянии.

Естественно, полнота ответов потерпевшего на поставленные вопросы во многом определяется типичными следственными ситуациями, сложившимися на момент расследования преступления⁴.

Показания потерпевшего поступают к следователю либо в форме словесных сообщений, либо в наглядном (графическом) изображении.

Словесную информацию следователь закрепляет в протоколе допроса, графические показания допрашиваемого получают свою наглядность в виде схем, чертежей, рисунков, планов. Необходимость такой фиксации показаний потерпевшего обусловливается тем, что он иногда затрудняется рассказать, где точно он находился в момент нападения, как выглядит предмет, который у него похитили или который он видел у преступника (его размеры, форма, объем и т. д., например, оружие преступления — нож); маршрут преступника или направление собственного движения на

⁴ Брызгалова Э. Д. Влияние следственных ситуаций на тактику допроса потерпевшего. — В сб.: Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы предварительного расследования и судебного разбирательства. Сборник ученых трудов, вып. 31. Свердловск, СЮИ, 1974, с. 128—131.

месте преступления и другие очень важные для расследования обстоятельства.

Другим направлением получения информации о личности и поведении потерпевшего при допросе является непосредственное наблюдение следователя за допрашиваемым.

В процессе такого наблюдения следователь получает представление: о типе темперамента потерпевшего (холерическом, сангвиническом, меланхолическом). Зная темперамент, следователь может судить об уравновешенности потерпевшего, о степени его реакции на воздействие, о замкнутости или общительности; о волевых качествах потерпевшего, которые проявляются в решимости и желании довести начатое дело до положительного результата, в терпении, самообладании, выносливости и т. д.; о моральных чертах потерпевшего и самостоятельности его действий — т. е. о том, какие цели он ставит перед собой, какими средствами добивается достижения цели, какими принципами руководствуется (нравственными или аморальными, эгоистическими и т. д.); об эмоциональных особенностях потерпевшего (например, непостоянство в жизненных принципах, слабохарактерность, слабоволие и др.).

На проявление во время допроса указанных особенностей личности потерпевшего существенное воздействие оказывают такие следственные ситуации: участвовал или не участвовал потерпевший в происшествии; являлся ли он непосредственным объектом преступного посягательства; какие отношения сложились между ним и обвиняемым; имеются ли виктимогенные факты, которые способствуют совершению преступления; сколько времени прошло с момента совершения преступления? При этом определенное значение имеет конфликтная ситуация, сложившаяся на момент расследования преступления, особенно когда поведение потерпевшего было отрицательным.

Отношение пострадавшего к случившемуся может проявляться на допросе в его поведении, в речи, жестах, мимике, движении глаз, интонации голоса и т. д. Оно может быть выражено в его внешнем облике (в одежде, прическе, украшениях и прочих предметах). Одежда, этот важный компонент облика, может говорить о деятельности человека (военная форма, рабочий комбинезон), о его национальной принадлежности (национальный костюм), служить дополнительным признаком возраста, свидетельствовать о вкусах, привычках⁵.

⁵ Бодалев А. А. Восприятие человека человеком. Л., 1965, с. 18.

Во время допроса эмоциональное состояние потерпевшего и его поведение не фиксируются в протоколе, эта информация откладывается в сознании следователя. Вместе с тем определенную помощь в закреплении указанных моментов состояния и действий допрашиваемого следователю может оказать использование звукозаписи, видеоманитона, киносъемки. Для фиксации наблюдаемого следователю можно порекомендовать завести дневник, в который заносится дата наблюдения, описываются факты поведения и деятельности потерпевшего. На полях можно выражать собственные суждения (предложения, оценки)⁶. Эта информация о результатах наблюдения за поведением допрашиваемого поможет следователю в выработке правильных тактических и психологических приемов допроса потерпевшего, выдвижению версий (предположений), постановке дополнительных вопросов. Представляется, что данный материал окажет определенную помощь специалистам (психологу, психиатру) в проведении судебных экспертиз⁷.

В заключение необходимо сказать, что сведения о личности и поведении потерпевшего, полученные в процессе его допроса, позволяют следователю выбрать эффективную тактику допроса других лиц (свидетелей, обвиняемых), а также тактику проведения других следственных действий.

⁶ К о в а л е в А. Г. Коллектив и социально-психологические проблемы руководства. М., 1965, с. 86.

⁷ Подобная информация не является материалами уголовного дела, она может быть использована экспертами, следователем.

МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И МЕТОД ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПОВЕДЕНИЯ ОБВИНЯЕМЫХ, ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, СВИДЕТЕЛЕЙ И ПОТЕРПЕВШИХ

Совершенствование методики расследования отдельных видов преступлений находится в прямой зависимости от исследований в области судебной психологии.

В этой связи перспективной, с нашей точки зрения, является разработка проблемы использования прогностического метода применительно к поведению таких участников уголовного судопроизводства, как подозреваемые, обвиняемые, свидетели и потерпевшие. Уровень и характер проведенных советскими психологами исследований, накопление эмпирического материала дают основание считать постановку такой проблемы своевременной и обоснованной. Роль указанных выше участников уголовного судопроизводства в процессе установления истины по расследуемому событию настолько велика, что правомерно ставить вопрос о глубоком всестороннем и комплексном изучении их поведения.

Сущность прогностического метода в изучении поведения заключается в моделировании по форме, содержанию, месту и времени таких поступков и поведенческих актов, которые возможно использовать в процессе раскрытия и расследования преступлений. Цель и задачи прогнозирования поведения дают основание называть его криминалистическим. Правда, информация о поведении, например обвиняемого, может иметь значение и для установления меры наказания, т. е. содержать уголовно-правовой аспект, но главным, определяющим все же является криминалистический.

Особенность и положительная сторона прогнозирования поведения обвиняемых, подозреваемых, свидетелей и потерпевших заключается в том, что в процессе расследования преступлений появляется возможность решать вопросы заблаговременно, а не по мере их возникновения. Это позволяет более вдумчиво, целе-

направленно и верно определить характер и порядок следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по фиксации поведения и связанных с ним фактических данных, а также правильно наметить тактику расследования конкретного преступления.

Исходными данными (базой) прогностического метода чаще всего служат: а) информация по поводу криминалистической характеристики расследуемого преступления; б) конкретные фактические данные, полученные в процессе выполнения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; в) социально-психологические особенности личности — субъекта поведения.

Применение прогностического метода связано с определенными трудностями, которые чаще всего вызваны недостатком исходной информации, особенно на начальном этапе расследования, и мобильностью психологических характеристик лиц, являющихся субъектами поведения. Еще И. М. Сеченов в работе «Рефлексы головного мозга» указывал, что «в каждом человеке в самом деле под влиянием какого-нибудь чувственного возбуждения раз вслед за мыслью является поступок, другой раз — движение задерживается и акт останавливается на мысли, наконец, третий раз под влиянием той же мысли является поступок, отличный от первого»¹. Вместе с тем это обстоятельство не исключает возможности применения прогностического метода. Дело в том, что варианты человеческого поведения не бесконечны. Сложность метода лишь подчеркивает необходимость грамотного, квалифицированного подхода к его применению.

Прогнозируя поведение по конкретному уголовному делу, следует иметь в виду, что возможно появление поступков двух видов — общих, присущих различным категориям преступлений, и конкретных, характерных только для данной категории уголовных дел. Например, поведение обвиняемого, направленное на организацию ложного алиби, симуляцию психического заболевания, уничтожение следов ног, рук и пр., может встречаться в делах о разбойных нападениях, кражах личного и государственного имущества, убийствах и т. д. Другой группе поступков присущи более тесные связи с характером преступления. Так, поступки, направленные на сокрытие трупа или его частей, встречаются при расследовании убийств, приобретение или изготовление большого количества ключей и отмычек — при раскрытии квартирных краж и т. д.

Особого внимания заслуживает прогнозирование поведения,

¹ Сеченов И. М., Павлов И. П., Введенский Н. Е. Физиология нервной системы. — Избранные труды, вып. 1. М., 1974, с. 198.

которое способно выступать в качестве косвенных доказательств, так называемых улики поведения. В этом случае следователь получает новые, дополнительные доказательства. Изучение следственной практики показало, что улики поведения чаще встречаются в делах, представляющих большую общественную опасность, за совершение которых предусматривается более суровое наказание. Этот вывод подтверждается следующими цифровыми данными.

Категория дел	Кол-во изученных дел	Из них с уликами поведения	Процентное выражение
Мелкие хищения	83	12	14,4
Хулиганство	188	39	20,7
Кражи личного имущества	126	47	37,3
Посягательство на государственную и общественную собственность	91	40	44
Разбойные нападения и грабежи	60	29	48,3
Тяжкие телесные повреждения	50	26	52
Изнасилование	23	15	65,1
Умышленные убийства	22	18	81,8

Исследования другого характера показали, что улики поведения чаще встречаются по делам, имеющим стадию приготовления, а также по многоэпизодным и групповым делам².

Выявленные закономерности помогают следователю определить, в каких делах вероятность обнаружения улики поведения больше, и указывают на необходимость поиска этих доказательств.

В заключение несколько слов о преимуществах прогнозирования поведения в методике расследования. Отметим, что эти преимущества имеют не один, а несколько взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга аспектов, основными из которых являются криминалистический, психологический и уголовно-правовой.

Криминалистический заключается в том, что, во-первых, прогнозирование поведения дает возможность обнаружить новые доказательства преступления, например, улики поведения — вещественные и письменные. Во-вторых, оно в значительной степени повышает роль планирования, поднимает его на новую, более качест-

² См.: Ковалев А. И. Улики поведения и их роль в расследовании преступлений. Канд. диссертация. Свердловск, 1974.

венную ступень, так как требует знаний психологии и высокоразвитого абстрактного мышления. В-третьих, прогностический метод дает возможность улучшения тактики расследования преступления в целом и проведения отдельных следственных действий, повышения роли и эффективности оперативно-розыскных действий. Все это осуществимо благодаря совершенствованию планирования расследования и включению в него тех резервов повышения эффективности способов расследования, которые связаны с использованием данных психологии.

Немаловажная роль прогнозирования поведения заключается и в том, что оно дает возможность предотвратить готовящееся новое преступление, что часто связано с действиями обвиняемых, подозреваемых по уничтожению и сокрытию следов преступления и их стремлением уйти от ответственности.

Психологический аспект прогностического метода изучения поведения обвиняемых, подозреваемых, свидетелей и потерпевших выражается в том, что с его помощью становится возможным более глубокое познание психологических особенностей субъектов поведения. Это в свою очередь позволяет не созерцать пассивно поступки, а управлять ими, причем не только в рамках уголовно-процессуальной деятельности, но и за ее пределами, например побудить обвиняемого добровольно выдать ценности, добытые преступным путем, возместить ущерб пострадавшим от преступления и пр.

Уголовно-правовой аспект прогнозирования поведения позволяет всесторонне изучить личность обвиняемых, подозреваемых, выявить поступки, которые будут приняты во внимание при вынесении судом меры наказания.

В статье не ставилось задачи разрешить затронутые вопросы, автор лишь высказал свое мнение о целесообразности их постановки.

ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ЛИЧНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО

Личность является продуктом общественного развития, и ее сущность рассматривается как «совокупность всех общественных отношений»¹. Будучи существом биосоциальным, личность выступает и как единство социального опыта, воспринятого в процессе воспитания, обучения и иных форм воздействия со стороны общества, и индивидуального, вырабатываемого в течение жизни данной личности при постоянном определяющем влиянии на личность общества в целом, малых социальных групп, отдельных личностей.

Выполняя различные социальные функции, личность становится членом различных социальных общностей: производственных и учебных коллективов, формальных и неформальных социальных групп, испытывает на себе их постоянное воздействие и преломляет это воздействие через разнообразие своих жизненных позиций, взглядов, ценностных ориентаций, т. е. оказывает обратное осознанное влияние на эти факторы путем противодействия им при общей отрицательной направленности личности либо способствует и усиливает их воздействие при направленности положительной.

Обвиняемый, выступая субъектом различных общественных отношений, обладает определенными представлениями и знаниями о них. Свое отношение к ним он проявляет через личностную оценку социальных ценностей, норм поведения, правопорядка и т. д. Вне сознательного, волевого момента нет места уголовной репрессии. Это отношение выражается в избирательности действий и поступков личности.

Таким образом, структура деятельности, ее виды и содержание позволяют по каналам обратной связи от деятельности к сознанию личности обвиняемого познать его внутренний мир в пределах, необходимых для целей правосудия. Деятельность личности

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.; т. 3, с. 3.

выступает как процесс реализации, «овеществления» психологических особенностей и способностей личности в деятельности общественной системы².

Любые психические явления необходимо рассматривать во взаимосвязи с внешними условиями жизни и деятельности лица, что позволит выявить пути становления личности и тенденции ее дальнейшего развития. Для раскрытия нравственно-психологической характеристики личности обвиняемого существенно важным является то, как личность исполняет свои социальные функции, вкладывая в деятельность по их реализации свой ум, способности, знания, волю, раскрывая в ней самое себя.

Психологическое изучение следователем личности обвиняемого ведется путем исследования ее проявлений вовне, т. е. действий, поступков, высказываний. Во времени подобные проявления могут предшествовать преступлению, выражаться в нем самом и следовать за преступлением. По форме выражения они могут быть просто действиями и поступками: устными и письменными высказываниями о себе, преступлении, других людях с оценкой происходящих событий, лиц и т. п. «По каким признакам судить нам о *реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей? — писал В. И. Ленин. — Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей»³.

Изучению личности обвиняемого должно предшествовать определение круга тех психологических свойств и качеств, которые необходимо установить по делу в целом либо в процессе производства отдельного следственного действия, что находит свое выражение в планировании расследования. Составным элементом такого изучения будет определение источников сведений и методов, применяемых в каждом отдельном случае, а также способов процессуального закрепления полученных результатов.

С учетом специфики уголовного судопроизводства в психологическом изучении личности обвиняемого следователь, как правило, использует заимствованные из психологии методы: наблюдения, сравнения, беседы, эксперимента; анализа результатов деятельности, обобщения независимых характеристик, биографический, а в случае необходимости — и некоторые другие.

Эти методы достаточно просты в употреблении, опробованы многолетней практикой и используются при проведении большинства следственных действий: допросов, очных ставок, предъявления

² Б у е в а Л. П. Социальная среда и сознание личности. М., Изд-во МГУ, 1968, с. 64.

³ Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 423—424.

для опознания, экспертизы и др. Вторая группа методов применяется для анализа уже собранных данных о личности обвиняемого.

Психологическое изучение следователем личности обвиняемого должно быть: активным; индивидуальным по отношению к каждому обвиняемому; непрерывным в течение всего производства по делу; эффективным при использовании собранных данных для оказания воспитательного воздействия на обвиняемого и построения тактики расследования. Все сведения о личности обвиняемого должны найти отражение в материалах следствия и быть переданы в суд с делом, т. е. должна осуществляться преемственность в изучении.

Задача психологического изучения предполагает соответствующую подготовку следователей в процессе обучения в вузах, на различных методических семинарах, конференциях, самостоятельное изучение специальной литературы, методических разработок, приобретение навыков психологического анализа, более широкое привлечение в уголовный процесс специалистов и экспертов соответствующих отраслей знания.

Цель психологического изучения следователем личности обвиняемого по уголовному делу — познание его нравственно-психологических свойств и качеств, составляющих содержательную сторону характеристики личности в пределах, необходимых и достаточных для правильного разрешения дела.

Эти свойства и качества являются социально приобретенными в процессе жизни и деятельности обвиняемого и составляют сферу его духовного, идеального, сферу его сознания. Их материальным субстратом служат природные свойства психики, ее особенности: функционирование сознания обусловлено природными свойствами мышления, восприятия, памяти, особенностями протекания психических процессов, типом темперамента и т. д., но эти понятия не тождественны и их нельзя смешивать.

Содержание нравственно-психологической характеристики личности обвиняемого составляют следующие элементы⁴.

⁴ Этот вопрос рассматривается в работах советских психологов и социальных психологов, криминалистов, оставаясь одним из наиболее сложных и во многом не разрешенных наукой. См., например: Пирожков В. Ф. Направленность личности и мотивы деятельности осужденного к лишению свободы. М., Изд-во Высшей школы МООП СССР, 1967, с. 13; Ковалев А. Т. Психологические основы исправления правонарушителя. М., «Юридическая литература», 1968; Шорохова Е. В. Социально-психологическое понимание личности. — В сб.: Методологические проблемы социальной психологии. М., «Наука», 1975, и др.

а) Наиболее общим понятием, характеризующим внутренний мир личности, является ее направленность, т. е. основная жизненная ориентация, определяющая избирательность отношений и поступков данной личности. Направленность является психологической характеристикой, которая иногда выступает своего рода предсказанием, как может вести себя человек при данных обстоятельствах⁵. Раскрытие общей направленности личности обвиняемого — цель его психологического изучения и вместе с тем критерий определения, насколько совершенное преступление согласуется с его моральным, нравственным строем, отвечает его жизненной позиции, т. е. это важный критерий для определения степени вины лица.

Общая направленность личности реализуется в ее асоциальной установке⁶, которая выступает как определенное отношение к стоящим перед личностью задачам и выражается в избирательной мобилизованности и готовности действовать во имя их осуществления. Установка содержит в себе не только момент отношения, но и эмоциональный и волевой моменты, определяющие готовность обвиняемого действовать в соответствии с общей направленностью его личности.

б) Ценностные ориентации, мировоззрение, правосознание раскрывают содержание общей направленности личности. Ее ценностные ориентации выступают как система ее фиксированных отношений к материальным и духовным ценностям общества, окружающим людям, самому себе. Иерархия ценностей раскрывает нравственный облик обвиняемого и зависит не только от социальной среды, окружающей личность и влияющей на ее формирование, но и от индивидуальных особенностей личности, воспринимающей и осознающей социальные условия жизни⁷. Существенную роль в формировании ценностных ориентаций личности обвиняемого играют его моральные принципы, нравственный облик, корректирующие их возникновение и развитие. Устоявшиеся ценностные отношения личности в свою очередь также оказывают влияние на нравственный облик личности.

в) Основу ценностных ориентаций личности составляют ее потребности, интересы, стремления. Потребности людей выступают в качестве предпосылок деятельности и могут быть реализованы

⁵ См.: Мерлин В. С. Очерк психологии личности. Пермь, 1959, с. 13.

⁶ См.: Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1970, с. 28—35, 66.

⁷ Федоров Л. М. Ценностные ориентации личности и их формирование. — Вестник ЛГУ, № 5, серия экономики, философии, права, вып. 1. Л., 1971, с. 70—72; Арефьева Г. С. Социальная активность. М., Политиздат, 1974, с. 187.

только в ней. Между потребностями и деятельностью лежит интерес, который представляет собой специфическое отношение личности к объекту в зависимости от его жизненной значимости и эмоциональной привлекательности. Интересы имеют практическую направленность на преобразование действительности в соответствии с ними.

Будучи побудительной силой к действию, потребности и интересы формируют устойчивую систему мотивов поведения личности. Эта система, опосредствуясь моральными и нравственными качествами последней, становится основой ее ценностных ориентаций.

Сложным психическим образованием является характер, выступающий как совокупность индивидуально-своеобразных психических свойств, проявляющихся в типичном для личности стиле отношений и деятельности⁸. Характер — есть интегрированный показатель степени выраженности и постоянства проявления тех или иных свойств личности в различных ситуациях. В силу этого его нельзя рассматривать в одном ряду с иными элементами нравственно-психологической характеристики.

Вместе с тем черты характера обвиняемого являются отражением и проявлением тех или иных рассмотренных элементов характеристики. Это основано на важнейшем свойстве характера — отношении (к людям, коллективу, труду, вещам, самому себе)⁹.

Формы проявления нравственно-психологических свойств и качеств у обвиняемого могут быть различными: потребности и интересы раскрываются в образе жизни, окружающих обвиняемого вещах, месте работы, количестве и качестве труда, участии в общественных организациях, круге друзей и знакомых, посещении театров, кино, чтении книг, увлечении спортом, техникой и т. д.

Установление места работы обвиняемого, его друзей, отношений к людям, себе самому, к материальным и духовным ценностям, выяснение того, какие блага для себя он считает важными и значимыми, а также избираемых для их обладания средств — вот путь познания устойчивых мотивов поведения и ценностных ориентаций.

Анализ представлений обвиняемого о советской действительности, политике партии и правительства, отношения к моральным и правовым нормам и следования им в жизни и т. д. способствует раскрытию его мировоззрения и правосознания. Раскрытие этих составляющих позволит дать характеристику общей направленности личности обвиняемого.

⁸ Общая психология. Под ред. А. В. Петровского. М., «Просвещение», 1970, с. 386.

⁹ Там же, с. 391.

Доказательствами, характеризующими личность обвиняемого с нравственно-психологической стороны, могут быть любые фактические данные, на основе которых следователь в установленном законом порядке выявляет свойства и качества личности, имеющие значение для правильного разрешения дела. Источниками сведений могут быть лишь перечисленные в законе (ст. 69 УПК РСФСР).

Использование иных источников сведений о нравственно-психологических свойствах и качествах личности обвиняемого (например, данные оперативно-розыскной деятельности, сведения криминалистического учета, личные наблюдения следователя) допустимо в уголовном процессе лишь только для тактических целей расследования: выдвижения версий, отыскания новых доказательств, путей проверки имеющихся и др. Доказательственного значения по делу сведения, полученные из этих источников, иметь не будут.

Средством получения сведений о личности обвиняемого является уголовно-процессуальная деятельность — производство следственных и иных процессуальных действий¹⁰, посредством которых можно добывать практически любые сведения о нравственно-психологических свойствах и качествах личности обвиняемого, хотя возможности, объем и характер сведений при осуществлении каждого из них могут значительно отличаться друг от друга.

Проведенное нами изучение 333 уголовных дел, по которым было осуждено 397 обвиняемых, показало, что наиболее распространенными источниками получения данных о личности обвиняемого являются показания свидетелей, потерпевших, самих обвиняемых, иные документы, в основном характеристики, реже — протоколы следственных действий, заключения экспертов¹¹.

Свидетели, потерпевшие, другие обвиняемые могут сообщить следователю подробные и разнообразные сведения о нравственно-психологических свойствах и качествах личности обвиняемого. Эти сведения могут быть использованы для производства следственных действий (например, допросов членов семьи и близких родственников, назначения судебно-психологической экспертизы) либо подчинены решению иных задач.

Анализируя показания свидетелей, потерпевших, обвиняемых о нравственно-психологических свойствах и качествах (как пра-

¹⁰ Об этом см.: Цветков П. П. Исследование личности обвиняемого. Л., Изд-во ЛГУ, 1973; Глазырин Ф. В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Свердловск, СЮИ, 1973; Матусевич И. А. Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследования преступлений. Минск, Изд-во Белорусского госуниверситета, 1975 и др.

¹¹ Несколько иные данные получены Ф. В. Глазыриным (см.: Глазырин Ф. В. Указ. соч., с. 36), что, очевидно, объясняется особенностями местной практики.

вило, они говорят о чертах характера), следует иметь в виду, что в показаниях всегда содержатся оценки этих свойств и качеств (честный, наглый, порочные наклонности и т. п.) с точки зрения норм нравственности, права, общепринятых и общепризнанных правил поведения. Задача следователя состоит в установлении фактов, на основании которых были сделаны соответствующие умозаключения свидетеля, потерпевшего, так как доказательственную силу имеют только сообщения о фактах, но не мнения и умозаключения¹².

Последовательность получения этих сведений будет зависеть от правдивости обвиняемого и его желания «раскрыться» перед следователем, круга допрашиваемых свидетелей и потерпевших, их знания обвиняемого и понимания стоящих перед ними задач, умения следователя тактически правильно построить допрос и т. д.

Наиболее социально значимые качества личности раскрываются в процессе его трудовой деятельности, учебы, участия в различных общественных организациях. В силу этого особое значение имеют характеристики на обвиняемого с места работы, учебы, жительства, службы, общественной организации, из ИТУ, если ранее отбывал наказание.

Практика показывает, что следователи в основном ограничиваются истребованием одной характеристики, даже если она весьма лаконична. Так, из 13,9% имевшихся характеристик нельзя было понять, как именно характеризуется обвиняемый. Представляется целесообразной разработка типовой характеристики с перечнем вопросов, отражающих все существенные стороны личности обвиняемого (нравственно-психологические в том числе). Такие бланки следует направлять по месту работы, учебы, и на их основе будут составляться характеристики, что не исключает возможности выхода за пределы поставленных вопросов для их составителей.

Значительно реже следователями используются иные документы: личные дела, автобиографии, аттестации и пр.; личная переписка, дневники, фотографии; данные товарищеских судов, административных комиссий, истории болезни и др.

Сведения о нравственно-психологических свойствах и качествах личности обвиняемого являются составной частью предмета доказывания (п. 3 ст. 68 УПК РСФСР), установление причин и условий совершенного преступления невозможно без их раскрытия (ч. 2 ст. 68 УПК РСФСР), они служат одним из оснований принятия решений по уголовному делу (ст. 6—9 УПК РСФСР). Эти

¹² Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., «Наука», 1968, с. 409.

сведения, будучи получены при производстве отдельных следственных действий, оказываются как бы «рассеянными» по материалам всего уголовного дела, что существенно затрудняет их использование в суде.

Одной из задач при составлении обвинительного заключения является систематизация материалов предварительного расследования. Частью работы следователя по изучению личности обвиняемого выступает ее психологический анализ. В настоящее время ст. 205 УПК РСФСР обязывает следователя в описательной части обвинительного заключения указывать смягчающие и отягчающие ответственность обвиняемого обстоятельства, а в резолютивной части — сведения о его личности. На практике в резолютивной части даются лишь установочные данные о личности, а смягчающие и отягчающие обстоятельства в описательной части обвинительного заключения указываются не всегда.

В этой связи представляется целесообразным, чтобы данные о личности обвиняемого нашли свое отражение в описательной части обвинительного заключения в виде стройной характеристики, составленной следователем со ссылками на соответствующие доказательства по делу. Это создаст известные удобства для участников судебного разбирательства при определении круга сведений о личности обвиняемого, подлежащих исследованию по делу, а также окажет воспитательное воздействие на обвиняемого при ознакомлении его с обвинительным заключением и на присутствующих в зале суда при его оглашении.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО

Проблема изучения личности обвиняемого с каждым годом все больше привлекает внимание ученых-юристов. За последнее время появилось немало работ, посвященных исследованию личности преступника (обвиняемого) как в процессуальном, так и в криминалистическом плане¹.

Информация о личности обвиняемого помогает решать основные тактические задачи раскрытия и расследования преступления, «позволяет индивидуализировать ответственность»². Успешное исследование личности обвиняемого возможно лишь тогда, когда следователь в своей деятельности широко применяет достижения естественных и технических наук, активно использует познания специалистов и экспертов. Основные сведения о личности обвиняемого он получает при выполнении следственных действий: осмотра места происшествия и трупа, обыска, опознания, допроса и других, а также при осуществлении оперативно-тактических мероприятий: бесед с соседями, знакомыми обвиняемого, ознакомления с личным делом по месту работы и т. д.

Общеизвестно, что объем информации о личности обвиняемого, получаемой при производстве следственных действий, во многом зависит от мастерства следователя, а также от полноты применения в процессе расследования специальных познаний. В процессуальной и криминалистической литературе высказаны различные толкования понятия «специальные познания». Так, А. В. Дулов специальными познаниями считает те, которыми не располагает или располагает в неполной мере следователь или судья³.

¹ Ведерников Н. М. Изучение личности преступника в процессе расследования. Томск, 1968; Кривошеев А. А. Изучение личности обвиняемого в процессе расследования. М., 1971; Глазырин Ф. В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Свердловск, СЮИ, 1973.

² Карпец И. И. Индивидуализация наказания в советском уголовном процессе. М., 1961, с. 99.

³ Дулов А. В. Вопросы теории судебной экспертизы. Минск, 1959, с. 4.

А. А. Эйсмман подчеркивает, что специальные знания — это знания необщедоступные, не имеющие массового распространения, которыми располагает ограниченный круг специалистов⁴. Э. Б. Мельникова считает, что специальные познания «должны отвечать определенному требованию: не быть общеизвестными (вытекающими из общественного опыта) и не относиться к области права»⁵.

Представляется, что при отнесении тех или иных знаний к числу специальных необходимо четко себе уяснить три момента: специальные знания — это не юридические знания; к специальным знаниям нельзя относить методологические науки (философию, логику и т. д.), так как они являются основополагающими для всех частных наук (исследований); познания перестают быть специальными, как только они становятся общедоступными, общеизвестными.

Формы использования специальных познаний для изучения личности обвиняемого следующие: а) использование познаний специалистов (консультантов); б) назначение и проведение судебных экспертиз.

Уголовно-процессуальное законодательство определило ряд следственных действий, в проведении которых участвует специалист. Это: осмотр места происшествия, следственный эксперимент, освидетельствование и др. Рассмотрим некоторые из них.

В юридической литературе отмечается, что одной из задач осмотра места происшествия является получение сведений о личности преступника, его профессии, внешности, психологических особенностях⁶. Осмотр места происшествия позволяет представить себе психологическую картину совершенного преступления путем исследования действий как преступника, так и потерпевшего⁷. А. Р. Ратинов подчеркивал, что место происшествия можно рассматривать «как овегцествленную психологию участников расследуемого события, действовавших на этом плацдарме»⁸.

Значительную информацию о личности преступника следователь получает при изучении следов рук, ног, а также физиологических выделений человеческого тела (кровь, слюна и т. д.). При обнаружении следов пальцев рук следователь совместно со спе-

⁴ Эйсмман А. А. Заключение эксперта. Структура и обоснование. М., «Юридическая литература», 1967, с. 91.

⁵ Мельникова Э. Б. Участие специалистов в следственных действиях. М., «Юридическая литература», 1964, с. 12.

⁶ Глазырин Ф. В. Указ. соч., с. 47.

⁷ Матусевич И. А. Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследования преступлений. Минск, 1975, с. 49.

⁸ Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., Изд-во ВШ МООП СССР, 1967, с. 254.

циалистом-криминалистом может выявить особенности строения кисти руки, форму и размер ладони, форму и размер пальцев и их фаланг, количество и размер линий, различные рубцы, шрамы на ладонях и пальцах, а также отсутствие пальцев и другие аномалии. Специалист может по рекомендации следователя осмотреть узоры на пальцах тех лиц, которые в силу определенных обстоятельств находились на месте происшествия (очевидцы, родственники), и сравнить их с обнаруженными отпечатками. Это позволит оперативно получить некоторые сведения о преступнике, сузить круг подозреваемых и освободить указанных лиц от процедуры дактилоскопирования.

Определенную информацию получает следователь при изучении следов ног с помощью специалистов: криминалиста и ортопеда.

Интересные сведения о внешности преступника следователь получает при изучении одежды, вещей и документов, найденных на месте происшествия. Используя познания специалиста, следователь может определить пол, возраст, телосложение преступника, установить размеры его ног, рук, головы; предположить некоторые особенности строения частей тела.

Специальные познания сведущих лиц используются следователем для изучения обнаруженных документов, писем, записок. Прочтение неясных обозначений в документах (например, залитых чернилами, кровью), расшифровка различных технических и профессиональных текстов и терминов позволяют следователю делать выводы о наличии психического расстройства или физической усталости человека, составившего документ, определить направленность преступных действий. Сведения о личности преступника следователь получает при криминалистической (следственной) реконструкции — восстановлении первоначального состояния обстановки или отдельного предмета. Специалист, участвующий в реконструкции, помогает следователю в подготовке и проведении восстановительных операций: составлении композиционных портретов (фотографических или рисованных изображений элементов человеческой внешности), применении необходимых научно-технических средств, составлении схем, планов, чертежей и т. д. Значительную помощь следователю может оказать специалист, работающий в области портретной идентификации.

При подготовке к допросу очевидцев специалист помогает следователю составить перечень вопросов, подлежащих выяснению, чтобы оперативнее и точнее провести изготовление композиционных или рисованных портретов. Сведения о личности будущего обвиняемого следователь получает также при изучении способа

совершения и сокрытия преступления. Судебно-следственная практика показывает, что существует определенная зависимость между способом совершения преступления (особенно по делам о хищениях) и его исполнителем. Способ совершения преступления — это система действий преступника по подготовке, совершению и сокрытию такового, детерминированных условиями внешней среды и свойствами личности. Установив способ совершения преступления, следователь может судить о знаниях, привычках, навыках преступника в той или иной области, а иногда и его профессии. Нередко для определения способа совершения преступления следователь прибегает к помощи специалиста или эксперта. Анализируя материалы уголовного дела или участвуя в следственном действии, специалист может высказать свои предположения о профессиональных навыках преступника (например, исследуя фальшивые деньги, специалист отмечает, насколько опытен преступник, какими инструментами он мог пользоваться, какими материалами располагал и т. д.).

Важнейшим источником сведений о личности обвиняемого является допрос, особенно свидетелей и потерпевших. Представление о личности совершившего преступление следователь может получить и в ходе его допроса, успех которого во многом определяется тем, насколько следователь обладает криминалистическими и психологическими знаниями.

В ходе допроса следователь изучает личность обвиняемого путем словесного обмена сведениями, наблюдения за поведением и состоянием допрашиваемого. Большую помощь в изучении личности обвиняемого ему могут оказать специалисты в области психологии, детской педагогики, психиатрии, а также и других специальных наук. С их помощью следователь определяет характер, темперамент допрашиваемого, его возможное эмоциональное состояние в конкретной конфликтной ситуации. Эти сведения позволяют следователю выбрать наиболее эффективные тактические приемы допроса.

Значительную информацию о личности обвиняемого следователь получает в результате использования специальных познаний в форме судебных экспертиз: судебно-медицинской, криминалистической, судебно-портретной и т. д. Особое место в системе судебных экспертиз занимают те, которые исследуют психику обвиняемого: здоровую — судебно-психологическая экспертиза, а патологическую — судебно-психиатрическая. Специалисты-психиатры определяют вменяемость или невменяемость обвиняемого, указывают на имеющиеся у него психические заболевания, наличие или отсутствие патологического эффекта и т. д.

Нет сомнения в том, что наличие подобных сведений о личности обвиняемого способствует правильному расследованию уголовного дела.

Судебные психологи дают общую характеристику личности преступника, а также отмечают черты, имеющие наибольшую значимость для уголовного дела, например, способен ли обвиняемый давать правдивые показания, управлять автомобилем в силу своих психологических особенностей, соответствует ли интеллектуальный уровень несовершеннолетнего обвиняемого его возрасту и др.

Мы остановились лишь на некоторых моментах использования специальных познаний для изучения личности обвиняемого. Представляется, что по мере дальнейшего развития науки и техники все больше и больше будут использоваться специальные познания в расследовании, раскрытии и предупреждении преступлений, в том числе и в изучении участников уголовного судопроизводства.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОКАЗАНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ПОДЛЕЖАЩИЕ УЧЕТУ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В процессе расследования отдельных видов и групп преступлений основная задача следователя состоит в том, чтобы получить доказательственную информацию¹ по делу, носителями (источниками) которой являются объекты как живой, так и неживой природы². Наряду с другими средствами, предусмотренными законом, доказательственная информация (фактические данные) устанавливается, как известно, и показаниями свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, в том числе и несовершеннолетних.

Проблеме формирования показаний всегда придавалось большое значение как в теории, так и в практике судебно-следственных органов. Этим вопросам посвящено много научных исследований, однако в большинстве из них основные положения психологии рассматриваются применительно к показаниям взрослых. Вопросы, касающиеся показаний несовершеннолетних, психологических особенностей их формирования, не получили еще должной разработки. Между тем судебно-следственная практика свидетельствует, что всесторонний учет и объективная оценка этих особенностей способствуют не только эффективности доказывания существенных обстоятельств, но и разработке рекомендаций по выявлению и устранению в процессе расследования причин и условий совершения преступлений, воспитательному воздействию следствия. Особенно важно учитывать это при расследовании преступлений несовершеннолетних. Широкие пределы установления и исследования обстоятельств, относящихся к личности несовершеннолетних, придают процессу расследования этой группы преступлений

¹ О доказательственной информации и ее соотношении с общей теорией информации см.: В ин б е р г А. И. и Б е л к и н Р. С. Криминалистика и доказывание. М., 1969.

² Б е л к и н Р. С. Собираение, исследование и оценка доказательств. М., «Наука», 1966, с. 40—41 и др.

ний определенную сложность. Недостаточная социальная адаптация несовершеннолетних, своеобразие их психологии, обусловленное возрастными и индивидуальными особенностями (объективно свойственная им инфантильность, повышенная внушаемость и эмоциональность, склонность к фантазии, неопределенность черт характера и др.) нередко приводят к тому, что они непреднамеренно искажают факты реальной действительности, по необычным мотивам изменяют показания, допускают оговор, самооговор и т. д. В связи с этим у следователя довольно часто возникают трудности в исследовании субъективной стороны состава преступления, психологии поступков и показаний несовершеннолетних как обвиняемых (подозреваемых), так и свидетелей и потерпевших.

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство авторов, за некоторыми исключениями³, рассматривают особенности формирования показаний несовершеннолетних, как правило, с позиций общих социально-психологических черт их личности, без конкретного анализа многих ее компонентов и соответствующей характеристики психических явлений.

В процессе установления, исследования и оценки доказательств учет основных черт и свойств личности несовершеннолетних имеет большое значение. Однако такие наиболее устойчивые психические образования личности, какими являются черты и свойства, дают следователю лишь общую ориентацию при непосредственном получении информации, содержащейся в показаниях, для отбора этой информации с точки зрения ее относимости и полезности. Вместе с тем полезность информации определяется, на наш взгляд, ее качественным аспектом. Поэтому использование показаний несовершеннолетних становится более эффективным, если следователь имеет ясное представление о психологической первопричине, основе их формирования.

Исходными в психической жизни человека, как известно, являются психические процессы: ощущения и восприятия, память, мышление и воображение, эмоции и волевые процессы⁴. Они имеют центральное значение не только для отражения объективной действительности, ориентации в ней, но и формирования знаний и умений, опыта и регуляции деятельности. Особенности психических процессов зависят от многих факторов, одним из которых является возраст. Итак, вопросы формирования показаний несовершеннолетних необходимо рассматривать с учетом специфики процессов,

³ См., например: Черных Э. А. Психологические основы допроса несовершеннолетних на предварительном следствии. Автореферат канд. диссертации. М., 1968.

⁴ Ковалев А. Г. Психология личности. М., «Просвещение», 1970, с. 25.

свойств и состояний, обусловленной их возрастными особенностями.

Проблема возрастных особенностей является одной из трудных⁵, поэтому в науке, изучающей различные аспекты жизненного цикла человека, до настоящего времени нет единой периодизации возрастного развития. Вместе с тем определяющим началом в развитии индивида, в том числе в его умственной и психической сфере, по данным современной психологии, является воспитание и обучение⁶. Поэтому за основу возрастной периодизации целесообразно, на наш взгляд, принять этапы обучения и умственного развития в дошкольные и школьные годы.

Применительно к предмету исследования нам представляется наиболее приемлемой, разумеется с учетом условности хронологических границ, следующая возрастная классификация: от 3 до 7 лет — дети дошкольного возраста; от 7 до 10—11 лет — младший школьный возраст; от 11 до 14—15 — средний школьный возраст и от 14—15 до 17—18 лет — старший школьный возраст.

Поскольку с ходом возрастного развития связаны необратимые психофизиологические изменения, каждый период детства представляет собой качественно особую ступень с ее неповторимыми достоинствами и возможностями, знание и учет которых в процессе расследования имеет важное практическое значение, так как позволяет следователю лучше понять влияние возрастных особенностей на формирование показаний несовершеннолетних.

Известно, что несовершеннолетние самых различных возрастных групп могут быть как потерпевшими, так и очевидцами преступления. Их показания нередко играют важную роль в раскрытии преступления. Однако при расследовании различных видов и групп преступлений важно учитывать, что формирование показаний несовершеннолетних имеет свою специфику, обусловленную своеобразным проявлением познавательных психических процессов. В различные возрастные периоды у несовершеннолетних разные интересы, они по-разному мыслят и чувствуют, находятся в различных отношениях с действительностью.

Исходя из сказанного, попытаемся охарактеризовать психологические особенности нескольких возрастных групп несовершенно-

⁵ См.: Ананьев Б. Г. К проблеме возраста в современной психологии. — В кн.: Индивидуальное развитие человека и константность восприятия. М., «Просвещение», 1968; Эльконин Д. Б. Проблемы периодизации психического развития детей. — В сб.: Материалы III Всероссийского съезда Общества психологов СССР, т. 1. М., 1968 и др.

⁶ Вопросы детской и педагогической психологии на XVIII Международном конгрессе психологов. Под ред. действительного члена АПН СССР А. А. Смирнова. М., «Просвещение», 1969, с. 5, 18, 57.

нолетних: дошкольной, младшей и средней (подростковой) школьной и старшей.

Личность несовершеннолетних, как и всякая личность, характеризуется определенной системой психических процессов, состояний и свойств. Вместе с тем у них эта система проявляется своеобразно, специфично.

. Большинство преступлений, как правило, — события быстротечного характера, поэтому восприятие лица, их наблюдавшего, зависит от того, как долго длилось это наблюдение (восприятие). Вполне понятно, что своеобразный «дефицит» времени наблюдения сказывается в первую очередь на полноте восприятия. Оно как бы менее цельно, фрагментарно. Кроме того, быстротечность события — это не только малая продолжительность времени, в которое оно происходит, но и его темп. Это обстоятельство создает дополнительные трудности для восприятия, которое, по всей вероятности, будет зависеть от того, насколько быстро лицо способно реагировать на происходящее. В связи с этим следователь должен учитывать, что время реакции детей и подростков на самые различные раздражители больше, чем у взрослого человека, так как «общая закономерность состоит в постепенном и неуклонном укорочении времени реакции, начиная с 3,5 лет и кончая студенческим возрастом»⁷.

Естественно, этот фактор сказывается на восприятии несовершеннолетних, так как у них меньше возможности для переключения и сосредоточения внимания, в результате чего признаки и свойства предметов и явлений воспринимаются ими неполно или недостаточно четко.

Поскольку взаимодействие человека с реальной действительностью осуществляется через его воспринимающую систему (систему органов чувств), в процессе расследования преступлений возникает иногда необходимость знания и учета тех ее свойств, которые определяют физическую природу отражения внешнего мира. Органы чувств, как известно, являются единственными средствами отражения внешнего мира в человеческом сознании. Поэтому при оценке информации следователю очень важно учитывать состояние сенсорной системы (органов зрения, слуха, осязания, обоняния и др.), которая у несовершеннолетних отличается определенным своеобразием.

В процессе расследования отдельных видов и групп преступлений нередко возникает необходимость в установлении формы, величины и цвета предметов, пространственных отношений (удален-

⁷ Бойко Е. И. Время реакций человека. М., «Медицина», 1964, с. 301 и сл.

ности предметов, их сгруппированности или расстояния между ними и т. д.), воспринимаемых с помощью зрительных и слуховых анализаторов, чувствительность которых зависит от самых различных условий, в том числе от возраста. Экспериментальные данные психологов свидетельствуют о том, что чувствительность глаза, например, по отношению к яркости объектов в возрасте 16 лет в 2,5 раза больше, чем у 6-летнего ребенка; различительная цветовосприимчивость учащихся третьего класса по сравнению с первоклассниками выше на 45%, а у школьников пятых классов возрастает до 160% ⁸.

При оценке пространственных отношений, сообщаемых теми или иными лицами, нередко бывает важно выяснить возможности восприятия пространства и предметов по их площади, объему, а также глазомер, остроту зрения и т. д. Между тем исследования психологов показывают, что пространственно-различительные функции несовершеннолетних разных возрастов находятся еще в стадии становления и развития, носящего порой неравномерный, противоречивый характер ⁹. Установлено, например, что наибольшее воздействие на все функции и особенно на остроту и поле зрения возраст оказывает в дошкольные годы, а острота зрения первоклассников значительно хуже, чем у дошкольников 6—7 лет. Вместе с тем хотя острота зрения у большинства детей к 7 годам достигает нормы, однако поле зрения у них составляет 80% общих размеров поля зрения взрослого человека. Своеобразная эволюция наблюдается и в отношении линейного и глубинного глазомера несовершеннолетних: глазомерная функция 7-летнего ребенка развита в 7 раз меньше, чем у взрослого человека ¹⁰.

Эти факторы в совокупности с другими могут сказываться на полноте, точности и качестве восприятия несовершеннолетних и должны учитываться следователем при оценке получаемой информации.

Говоря о зависимости качества восприятия несовершеннолетних от состояния органов чувств, необходимо также учитывать факторы адаптационного характера. Явление адаптации, которое выступает в роли «регулятора» уровня чувствительности, проявляется у них несколько своеобразно. Это объясняется отсутствием жизненного опыта несовершеннолетних и определенными особен-

⁸ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., Изд-во ЛГУ, 1969, с. 142.

⁹ См.: Рыбалко Е. Ф. О соотношении возрастных и индивидуальных особенностей в зрительно-пространственных функциях.— В сб.: Экспериментальная и прикладная психология, вып. 2. Л., Изд-во ЛГУ, 1970, с. 3 и сл.

¹⁰ Ананьев Б. Г. Указ. соч., с. 171—173, 176.

ностями физического состояния органов чувств, обусловленных их возрастным развитием. При этом нельзя не учитывать, что на характер восприятия лиц этого возраста влияет и явление сенсibilизации, так как нередко чувствительность анализаторов может повышаться под воздействием побочных раздражителей: наркотических веществ, алкоголя и др. Учет особенностей этих явлений у несовершеннолетних безусловно необходим, ибо дает возможность следователю правильно оценить качественный аспект сообщаемой ими информации.

Восприятие как познавательный процесс в значительной мере зависит и от факторов аперцептивного характера: жизненного опыта воспринимающего, его знаний, профессии, образования и воспитания. Вполне естественно, что малый жизненный опыт несовершеннолетних, отсутствие у большинства из них профессии и надлежащих знаний также определяют специфику их восприятия, отличающегося от восприятия взрослого человека.

Кроме того, поскольку восприятие как форма отражения действительности является «носителем» субъективных образов объективно существующих предметов и явлений, оно зависит, очевидно, и от особенностей личности воспринимающего, физиолого-психологических свойств его организма. В этом смысле восприятие несовершеннолетних также имеет свою специфику. Импульсивность поведения дошкольников и младших школьников, а также повышенная эмоциональность и реакция на внешние раздражители, характерная для переходного (подросткового) возраста, обуславливают еще одну особенность их восприятия — его небольшую избирательность, сильную эмоциональную окрашенность, а порой и чрезвычайную впечатлительность.

Исходя из сказанного, следователь должен помнить, что высокая эмоциональная напряженность несовершеннолетних своеобразно влияет на их восприятие: она может отвлекать внимание, придавать восприятию одностороннюю направленность, иногда приводить к существенным преувеличениям.

В ходе расследования преступлений всегда нужно учитывать, что на многие познавательные процессы несовершеннолетних, в том числе и на восприятие, большое влияние оказывает качественное состояние их внимания. Общеизвестно, что, осознавая окружающее, воспринимающий делает как бы «отбор» того, что должно быть воспринято. Эта избирательная направленность психической деятельности у несовершеннолетних имеет определенные отличительные черты. Важно учитывать прежде всего, что у большинства из них объем внимания значительно меньше, чем у взрослого человека. По данным некоторых авторов, например,

объем внимания у детей младшего школьного возраста ограничивается двумя-тремя объектами, в то время как у взрослых он охватывает четыре-шесть таких объектов¹¹.

Направленность и сосредоточенность психической деятельности (внимание), как известно, может носить как произвольный, так и непроизвольный характер. У несовершеннолетних разных возрастных групп преобладает тот или иной, качественно различный вид внимания.

Для детей дошкольного и младшего школьного возраста характерно в основном непроизвольное внимание, которое может быть довольно длительным, устойчивым и сосредоточенным. Преобладание непроизвольного внимания в этом возрасте определяется своеобразием взаимодействия характера внешних раздражений с особенностями личности, ее внутреннего состояния. Сущность этого своеобразия состоит в том, что воспринимаемые ими объекты и явления в большей степени воздействуют на эмоциональную, а не на волевую сферу их психической деятельности. В раннем возрасте особенно велико действие интереса, его первых и простейших признаков чувственной сферы — занимательности и привлекательности, придающих вниманию преимущественно эмоциональный характер. Известно, что именно в эти годы у детей наблюдается чрезмерная отзывчивость на окружающее, способность удивляться. По самому незначительному поводу у них возникает состояние полной заинтересованности и умственной активности. Дети этого возраста особенно активно реагируют на непосредственные впечатления, получаемые через органы чувств. Они реагируют прежде всего на необычность происходящего, замечают множество деталей и подробностей. Однако ввиду малого ассоциативного опыта, как правило, не задумываются об их назначении и причине возникновения. Импульсивность поведения детей, своеобразная «реактивность» их психики также сказываются на характере их внимания. Они легко отвлекаются, поэтому их внимание мало сосредоточено. Представляется, что эти черты внимания особенно характерны для современных детей и подростков, когда в условиях урбанизации, бурного темпа современной жизни, роста техники создаются известные психические перегрузки, определенным образом влияющие на те или иные элементы психических процессов.

В процессе воспитания характер внимания несовершеннолетних с возрастом изменяется: оно становится сосредоточенным, объемным, направленным и более осмысленным. Уже в дошколь-

¹¹ Черных Э. А. Указ. соч., с. 5.

ном возрасте под влиянием различных требований взрослых, ставящих перед детьми элементарные осознаваемые цели, подавляющие в известной мере их импульсивность, вырабатываются элементы произвольного внимания. Несколько позднее, в школьные годы, различные виды учебной работы, дисциплинирующее влияние занятий повышают осознанность, сосредоточенность и целенаправленность внимания.

Чувственная картина окружающего, которую постоянно дают человеку его ощущения и восприятия, необходима, но недостаточна для его глубокого всестороннего познания. Поэтому, ощущая и воспринимая объективно существующие явления, он стремится познать не только их внешние черты и свойства, но и внутренние связи, скрытые особенности. Такое отражение предметов и явлений достигается в процессе мышления как форме опосредствованного и обобщенного познания действительности.

При расследовании преступлений следователь всегда должен учитывать, что мышление несовершеннолетних разных возрастов имеет свою специфику, обусловленную особенностями их личности.

Умственные возможности детей и подростков, как и другие стороны их личности, находятся еще в процессе становления и связаны с ходом возрастного развития. Так, дети дошкольного возраста, осмысливая окружающую действительность, еще плохо разбираются в причинных связях. Однако у них уже имеются простейшие формы логического мышления, которое носит преимущественно наглядно-образный характер. Иначе говоря, дошкольники мыслят лишь наглядными образами, так как не владеют еще понятиями. Для детей младшего школьного возраста очень показательна не только любознательность и непосредственность реакции при восприятии, но и попутное осознание, осмысливание своих впечатлений. Вместе с тем в их умственной пытливости нет уверенности и настойчивости. Они, как правило, не проявляют самостоятельного интереса к выяснению смысла, сущности явлений, их рациональное познание носит наивно-игровой характер. Поэтому их любознательность выглядит несколько относительной, особенно в тех случаях, когда она касается объектов, выходящих за пределы их опыта. Дети этого возраста овладевают лишь формой, внешней стороной, однако им уже доступны словесные построения и формальная логика.

Мышление подростка существенно отличается от мышления младшего школьника. Расширение безличных отношений, стремление к самостоятельности, желание много знать и уметь естественно увеличивают возможности мыслительной деятельности подростков. Происходящие в этом возрасте некоторые анатомо-физиологиче-

ские сдвиги (увеличение веса мозга, совершенствование его рефлекторной деятельности) являются биологической основой развития более высоких форм отражения действительности. Ускорению умственного развития несовершеннолетних этого возраста способствуют и другие факторы. Психолого-педагогические исследования последних лет, проведенные в нашей стране и за рубежом, показывают, что совершенствование учебных программ и активизация методов обучения также ускоряют умственное и психическое развитие современного подростка¹². Запас знаний, получаемая информация естественно предполагают их мысленную переработку. Подростки более критически относятся к действительности. Характерной особенностью умственной деятельности подростков является их стремление к осознанной самостоятельной переработке воспринятого. По сравнению с младшими возрастными группами несовершеннолетних их мышление приобретает более отвлеченный характер, у них вырабатываются элементы теоретического мышления, стремление к логическому обоснованию тех или иных положений.

В процессе расследования различных видов преступлений важно учитывать и особенности памяти несовершеннолетних. Память, как известно, не является какой-то самостоятельной функцией, а теснейшим образом связана с личностью, ее внутренним миром. Поэтому развитие памяти происходит параллельно с развитием человека. Являясь важнейшей характеристикой всех психических процессов, память согласно современным представлениям науки детерминирована деятельностью.

В каждый данный момент поведение человека определяется его жизненным опытом. Специфический характер деятельности несовершеннолетних в различные возрастные периоды развития, очевидно, является фактором, не только формирующим основные процессы памяти, но и определяющим их своеобразие. Так, главной деятельностью дошкольника является игра. Игра в этом возрасте — это потребность ребенка, в которой он наиболее доступным для него путем осваивает многообразие окружающего мира. Наивно-игровое отношение к действительности — главное свойство детского ума. Запоминание в этом возрасте носит в основном произвольный характер. Дошкольник специально не заботится о том, чтобы все, что им воспринимается, он мог припомнить впоследствии.

¹² См.: Эльконин Д. Б. К вопросу о методологии и методике изучения психического развития детей. — В сб.: XVIII Международный психологический конгресс. Симпозиум 29. М., 1966.

У основной же массы несовершеннолетних других возрастных групп преобладает произвольное запоминание, обусловленное спецификой рода их занятий: учебой в общеобразовательных и специальных учебных заведениях, работой на производстве и т. д. Именно в процессе учебы запоминанию преднамеренно придается целенаправленный характер.

В процессе расследования преступлений, естественно, нужно учитывать отмеченные особенности произвольного запоминания несовершеннолетних, однако гораздо большее внимание должно уделяться их непроизвольному запоминанию, которое происходит как бы «само собой», без определенной цели и усилий. Непроизвольное запоминание (подобно произвольному) представляет собой строго закономерный процесс, детерминированный особенностями личности. Продуктивность его (запоминания) зависит от того, насколько полно и значимо воспринимаемые предметы и явления входят в содержание основной цели деятельности, в какой мере воспринимающее лицо заинтересовано в содержании самой деятельности, от степени его умственной активности в процессе восприятия.

Запоминание, как известно, осуществляется лучше и легче, если человек активен, бодр, не чувствует усталости. Однако следователю нужно учитывать, что несовершеннолетним, особенно старших возрастных групп, объективно свойственна чрезмерная активность. Активная физическая деятельность, порой нецелесообразная, определенным образом влияет на непроизвольное запоминание, она как бы «отвлекает» внимание подростка и мешает ему сосредоточиться на запоминаемом объекте, явлении. Этот фактор в сочетании с повышенной утомляемостью, характерной для данного возраста, влияет не только на объем запоминания, особенно при быстротечных событиях, но и на его качество. В подобных ситуациях, как правило, уменьшается осмысленность происходящего, неполно улавливаются необходимые ассоциативные связи, что, естественно, уменьшает возможности сохранения информации.

Кроме того, особая эмоциональная чувствительность, свойственная этому возрасту, также в значительной мере влияет на запоминание. При непроизвольном запоминании несовершеннолетних этого возраста отбор необходимого для запоминания материала нередко осуществляется на основе эмоциональной окрашенности воспринимаемого.

Специфика непроизвольного запоминания несовершеннолетних влияет не только на сохранение, но и на воспроизведение воспринятого. Особого внимания для следственной практики в этом смысле

заслуживает тот факт, что у несовершеннолетних, особенно младших возрастных групп, гораздо чаще, чем у взрослых, наблюдается явление реминисценции. Это значит, что более позднее, отсроченное на определенное время воспроизведение оказывается полнее, точнее и правильнее, чем непосредственное. Эта особенность детской памяти в определенной мере объясняется преобладанием формы непосредственного запоминания. При этом в силу ограниченности мыслительной деятельности менее активно протекает процесс сохранения информации. Знание и учет этого явления имеет важное практическое значение, так как позволяет следователю правильно ориентироваться в выборе момента производства тех или иных следственных действий с участием несовершеннолетних и тем самым объективно оценить сообщаемую ими информацию.

Одним из процессов памяти, как известно, является воспроизведение воспринятого и закрепленного ранее в психике. Этот процесс, протекающий, как правило, в форме узнавания и припоминания воспринятого, у несовершеннолетних имеет свои особенности, которые также необходимо учитывать в следственной практике.

Известно, что несовершеннолетние, наблюдавшие тот или иной объект, событие или явление, не всегда в состоянии воспринять их в целом, во всей полноте их свойств и отношений. Между тем в условиях предварительного следствия обычно преобладающим является произвольное воспроизведение, которое вызывается сознательной постановкой целей и задач описания предметов, событий, обстоятельств. Это противоречивое соотношение: неполнота познания объекта и стремление вспомнить определенные сведения о нем — довольно часто приводят к тому, что пробелы (неполноту) восприятия несовершеннолетние стремятся заполнить представлениями об аналогичных предметах, вносят свои субъективные оценки, которые нередко расходятся с действительностью. Разумеется, что подобное привнесение субъективного при воспроизведении имеет место и у взрослого человека. Однако поскольку произвольное воспроизведение одних и тех же событий разными людьми зависит от их жизненного опыта, интересов, эмоционального состояния, постольку психологические возрастные особенности личности определяют специфику протекания этого психического процесса.

Представляется, что малый жизненный опыт, более узкий круг как личных, так и безличных отношений, определенная ограниченность чувственного и рационального познания несовершеннолетних обуславливают ту особенность их памяти, что они в большей

мере, чем взрослые, склонны к фантазии. Воображение (фантазия) как познавательный процесс, возникающий в проблемной ситуации, подобно другим процессам памяти также детерминировано характером деятельности¹³. Поэтому на различных этапах возрастного развития личности степень его проявления, естественно, неодинакова. Чаще всего к фантазии склонны дети дошкольного и младшего школьного возраста, так как ведущей их деятельностью является игра с ее необходимыми элементами — воображаемыми образами и ситуациями. Воображение органически присуще детям этого возраста и является своеобразной программой их наивно-игровой деятельности и отношения к действительности. Несовершеннолетние более старшего возраста также обладают развитым воображением, однако прибегают к фантазированию, как правило, из желания похвастаться своей осведомленностью.

Разумеется, следовательно важно учитывать и другие факторы, влияющие на процесс воспроизведения действительности у несовершеннолетних. В частности, необходимо учитывать, что недостаточная сформированность эмоционально-волевых качеств их личности в сочетании с другими факторами нередко приводит к тому, что они больше, чем взрослые, подвержены внушению и самовнушению, что, естественно, не может не сказаться на качестве информации.

При работе с несовершеннолетними следователь не должен выпускать из поля зрения такие психологические стороны личности, как темперамент и характер, которые отличаются у них неопределенностью и противоречивостью, так как находятся еще в стадии развития и становления.

¹³ См.: Общая психология. М., «Просвещение», 1970, с. 318.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

Действующее уголовное законодательство охватывает довольно широкий круг преступлений, при совершении которых может применяться огнестрельное оружие. Однако, несмотря на различную уголовно-правовую характеристику, рассматриваемую категорию преступлений объединяют в одну группу прежде всего способ их совершения, сходство объектов преступных посягательств и источников доказательственной информации¹, т. е. то, что в конечном счете определяет методику расследования. «Именно сходство криминалистических характеристик преступлений создает возможность (прежде всего на основе обобщения практики) улавливать общность в характеристике обстоятельств совершения определенных преступлений, их способы, однородность оставляемых ими следов»². Изучение элементов криминалистической характеристики данной группы преступлений, выяснение их взаимозависимости имеет важное значение для правильного построения первоначальных следственных действий, определяет дальнейший ход расследования³.

Преступления, совершаемые с применением огнестрельного оружия, представляют собой повышенную общественную опас-

¹ См.: Селиванов Н. А. Определение понятия методики расследования и ее принципы.— В сб.: Методика расследования преступлений (общие положения). Материалы научно-практической конференции (г. Одесса, ноябрь 1976 г.). М., 1976, с. 12.

² Танасевич В. Г. Теоретические основы методики расследования преступлений.— В сб.: Методика расследования преступлений (общие положения). Материалы научно-практической конференции (г. Одесса, ноябрь 1976 г.). М., 1976, с. 6.

³ См.: Драпкин Л. Я. Структура и функции первоначальных следственных действий в методике расследования преступлений.— В сб.: Методика расследования преступлений (общие положения). Материалы научно-практической конференции (г. Одесса, ноябрь 1976 г.). М., 1976, с. 85.

ность, так как во многих случаях влекут смертельный исход или увечье участников события. Зачастую преступления подобного вида опасны для жизни многих людей. Представляет большую трудность и пресечение преступных действий, и задержание вооруженного преступника. Данная группа преступлений обращает на себя внимание еще и потому, что получившая за последние годы широкое распространение любительская охота вызывает увеличение концентрации охотничьего оружия у населения. Изучение практики показывает, что именно это оружие в подавляющем большинстве случаев используется для совершения преступлений. Довольно часто преступниками применяются обрезы и самодельное оружие. В то же время редкостью стало использование пистолетов и револьверов⁴.

Рассматривая в данной группе соотношения видов совершенных преступлений, следует отметить, что подавляющее большинство из них составляют убийства и покушения на убийства. Значительное место занимает злостное хулиганство, и сравнительно редко встречаются телесные повреждения⁵.

Само применение огнестрельного оружия обуславливает наличие значительного объема информации о способе совершения преступного деяния и преступнике уже при обнаружении преступления и, таким образом, определяет направление расследования на начальном этапе независимо от его вида. Вместе с тем анализ условий и обстоятельств подготовки и совершения данных преступлений позволяет выделить в этой группе три значительные по объему подгруппы, которые определяют возникновение типичных следственных ситуаций⁶ на начальном этапе расследования.

1. Наиболее часто в практике расследования дел, связанных с применением огнестрельного оружия, приходится сталкиваться с так называемыми «бытовыми» преступлениями. К ним относятся убийства, покушения на убийства и телесные повреждения, совершаемые без заведомой подготовки, по мотивам мести, ревности и ссор.

⁴ Здесь и далее под применением подразумевается использование огнестрельного оружия по его назначению, т. е. выстрелы из него, исключая демонстрацию оружия для устрашения или неудавшиеся попытки его использования.

⁵ В настоящей работе не ставилась задача рассмотрения всех без исключения преступлений, совершаемых с применением огнестрельного оружия, а лишь наиболее распространенных и совершенных умышленно.

⁶ О следственных ситуациях см. более подробно: Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, СЮИ, 1975, с. 170; Драпкин Л. Я. Понятие и классификация следственных ситуаций.— В сб.: Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Научные труды, вып. 41. Свердловск, СЮИ, 1975, с. 41.

Для преступлений этой подгруппы характерны следующие обстоятельства: используется хранящееся в доме у преступника или его родственников, знакомых (под рукой) охотничье оружие; само событие происходит чаще всего в процессе распития спиртных напитков или после него; преступление совершается в присутствии свидетелей; зачастую возникает опасность для жизни лиц, находящихся в зоне выстрела или пытающихся пресечь преступные действия; потерпевшими являются родственники, соседи или знакомые преступника; после совершения преступления виновный обычно не скрывается, часто сам является в органы милиции; на месте происшествия остается множество следов применения огнестрельного оружия — снаряды, гильзы, пыжи, нередко само оружие и следы его действия на преградах.

2. Ко второй подгруппе относятся преступления, совершенные из хулиганских побуждений. Они характеризуются следующим образом: используется самое различное оружие, но чаще обреза и самодельное; совершаются лицами в нетрезвом состоянии и в общественных местах, куда оружие преступником приносится; как правило, при многочисленных свидетелях; для жизни и здоровья лиц, которые присутствуют на месте события, существует реальная угроза; потерпевшие — чаще всего посторонние, незнакомые преступнику лица; после совершения преступления виновные обычно пытаются скрыться; при задержании на месте преступления оказывают сопротивление; на месте происшествия остаются многочисленные следы применения огнестрельного оружия, но очень редко — само оружие.

В приведенных криминалистических характеристиках наблюдаются сходство по источникам доказательственной информации (наличие свидетелей-очевидцев, многочисленные следы применения огнестрельного оружия) и по состоянию преступника и различия по обстановке события и поведению преступника во время и после совершения преступления.

3. Третью подгруппу отличает от двух предыдущих целый ряд элементов: обстановка события, состояние преступника, его поведение. Эти преступления совершаются чаще всего с корыстной целью или с целью сокрытия другого преступления. Как мотивы возможны и месть, и ревность, но данную подгруппу от первой отличает заведомая подготовка преступления и тщательное его сокрытие, что является главным основанием для ее выделения. Для совершения преступлений данной подгруппы характерны следующие обстоятельства: используется самое различное оружие, в том числе и боевое, и спортивное; обстановка в основном «один на один»; часто преступник стремится уничтожить и возможных свидетелей;

в подавляющем большинстве случаев преступник трезв; потерпевшие — родственники или знакомые преступника, редко — посторонние; лицо, совершившее преступление, к моменту обнаружения последнего неизвестно; часто встречаются инсценировки самоубийств, несчастных случаев или другого преступления для сокрытия истинных мотивов⁷; на месте происшествия остается минимум следов (обычно только огнестрельные повреждения на преградах, труп или теле потерпевшего).

Анализируя приведенные характеристики, нетрудно заметить, что **основанием для подразделения довольно большой группы преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия, на три подгруппы являются в первую очередь определенные модели поведения преступников при типичных обстоятельствах.**

Используя один и тот же способ совершения преступления, преступники по-разному действуют как в процессе подготовки и совершения преступления, так и после него.

Поведение преступника безусловно детерминировано сложившимися к моменту совершения преступления обстоятельствами, которые представляют собой совокупность внешних и внутренних факторов. «Под внешними факторами нужно понимать объективные условия внешней среды, при которых совершается преступление. Субъективные факторы — это обстоятельства, определяемые совокупностью личностных качеств правонарушителя»⁸. Внешние же факторы, действуя через посредство внутренних, т. е. через психические состояния и свойства, чувства, мысли, избирательно определяют значение явлений действительности для решений, принимаемых индивидом⁹. Поэтому справедливо утверждение Ф. В. Глазырина о том, что «существенное криминалистическое значение имеет знание стереотипов поведения обвиняемых на предварительном следствии, типичных и атипичных психологических состояний при проведении допросов, очных ставок»¹⁰. Но поскольку поведение преступника на следствии в известной мере определяется характером отношений к объекту посягательства, условиями, при

⁷ См.: Петелин Б. Разработка версий о мотиве и цели преступлений. — «Социалистическая законность», 1971, № 9, с. 55.

⁸ Глазырин Ф. В. Личность правонарушителя и способ совершения преступления. — В сб.: Возможности раскрытия преступлений по способу их совершения. Рига, 1972, с. 89.

⁹ См.: Зуйков Г. Г. Поиск по признакам способов совершения преступления. М., Изд-во ВШ МВД СССР, 1971, с. 24.

¹⁰ Глазырин Ф. В. Криминалистическое и судебно-психологическое изучение личности обвиняемого в системе методики расследования. — В сб.: Методика расследования преступлений (общие положения). Материалы научно-практической конференции (г. Одесса, ноябрь 1976 г.). М., 1976, с. 133.

которых сложились эти отношения, а следовательно, его поведением во время совершения преступления, порой являясь и прощением этого поведения, при характеристике личности преступников следует учитывать и стереотипы действий в определенных обстоятельствах при совершении преступления. Особенно важное значение это имеет на начальном этапе расследования.

Очевидно, что в приведенных выше подгруппах криминалистические и психологические характеристики поведения преступников будут в значительной мере различаться. Основываясь на изучении судебной практики по данной категории дел, рассмотрим эти характеристики.

1) Так называемые «бытовые» преступления чаще всего совершаются лицами, в семьях и окружении которых сложились неблагоприятные, конфликтные отношения¹¹. Именно это обстоятельство определяет мотив совершения преступления: месть, ревность, ссоры. Хотя умысел на совершение преступного деяния здесь возникает, казалось бы, внезапно, но изучение взаимоотношений преступников и потерпевших до совершения преступления показывает, что предпосылки к его совершению созрели заранее. Так, Олюнин постоянно злоупотреблял спиртными напитками. В пьяном виде неоднократно избивал жену, угрожал ей убийством. 8 февраля, придя домой в нетрезвом состоянии и не застав жену дома, побежал к ее родителям, где устроил скандал. Возвратившись вместе с женой домой, стал ее избивать, затем, решив убить жену, взял охотничье ружье и произвел выстрел с близкого расстояния. От полученного ранения жена тут же, на месте происшествия, скончалась. Олюнин сам заявил в милицию о случившемся. Прибывшим на место происшествия сотрудникам милиции отдал ружье и оставшиеся у него патроны. На допросе, будучи уже трезвым, Олюнин подробно рассказал о происшествии. Пояснил, что убил жену за то, что она ему изменяла, но в трезвом состоянии ни за что бы этого не сделал и сожалеет о случившемся.

Характерной особенностью личности преступников по данной подгруппе является то, что они склонны к злоупотреблению алкоголем. На этой почве — частые ссоры в семье и возникновение различных подозрений, в частности в супружеской неверности. После совершения преступления наблюдаются критическое отношение к содеянному, осознание своей вины, правдивые показания на допросах. Однако довольно часто преступники ссылаются на частичную амнезию (что может объясняться значительной сте-

¹¹ Об этом подробнее см.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., «Наука», 1976, с. 320.

нением опьянения) и не могут подробно рассказать о событии, доверяя показаниям свидетелей.

Использование огнестрельного оружия при совершении таких преступлений обусловлено сложившимися навыками. Именно наличие оружия у преступника на момент возникновения умысла и навыки его применения определяют в подобных случаях этот, а не иной, способ совершения преступления как наиболее легкое и доступное средство достижения цели.

Отличительным признаком является и то, что чаще всего у преступника нет в прошлом судимости за аналогичные преступления. Следует также отметить, что чрезвычайно редко субъектом умышенного преступления по данной подгруппе являются несовершеннолетние.

2) Совершение преступления из хулиганских побуждений, как правило, есть проявление повышенной агрессивности личности, ее враждебности к окружающим. Здесь умысел на совершение преступления в отношении какого-либо конкретного лица или группы лиц возникает у преступника внезапно, почти всегда в результате алкогольного опьянения. Однако из материалов изученных дел видно, что проявления агрессивности, презрения к существующим нормам поведения отмечались у преступников и ранее, что свидетельствует об устойчивой и ярко выраженной антиобщественной направленности. Зачастую лица, совершившие данные преступления, имеют в прошлом судимости за аналогичные деяния. Характерно в этом отношении дело по обвинению Трифонова, который, будучи в нетрезвом состоянии, сначала приставал на улице к прохожим, а затем, получив отпор, сбегал домой, взял имевшееся у него охотничье ружье, выбежал на лестничную площадку и двумя выстрелами ранил незнакомых ему мужчину и женщину, затем на улице выстрелом в лицо убил первого попавшегося ему прохожего. С криком: «Всех перестреляю, разбегайтесь!» — произвел несколько выстрелов в группу подростков и ранил двоих. После этого с места происшествия скрылся. В результате организованного преследования Трифонов был задержан, при этом оказал сопротивление и пытался стрелять в работников милиции. На допросе Трифонов показал, что в подъезде выстрелил нечаянно, в группу подростков стрелял неприцельно, «просто так», а прохожего убил потому, что ему показалось, что это один из его обидчиков. На последующих допросах обвиняемый путался в показаниях, не мог объяснить, из-за чего он начал стрелять в людей, и в конце концов заявил, что он ничего не помнит, так как был сильно пьян. Знавшие Трифонова до совершения преступления характеризуют его как человека вспыльчивого, драчливого.

Для подобных лиц характерно, что они либо ищут повода для совершения преступления, либо сами его создают¹². В основе утверждению, что находит свое выражение и на предварительном следствии, особенно в начале расследования¹³. Здесь в значительной мере отмечается примитивизм потребностей, узость интересов, привычка к бесцельному времяпрепровождению¹⁴.

В этой, так же как и в первой подгруппе, преступники склонны к злоупотреблению спиртными напитками, однако после совершения преступления редко отмечается действительно критическое отношение к содеянному. Характерно, что часто преступники, не готовясь к совершению конкретного преступления, подготавливают, хранят и носят при себе оружие: обрезы, самодельные и переделанные пистолеты. Это объясняется гипертрофированным стремлением утвердить себя как сильную личность и обеспеченной таким образом возможностью перехода в любой момент к агрессивным действиям. После совершения преступления преступники очень неохотно расстаются с оружием, почти никогда не бросают его на месте происшествия. Использование именно огнестрельного оружия в данной подгруппе обусловлено тем, что оно находится обычно под рукой, им можно действовать издалека, находясь в безопасности, применение его эффектно, шумно, привлекает внимание, чего обычно и добивается преступник.

Как отличительную черту обвиняемых в подобных преступлениях можно отметить нестабильность поведения на допросах. На первых допросах, как правило, бравада, демонстрация безразличия к содеянному и к своей участи, затем с осознанием своего положения — попытки найти смягчающие обстоятельства, обелить себя, ссылки на неправомерное поведение потерпевших, на неосторожность.

Нередко в отличие от первой подгруппы субъектами преступления здесь являются подростки (группы подростков), причем ими чаще всего и применяется криминальное оружие¹⁵.

При характеристике поведения преступников по приведенным выше подгруппам преступлений обращает на себя внимание то обстоятельство, что, несмотря на существующую установку враж-

¹² См.: Котов Д. П. Мотивы преступления и их доказывание. Вопросы теории и практики. Воронеж, Изд-во Воронежского госуниверситета, 1975, с. 32.

¹³ См.: Петелин Б. Я. Безмотивных преступлений не бывает. — «Советская юстиция», 1973, № 22, с. 15.

¹⁴ Об этом см. подробнее: Личность преступника. М., «Юридическая литература», 1975, с. 170.

¹⁵ Об этом подробнее см.: Комаринцев Б. М. Судебно-баллистическая экспертиза. Учебно-методическое пособие. М., Изд-во ВНИИСЭ, 1973, с. 82.

дебности или агрессивности к какому-либо конкретному лицу или вообще к окружающим, фактически умысел на убийство или причинение телесных повреждений возникает спонтанно, будучи обусловлен таким внешним фактором, как наличие оружия. Это положение в известной мере определяет психологическое состояние преступника на предварительном следствии. «В процессе расследования у обвиняемого возникают типичные психические состояния. Совокупность, направленность, сила этих состояний безусловно различны и зависят от особенностей личности, конкретной ситуации, порождаемой обстоятельствами каждого конкретного дела»¹⁶. Поэтому состояние преступника, совершившего бытовое преступление, и хулигана на начальном этапе расследования психологически различно. Если первый, осознавая совершенное преступление и собственное положение, способен дать фактическое объяснение своего поведения, то второй вынужден искать эти объяснения, поскольку мотивы совершения преступления неясны ему самому.

3) По сравнению с первыми двумя третья подгруппа представлена небольшим числом дел. Вместе с тем ее отличает очень высокая степень общественной опасности преступника. Такие преступления, как правило, заранее обдуманны: спланировано и последующее поведение, и способы сокрытия. Чаще всего мотивом является боязнь разоблачения в совершении другого преступления со стороны осведомленных лиц. Ими, как правило, бывают родственники или знакомые преступника. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что преступник зачастую идет на совершение более тяжкого преступления для сокрытия менее тяжкого. Так, Гурьев похитил несколько экземпляров малокалиберных карабинов, сделал из них обрезы и в течение нескольких лет занимался тем, что убивал принадлежащих гражданам телят и заготавливал таким образом мясо для личного пользования. Члены семьи Гурьева знали об этом. Более того, Гурьев заставлял своего сына Владимира покупать и выменивать у одноклассников малокалиберные патроны, для чего давал ему деньги, порох и капсюли. Гурьев Владимир, зная, где хранится оружие отца, тайком от него неоднократно пользовался им для стрельбы. 28 апреля 1972 г. Владимир привел домой своего одноклассника Богданова с целью пострелять из обреза. Во время стрельбы в бане Гурьев В. неосторожно ранил Богданова, испугался случившегося, убежал домой и стал ждать прихода с работы отца, которому обо всем расска-

¹⁶ Дулов А. В. Судебная психология. Минск, «Вышэйшая школа», 1975, с. 296.

зал. Со словами: «Ты, что, посадить меня хочешь?» — отец взял малокалиберный обрез, пошел вместе с сыном в баню и выстрелом в голову убил лежащего на полу раненого Богданова. После этого труп отвезли в лес и захоронили. Для сокрытия преступления Гурьев велел сыну инсценировать неосторожное убийство Богданова в лесу, во время стрельбы с приятелями в нетрезвом состоянии. Инсценировка значительно усложнила расследование, и в течение длительного времени следственным органам не удавалось установить истинного преступника. Впоследствии на допросах Гурьев категорически отрицал свою вину, утверждая, что убийство совершено сыном и он узнал об этом только во время следствия.

Характеристика Гурьева крайне отрицательная: недисциплинирован, часто меняет место работы, с товарищами груб, необщителен. В быту — хозяйствен, спиртными напитками не злоупотреблял, без видимых причин жесток по отношению к жене и детям, склонен к стяжательству.

В отличие от первых двух в этой подгруппе не отмечается склонности к злоупотреблению алкоголем. Преступники действуют трезво, расчетливо, с использованием своего жизненного опыта, стараясь предвидеть дальнейшее развитие событий.

Обращает на себя внимание проявление жестокости и четко выраженное стремление избежать присутствия очевидцев при совершении преступления. Так, Гурьев впоследствии высказывал сожаление, что не убил и сына: «Тогда бы вообще не докопались».

На начальном этапе расследования в этой подгруппе чаще всего складывается остроконфликтная ситуация. Линия поведения преступником, как правило, заранее продумана. Он либо отрицает свою вину, либо признает ее частично.

Подобные характеристики, конечно, типичны не для всех без исключения обвиняемых, но в том или ином сочетании наблюдаются по подавляющему большинству дел данной подгруппы.

Следует отметить, что рассматриваемая подгруппа, являясь сравнительно небольшой по количеству преступлений, довольно разнообразна, поскольку включает все неспонтанные преступления. При совершении их наблюдаются самые разнообразные мотивы, в том числе и месть, и ревность. Безусловно, можно выделить и более мелкие структурные подразделения внутри подгруппы, но, исходя из криминалистической характеристики личности преступников, это представляется нецелесообразным, так как все обвиняемые по этой подгруппе демонстрируют сходные линии поведения как при подготовке и совершении преступления, так и после него, на начальном этапе расследования. Здесь во всех случаях

преступникам свойствен стойкий, сложившийся общественный характер взглядов и антисоциальная направленность.

Приведенные выше характеристики поведения преступников по делам, связанным с применением огнестрельного оружия, позволяют с определенной степенью вероятности, при учете конкретных обстоятельств события (подгруппы) предвидеть поведение преступника на первых допросах и в ходе дальнейшего расследования. Причем, как указывает Ф. В. Глазырин, «на практике поведение каждого лица определяется существующей жизненной ситуацией, сложившимися обстоятельствами. Отсюда реально возможные модели поведения личности в конкретной ситуации составляют относительно незначительное количество вариантов»¹⁷. Например, преступник, совершивший заранее обдуманное умышленное убийство с применением огнестрельного оружия, понимает, что оставленные на месте происшествия гильзы могут указать на использованное оружие. Поэтому для сокрытия преступления возможно либо изъятие стреляных гильз с места происшествия, либо сокрытие оружия. На практике значительно чаще используется второй вариант, поскольку изъятие с места происшествия гильз часто сопряжено со значительными трудностями.

Способ совершения рассматриваемых преступлений, а также поведение преступника в процессе события, будучи детерминированы в большей части субъективными факторами, указывают следователю также и на возможный круг лиц, среди которых нужно искать преступника. В тех же случаях, когда преступник известен, они позволяют с большой степенью вероятности судить о мотивах преступления. Так, факт использования при совершении преступления самодельного оружия или обреза может являться основанием для версии о совершении преступления несовершеннолетним и о хулиганских мотивах. Отсутствие на месте происшествия гильз, если производились неоднократные выстрелы из охотничьего ружья, свидетельствует о возможности совершения преступления охотником-любителем или профессионалом. Множество следов, в том числе и оружие, на месте происшествия позволяют предположить бытовые мотивы преступления.

Учитывая полученные первичные данные, следователь может предвидеть и степень сложности ситуации на начальном этапе расследования. Как правило, расследование преступлений, имеющих признаки бытовых, характеризуется простой следственной

¹⁷ Глазырин Ф. В. Следственные ситуации и личность обвиняемого. — В сб.: Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Научные труды, вып. 41. Свердловск, СЮИ, 1975, с. 46.

ситуацией: преступник известен, по делу есть довольно большое количество вещественных доказательств, свидетели, преступник дает правдивые показания.

При расследовании преступлений, имеющих признаки хулиганства, следственная ситуация осложняется обычно выяснением мотивов и цели, поскольку обвиняемый, признавая сам факт совершения преступления, в этой части дает, как правило, противоречивые показания.

Преступления, отнесенные нами к третьей подгруппе, характеризуются на начальном этапе расследования ситуацией высокой степени сложности. Неизвестен преступник, порой не сразу удастся установить вид и модель примененного оружия. Почти всегда отсутствуют свидетели-очевидцы. Вместе с тем уже само наличие такой ситуации не только ограничивает круг лиц, среди которых может находиться преступник, но и свидетельствует о ряде особенностей его личности и некоторых обстоятельствах события. Так, отсутствие следов при стрельбе из огнестрельного оружия, кроме следов на трупе, говорит о том, что преступник довольно длительное время находился на месте преступления и хладнокровно уничтожил следы (собрал гильзы, пыжи). При первых допросах такого преступника можно ожидать ложных, заранее продуманных показаний.

Особое место в данной подгруппе занимают инсценировки, которые также свидетельствуют о навыках, жизненном опыте преступника, уровне его интеллекта и определяют варианты его поведения во время следствия.

Таким образом, отмеченная корреляция психологических параметров поведения преступника при совершении преступления и на начальном этапе расследования приводит к выводу о том, что изучение зависимостей между свойствами личности преступника, обстановкой при совершении преступного деяния и элементами способа его совершения позволяет выделить определенные, типичные модели поведения преступника при совершении преступлений данной категории, а на их основе — и наиболее типичные следственные ситуации на начальном этапе расследования.

ЛОГИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ПОСТРОЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ВЕРСИЙ

Методологией научного творчества разработаны основные способы исследования процессов получения, изменения и накопления знаний. В данной статье для выявления сложного механизма версий будет использован специфический вариант одного из этих способов, состоящий в анализе конкретного уголовного дела и последующего обобщения результатов¹.

В связи с тем, что эвристическая функция версий раскрывается в проблемных ситуациях², в качестве материала для исследования выбрано уголовное дело об убийстве Исанаева С. И., по которому применение версионного метода позволило быстро установить все обстоятельства предмета доказывания³.

Исходная информация, поступившая в распоряжение следователя еще до начала исследовательского этапа осмотра места происшествия, была крайне незначительной. Около 6 часов утра 18 октября возвращавшиеся после ночной смены рабочие обнаружили в 50 м к северу от полотна железной дороги труп неизвестного мужчины, о чем сразу же сообщили дежурному Железнодорожного райотдела милиции г. Свердловска. Явная недостаточность и самый общий характер этих данных обусловили возникновение проблемной ситуации, которую можно определить как противоречие между знанием и незнанием, своеобразное, специфическое соотношение между известным и неизвестным по делу, при

¹ Этот метод наиболее успешно использован и теоретически обоснован в таких работах, как: К е д р о в Б. М. Философский анализ первых трудов Д. И. Менделеева о периодическом законе. М., 1959; О н ж е. Микроанатомия великого открытия. М., 1970; П о й я Д. Математика и правдоподобные рассуждения. М., 1957; О н ж е. Математическое открытие. М., 1976; Л а к а т о с И. Доказательства и опровержение. М., 1967; О с и п о в И. М., К о п н и н П. В. Основные вопросы теории диагноза. М., 1951.

² Д р а п к и н Л. Я. Построение и проверка следственных версий. Канд. диссертация. М., 1972, с. 33—96.

³ Уголовное дело по обвинению Архангельского и Чернышева. Архив Свердловского областного суда.

котором искомое не дано, но находится в неоднозначной, вероятностной связи с уже установленными фактами, которые в той или иной мере ограничивают и направляют поиск информационных и тактических решений. Проблемная ситуация характеризуется отсутствием определенного, заранее данного алгоритма действий, когда неизвестен не только конечный результат, но и конкретный способ ее решения⁴.

Для разрешения проблемных ситуаций по уголовным делам необходимо получить дополнительную информацию. Получение таких сведений возможно либо в результате случайного поиска, либо путем реализации интуитивной догадки, либо в ходе осуществления эвристической (версионной) программы, когда решение задачи (problem solving) достигается выбором наиболее «правдоподобных» ходов и отсеиванием всех «невозможных» вариантов⁵.

Версионный метод раскрытия преступлений в качестве своего первого и необходимого элемента предусматривает логическое исследование имеющейся информации независимо от ее количества и качества.

По анализируемому нами уголовному делу в распоряжении следователя находятся фактические данные, которые прежде всего свидетельствуют о наступлении смерти человека (факт «В») в результате действия какой-то неизвестной причины («Х»).

В этой проблемной ситуации факт «В» рассматривается как следствие (результат) какой-то неустановленной причины («Х»), а существующую причинно-следственную связь средствами логики лучше всего отразить в условном суждении типа: «Если Х, то В», ($X \rightarrow B$). Вербальное описание этого условного суждения примет следующий вид: «Если Х, то имеет место наступление смерти (В)».

При этом отраженный в логическом следствии реальный факт наступления смерти дает возможность не только установить, но и сузить предметную область, отрасль знаний, которая изучает объекты того же типа, и среди правил, обобщений, презумпций найти нужное нам положение, соответствующее логической схеме $X \rightarrow B$.

Установление того или иного обобщенного положения зависит от двух обстоятельств: во-первых, от знаний следователя, особен-

⁴ Подробно о проблемных ситуациях см.: Драпкин Л. Я. Понятие и классификация следственных ситуаций.— В сб.: Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Научные труды, вып. 41. Свердловск, СЮИ, 1975, с. 26—44; Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 252—253.

⁵ Эшби У. Р. Схема усилителя мыслительных способностей.— В сб.: Автоматы. М., 1956.

ностей его интеллекта, памяти и других личностных качеств и во-вторых, от ценности информации, заключенной в выявленном факте («В»). Именно этот факт и составляет реальную основу поиска, ту единственную «ниточку», потянув за которую следователь получает недостающее звено, необходимое ему для построения умозаключения версии.

По рассматриваемому в статье уголовному делу следователь, обратившись к аккумулярованному в его памяти опыту и запасу знаний, полученных в результате практической деятельности и изучения теоретических дисциплин, в соответствии с ранее построенным условным суждением выявляет все возможные и на данном этапе предельно обширные варианты неизвестной, но уже предполагаемой причины.

Эти возможные варианты следующие: смерть неизвестного мужчины (В) явилась результатом либо убийства (A_1), либо самоубийства (A_2), либо несчастного случая (A_3), либо обострения заболевания (A_4).

Никаких других самостоятельных возможностей, которые не входили бы ни в один из перечисленных предельно широких вариантов, нет, и поэтому приведенный перечень является объективно исчерпывающим⁶. Кроме того, все варианты, входящие в общий перечень возможных причин, взаимно исключают друг друга, а поэтому между ними существует логическое отношение строгой (исключающей) дизъюнкции — $A_1 \vee A_2 \vee A_3 \vee A_4$ (смерть наступила в результате убийства либо самоубийства, либо несчастного случая, либо обострения заболевания).

Информацию об обнаружении трупа неизвестного мужчины (В) можно считать фактической базой, а каждый из четырех вариантов — возможной причиной смерти (A_1, A_2, A_3, A_4) — теоретической базой версии.

В логическом аспекте фактическую базу можно рассматривать как категорическое суждение (установочная посылка), а теоретическую базу — как условное суждение (обосновывающая посылка) условно-категорического силлогизма.

Таким образом, в мышлении следователя образуются исходные посылки для построения версий. Вывод версий происходит не традиционным логическим путем, а по неправильному модусу условно-категорического силлогизма:

если А, то В (теоретическая база)
есть В (фактическая база)

$$\frac{A \rightarrow B}{B} \cdot$$

$$\frac{}{>A}$$

Вероятно, что А

⁶ В данной статье в четвертый вариант возможной причины смерти специально включена и так называемая «естественная смерть».

Данное умозаключение отражает логико-вероятностную структуру следственной версии и является «запрещенным» дедуктивной логикой способом вывода, который выдающийся польский логик Я. Лукасевич назвал редукцией. Хотя заключения, полученные способом редукции, и не являются достоверными, но они и не являются ложными, а представляют вероятностные выводы, имеющие большое эвристическое (поисковое) значение и требующие, разумеется, дополнительной проверки.

В самом начале расследования, используя сформированные исходные посылки, следователь может построить версии с помощью неправомерного модуса условно-категорического силлогизма, в котором вместо «X» — неизвестной причины смерти — последовательно подставляются предполагаемые варианты:

а)	$\begin{array}{r} A_1 \rightarrow B \\ B \\ \hline \end{array}$	Если совершено убийство, то наступит смерть
Смерть наступила (обнаружен труп)	$\hline > A_1$	Вероятно, что совершено убийство ;
б)	$\begin{array}{r} A_2 \rightarrow B \\ B \\ \hline \end{array}$	Если произошло самоубийство, то наступит смерть
Смерть наступила (обнаружен труп)	$\hline > A_2$	Вероятно, что произошло самоубийство ;
в)	$\begin{array}{r} A_3 \rightarrow B \\ B \\ \hline \end{array}$	Если произошел несчастный случай, то наступит смерть
Смерть наступила (обнаружен труп)	$\hline > A_3$	Вероятно, что произошел несчастный случай ;
г)	$\begin{array}{r} A_4 \rightarrow B \\ B \\ \hline \end{array}$	Если произошло обострение болезни, то наступит смерть
Смерть наступила (обнаружен труп)	$\hline > A_4$	Вероятно, что произошло обострение заболевания ;

Важно отметить, что построенные версии, ядром которых служат четыре наиболее общих варианта причин смерти, исчерпывают все «поле возможностей» и являются типичными для любой подобной ситуации.

Кроме рассмотренных выше логических аспектов, процессу выдвижения типичных версий присущи и психологические аспекты.

Опыт и знания, практика и теория приводят к формированию определенных стереотипов мышления, имеющих характер субпрограмм, и к их закреплению в долговременной памяти. Сигналом для включения этих субпрограмм, которые реализуются вместе

или отдельно, в той или иной комбинации, являются поступающие извне сведения.

Так, по исследуемому уголовному делу существенный недостаток исходных данных привел к использованию всех возможных стереотипов, ассоциируемых с фактом обнаружения трупа. Если бы информации было больше (например, огнестрельное ранение на теле потерпевшего), то включились бы три субпрограммы: A_1 , A_2 и A_3 , а четвертая — A_4 — не была бы реализована.

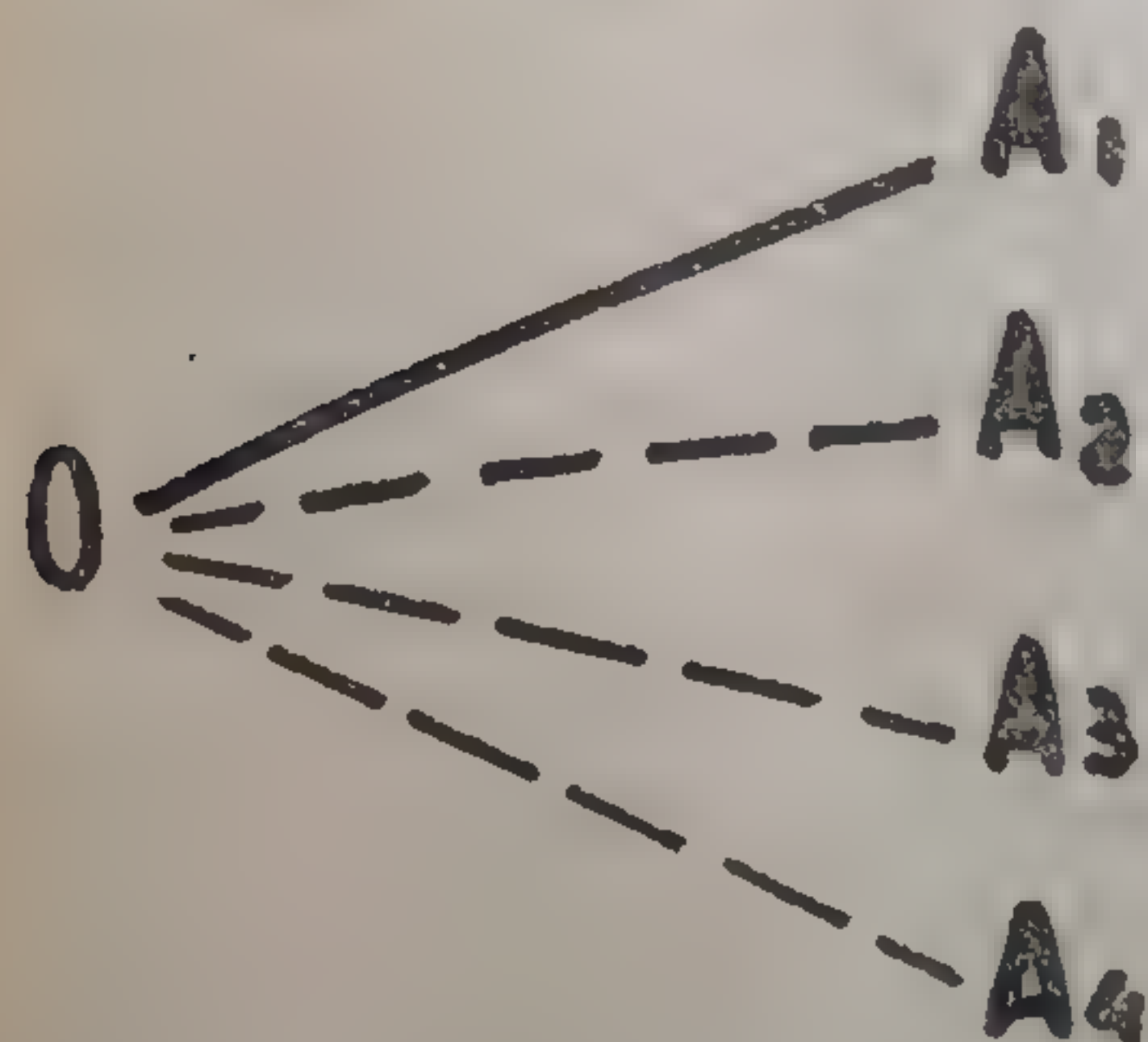
Использование готовых субпрограмм, особенно в условиях резкого недостатка информации, можно рассматривать как эффективный эвристический метод, способствующий разрешению проблемных ситуаций.

Для лучшего исследования логико-психологического механизма построения типичных версий этот процесс применительно к используемому примеру целесообразно расчленить на следующие основные этапы: 1) получение информации об обнаружении трупа неизвестного мужчины и формирование фактической базы типичной версии (факт « B »); 2) определение проблемной ситуации путем мысленного наложения теоретической сетки (развернутый комплекс обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу) на имеющиеся исходные данные и отражение этой ситуации в условном суждении: если X , то имеет место наступление смерти ($X \rightarrow B$); 3) преодоление логико-психологического барьера, вызванного отсутствием информации, и выявление всех предполагаемых вариантов неизвестной причины смерти: A_1 — убийство; A_2 — самоубийство; A_3 — несчастный случай; A_4 — обострение заболевания. На этом этапе происходит формирование теоретической базы типичной версии; 4) построение умозаключения и выведение типичных (стереотипных) версий.

По уголовным делам различных категорий могут быть иными конкретное содержание каждого этапа, направленность и число типичных версий, но динамическая структура процесса их построения всегда одна и та же и во всех случаях отражается в четырех основных этапах.

Для проверки версий было запланировано большее число первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, однако проведение даже некоторых из них позволило сравнительно быстро собрать достаточные фактические данные для исключения ошибочных предположений (A_2 , A_3 , A_4) и полного подтверждения типичной версии о совершении убийства (A_1). Кроме того, во время производства следственного осмотра потерпевший был опознан родственниками и соседями. Им оказался Исанаев С. И., бригадир грузчиков крупной базы.

Процесс возникновения новой следственной ситуации можно графически отразить в следующей элементарной схеме.

Сплошная линия OA_1 обозначает подтвердившуюся типичную версию об убийстве Исанаева. В этом направлении и происходит дальнейшее расследование.

Штриховые линии OA_2 , OA_3 , OA_4 означают оказавшиеся ложными версии, а вся схема отражает резкое сокращение зоны поиска.

Подтверждение одной из типичных версий хотя и привело к большей избирательности и целенаправленности в деятельности следователя и органа дознания, но не уменьшило остроту проблемной ситуации.

Для успешного раскрытия убийства Исанаева необходимо было выдвинуть специфические (конкретные) версии, проверка которых и позволила бы доказать все обстоятельства уголовного дела.

Построение специфических следственных версий имеет более сложную структуру, чем исследованный ранее процесс выдвижения типичных версий, и состоит не из четырех, а из семи этапов.

Содержанием **первого этапа** является весьма широкий информационный поиск, обнаружение и собирание фактических данных. По делу об убийстве Исанаева в результате проведения первоначальных следственных действий и соответствующих оперативно-розыскных мероприятий (в рамках проверки типичных версий) был собран значительный, хотя во многом противоречивый и неполный, информационный массив.

Логический аспект этого этапа предстает как индуктивное выявление отдельных признаков единого объекта, и отдельных следствий конкретной причины.

С психологической точки зрения первый этап можно охарактеризовать как эвристическую процедуру с недостаточной селективностью⁷.

⁷ Александров Е. А. Основы теории эвристических решений. М., 1975, с. 44—45.

Вторым этапом динамической структуры версии является логическое упорядочение собранного информационного массива. Содержание этого процесса состоит в вычленении отдельных фактов, имеющих предположительную относимость к делу. Установление вероятностей связи между выявленными фактами и сущностью расследуемого преступления составляет основную задачу этапа. «Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно»⁸.

По уголовному делу об убийстве Исанаева были выделены следующие данные.

Факт «а»: Исанаев убит сильным ударом твердого предмета (по-видимому, ребром ладони) по горлу.

Факт «б»: убийство совершено около 23 часов 17 октября.

Факт «в»: нападение на потерпевшего и его убийство произошли примерно на половине пути между станцией Красная Звезда и Горнозаводским поселком, в 800 м к западу от станции и в 50 м к северу от насыпи железнодорожного полотна.

Факт «г»: примерно в 22 час. 30 мин. к потерпевшему подошли неизвестные молодые люди — один из них высокого роста, крепкого телосложения, 25—27 лет, второй — маленький, худенький, не старше 17—18 лет.

Факт «д»: неизвестные отнесли Исанаева к северному краю насыпи железной дороги.

Факт «е»: двое неизвестных несли на плечах одинаковой формы и размеров металлические предметы, похожие на узкие чемоданы.

Факт «ж»: преступники взяли у потерпевшего деньги, некоторые предметы одежды. Карманы брюк потерпевшего были вывернуты, на земле валялись мелкие монеты и перочинный нож.

Факт «з»: перочинный нож, обнаруженный на месте происшествия, не принадлежал Исанаеву.

Факт «и»: после работы на базе грузчики устроили выпивку, во время которой между Исанаевым и его собутыльниками вспыхнула серьезная ссора.

Факт «к»: через несколько минут после ухода Исанаева с базы ушли и остальные грузчики. Это произошло около 22 часов.

Факт «л»: один из грузчиков, Андреев, уходя с базы, угрожал «заделать» Исанаева, т. е. расправиться с ним.

Факт «м»: на следующий день ни дома, ни на работе собутыльников Исанаева не оказалось. Их местопребывание выявить пока не удалось.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 546—547.

Факт «н»: где находились Андреев и два его приятеля после ухода с базы в 22 часа, выяснить также не удалось.

Факт «о»: нож, обнаруженный на месте убийства Исанаева, принадлежал грузчику Андрееву.

Факт «п»: Андреев и два других грузчика — мужчины среднего возраста (40—45 лет), высокого роста, плотного телосложения, т. е. их приметы совершенно не совпадают с приметами двух неизвестных парней, переносивших потерпевшего к краю насыпи.

Факт «р»: в Горнозаводском поселке проживают ранее судимые за кражи Матвеев и Акулов, подозреваемые в том, что в октябре совершили несколько ограблений пьяных в районе вокзала и железнодорожных путей, при этом они отнимали деньги, раздевали, забирали наиболее ценные предметы, в том числе чемоданы с вещами, и жестоко избивали потерпевших.

Факт «с»: местопребывание Матвеева и Акулова во время убийства Исанаева выяснить пока не удалось. Но дома их не было с 19 часов, а около 9 часов вечера их видели в железнодорожном ресторане, откуда они вскоре ушли с неизвестным мужчиной.

Факт «т»: местопребывание Матвеева и Акулова в настоящее время также неизвестно. Домой они со вчерашнего вечера не возвращались, в отделах милиции г. Свердловска, в спецприемнике и медвытрезвителях не задерживались, в больницы и другие медицинские учреждения города не поступали.

Факт «у»: возраст Матвеева и Акулова 40 и 43 года, т. е. значительно старше, чем возраст неизвестных парней, переносивших Исанаева к краю насыпи.

Факт «ф»: Матвеев и Акулов не были знакомы с Исанаевым, хотя и проживали с ним на одной улице Горнозаводского поселка и несомненно видели друг друга.

Факт «х»: потерпевший Исанаев находился в состоянии сильного опьянения.

Факт «ч»: труп потерпевшего был обнаружен около 6 часов утра возвращающимися с ночной смены рабочими, которые случайно спустились с полотна железной дороги.

Логико-психологический механизм данного этапа включает не только метод анализа, но и приемы синтеза, сравнения, обобщения, абстрагирования, ближних и отдаленных ассоциаций, а также предварительного выявления латентных свойств изучаемых сведений.

Третий этап процесса построения специфических версий состоит в выявлении новой проблемной ситуации. Это достигается уже описанным ранее методом мысленного наложения своеобразной теоретической сетки (развернутый и конкретизированный комп-

лекс обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу) на находящуюся в распоряжении следователя информацию.

По делу об убийстве Исанаева фактические данные состоят из уже частично упорядоченного множества фактов. Проведенное исследование позволило не только изучить и выделить предположительно относящиеся к делу факты, но и выявить многообразные связи и отношения между ними. При наложении теоретической сетки на исходные данные сразу же выявились неизвестные обстоятельства предмета доказывания, которые надо еще устанавливать, и те, которые уже установлены имеющимися доказательствами. В результате этой операции была определена и уточнена новая, возникшая после проверки типичных версий проблемная ситуация.

Используя выделенные ранее буквенные обозначения, можно дать следующее описание указанной выше операции.

Предмет доказывания (теоретическая сетка)	Фактические данные (доказательства)	Результат
1. Событие (причина смерти)	факт «а»	установлено
2. Время совершения преступления	факт «б»	установлено
3. Место совершения преступления	факт «в»	установлено
4. Способ совершения преступления	факт «а»	установлен
5. Личность потерпевшего	факт «а»	установлена
6. Личность преступника (преступников)	противоречивая, неконкретная и явно недостаточная информация (факты «г», «д», «и», «л», «м», «н», «о», «ф», «с», «т»)	не установлена
7. Характер вины	факт «а»	установлен
8. Мотивы	факты «ж», «и»	установлены предположительно
9. Характер и размер материального ущерба	факт «ж»	установлены

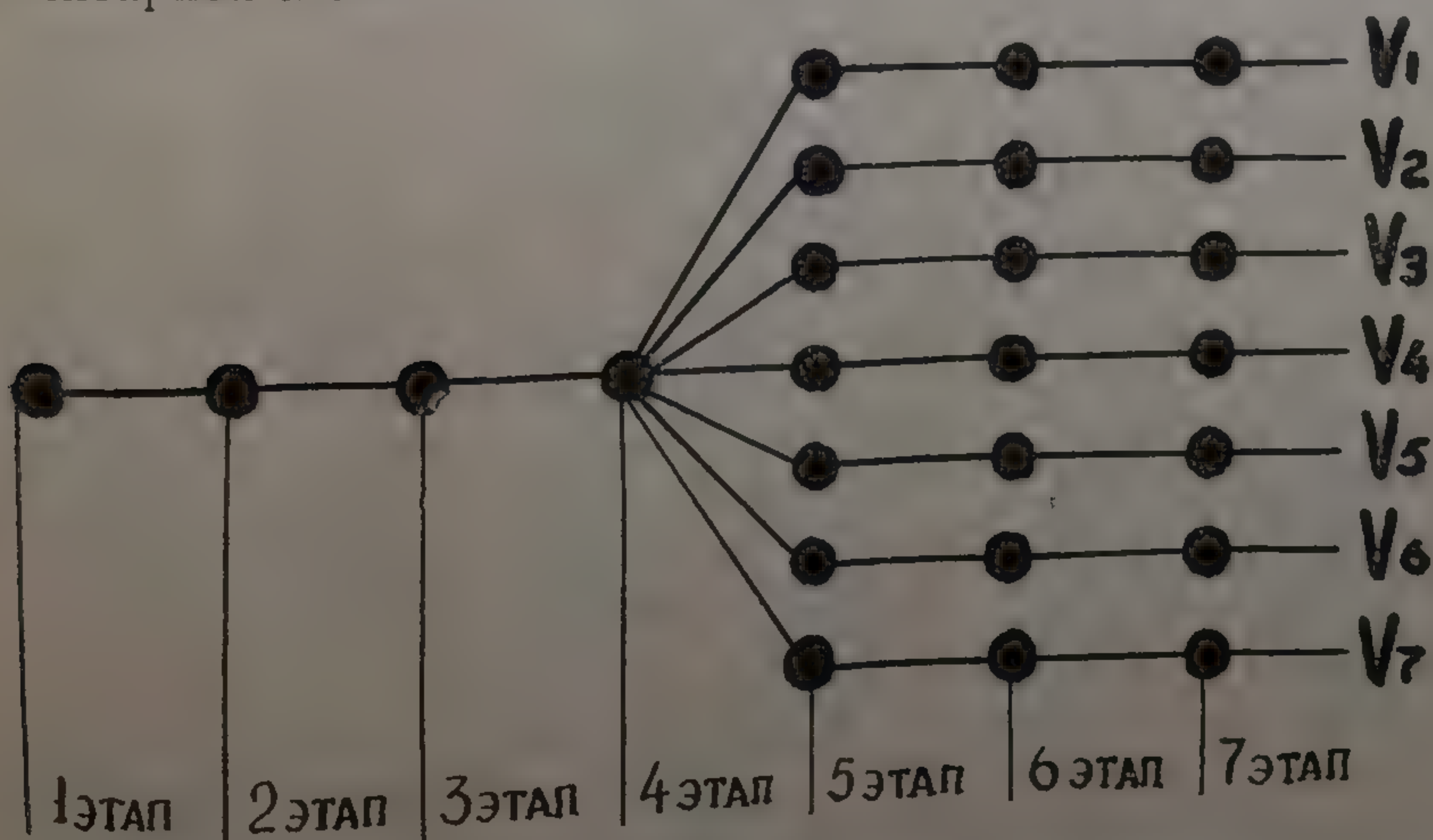
Таким образом, следователь установил, что проблемная ситуация носит комплексный характер и возникла по двум обстоятельствам — мотив и личность преступников. При этом наиболее острый конфликт между известным и неизвестным, между данным и искомым возникает по вопросу установления личности преступника. На исследуемом этапе происходит группировка данных во-

круг тех обстоятельств предмета доказывания (теоретическая сет-ка), с которыми они связаны. При этом выясняется, что часть обстоятельств, подлежащих установлению по делу, получила до-статочное и однозначное отражение в имеющейся информации (событие, место, время и т. д.), часть обстоятельств отражена проблематично, но число предполагаемых вариантов ограничено (мотив), а некоторые обстоятельства отражены настолько много-значно и неопределенно, что практически не получили сколько-нибудь приемлемого решения (личность убийцы).

Прежде чем перейти к исследованию следующего, четвертого, этапа процесса построения версии, необходимо остановиться на существенном изменении в способе и порядке изложения трех первых и четырех последующих этапов.

Каждый из трех этапов версионного процесса по своим функ-циям и содержанию идентичен с соответствующими этапами по любой другой версии, в то время как последующие стадии по сравнению с такими же по порядку (последовательности) этапа-ми имеют определенные отличия в логическом аппарате и при-меняемых психологических приемах. В связи с этим начиная с чет-вертого этапа процесс построения версии разветвляется.

Для того чтобы нагляднее представить динамическую структу-ру всех семи следственных версий по уголовному делу об убийст-ве Исанаева, целесообразно отразить этот процесс в следующей элементарной схеме:

Объем настоящей статьи позволяет в дальнейшем подробно изложить процесс выдвижения лишь одной версии (V₁). Динами-

ческие структуры остальных шести версий не будут описаны, однако основные особенности их построения приводятся при изложении соответствующих этапов версии V_1 для сопоставления и сравнительного анализа.

Четвертый этап построения версии V_1 . Функции этого этапа заключаются в формировании фактической базы версии. По уголовному делу об убийстве Исанаева эта база образуется с помощью индуктивного обобщения четырех фактов: «б», «в», «г» и «д», выделенных из общего информационного массива еще на втором этапе. Совокупность этих фактов представляет упорядоченное подмножество, связанное между собой общим отношением к предполагаемым убийцам Исанаева.

Факт «г» содержит данные о том, что в 22 час. 35 мин. к Исанаеву подошли двое неизвестных парней;

факт «б» включает в себя информацию о том, что убийство Исанаева совершено около 23 часов, т. е. через несколько минут после события, зафиксированного в факте «г»;

факт «д» отражает сведения о том, что неизвестные отнесли потерпевшего к северному скату железнодорожной насыпи;

факт «в» содержит данные о том, что убийство произошло в 50 м к северу от насыпи (т. е. в том же направлении, куда несли потерпевшего двое неизвестных, и вблизи от того места, где их всех видели в последний раз).

С эвристической точки зрения наиболее ценную информацию содержат специфические факты «г» и «д», однако включение наряду с ними в фактическую базу версии фактов «б» и «в», имеющих общее значение, вполне обоснованно. Совокупность всех четырех фактов конкретно отражает сложное переплетение общего и единичного в процессе раскрытия убийства Исанаева. Если в фактах «г» и «д» заключена в основном специфическая информация, присущая только данному делу, то факты «б» и «в» содержат как особенные, так и более общие сведения. И то, и другое очень ценно, так как в своем единстве представляют сплав знаний, позволяющий, с одной стороны, максимально использовать индивидуальные свойства сведений для конкретизации обстановки, а с другой — используя общие сведения, выйти за рамки уголовного дела для привлечения дополнительных средств преодоления логико-психологических барьеров.

Тесная связь между фактами, общее для них всех отношение к одному и тому же обстоятельству: «двое неизвестных молодых людей» — позволили индуктивно обобщить их в упорядоченное подмножество, создав тем самым фактическую базу версии V_1 .

Разумеется, что не только эти, но и остальные факты, выде-

ленные на втором этапе, участвовали различными комбинациями в формировании фактической базы остальных шести следственных версий, построенных по делу об убийстве Исанаева.

Пятый этап динамической структуры версии V_1 состоит в дальнейшей конкретизации возникшей по делу проблемной ситуации. Факты, составляющие базу версии, сформированную на предыдущем этапе, надо объяснить, причем это объяснение должно быть не только наиболее правдоподобным, но и максимально конкретным. Однако достаточных данных для этого в распоряжении следователя нет, поэтому и возникает проблемная ситуация, которую можно отразить логически:

если X_1 , то $(\langle б, в, г, д \rangle)$ ⁹; $X_1 \rightarrow (\langle б, в, г, д \rangle)$.

В этом условном суждении X_1 обозначает неизвестных преступников, совершивших убийство Исанаева, а упорядоченная совокупность фактов (б, в, г, д) отражает содержащуюся в них информацию.

Шестой этап процесса построения версии V_1 отражает пути и способы преодоления проблемной ситуации, конкретизированной на предыдущем этапе. Представляется, что в конкретной проблемной ситуации, возникшей по расследуемому делу, возможны два способа поиска теоретической базы версии V_1 , обосновывающей посылки версионного умозаключения.

Первый способ характеризуется дедуктивной направленностью и состоит в обращении следователя к своему личному и обобщенному опыту, к совокупности знаний, аккумулированных в его памяти. Среди «приблизительных обобщений», фактических презумпций и т. п. он находит в наиболее близкой предметной области обобщенное положение о том, что если кого-либо видели вблизи от места преступления за несколько минут до его совершения, то часто это лицо и являлось преступником. Если придать этому положению правильную структуру обосновывающего суждения, то оно будет иметь такую форму: «Если какое-либо лицо совершает убийство (A_1), то часто его могут видеть вблизи места происшествия вместе с потерпевшим незадолго до совершения преступления $(\langle б, в, г, д \rangle)$ ».

Теоретическую базу версии можно описать и символически: если A_1 , то $(\langle б, в, г, д \rangle)$.

Второй способ поиска обосновывающего суждения (теоретической базы версии) заключается в индуктивном обобщении ин-

⁹ Знак $\langle \dots \rangle$ обозначает в математической логике отношение предшествования, которому подчинены элементы упорядоченного множества (см.: Новиков П. С. Элементы математической логики. М., 1959).

формации, содержащейся в указанных выше четырех фактах. В этой информации содержатся прямые данные о лицах, с которыми связаны эти факты, но, кроме того, в ней заключены и скрытые, латентные указания о возможности совершения этих лицами убийства Исанаева. В отличие от первого пути теоретическая база версии создается в рамках расследуемого уголовного дела с помощью индуктивного обобщения, анализа и синтеза фактических данных.

Полученное условное суждение: «Если два молодых человека убили Исанаева, то их могли видеть за несколько минут до совершения преступления вместе с потерпевшим вблизи места происшествия» — и является искомой теоретической базой версии: если A_1 , то $(\langle б, в, г, д \rangle)$.

Поиск обосновывающей посылки умозаключения и составляет содержание шестого этапа.

Кроме рассмотренных здесь способов индуктивного и дедуктивного формирования обосновывающих посылок, нередко в этом процессе ведущая роль принадлежит методу аналогии. Так, по делу об убийстве Исанаева теоретические базы всех выдвинутых следователем версий были образованы в трех случаях с помощью дедукции, в двух — индуктивными средствами и в двух — путем аналогии. Психологический аспект механизма построения версий может соответствовать одному из трех типичных вариантов преодоления информационных барьеров.

Первый вариант состоит в том, что недостающие средства могут быть взяты уже готовыми (обобщенными) из той же отрасли знаний, к которой относится данная ситуация, или же из соседней и применены для решения проблемы.

Второй вариант заключается в том, что недостающие средства могут быть взяты из отдаленной предметной области, не связанной непосредственно с данной проблемной ситуацией, или же из еще не обобщенной информации об аналогичных фактах. Объединение во втором варианте двух различных источников знаний (обобщенная и необобщенная информация) объясняется тем, что в обоих случаях для поиска путей разрешения проблемы используется в основном метод моделирования, что является решающим для рассматриваемого здесь психологического аспекта. Что касается дифференциации первого и второго вариантов, то она вызвана применением во втором случае отдаленных и сверхдальних ассоциаций, в то время как при первом варианте используются обычные ближние ассоциации, не требующие большого интеллектуального и эмоционального напряжения.

Третий вариант состоит в выявлении требований самой разрешаемой задачи с учетом всех ее специфических особенностей. Средства решения будут здесь создаваться как сплав этих выявленных требований и существующих в прошлом опыте знаний: чем больше учет специфического изменит зафиксированные ранее средства, тем в большей степени они станут новыми.

Характерной особенностью этого пути является создание «новых» средств в ходе решения самой задачи и выявления всех явных и скрытых (латентных) свойств исходной информации, в то время как в первых двух вариантах искомые средства не создаются, а «прикладываются»¹⁰.

Седьмой этап построения версии V_1 состоит в формировании умозаключения из полученных ранее логических посылок и в образовании правдоподобного вывода. Этот этап дает возможность проверить фактическую обоснованность выдвинутого предположения, его логическую правильность и эвристическую направленность. Кроме того, рассматриваемый этап динамической структуры позволяет конкретизировать более общую информацию обосновывающего суждения применительно к данным, содержащимся в фактической базе версии.

В зависимости от способа образования теоретической базы (обосновывающей посылки) умозаключение примет один из следующих видов.

а) При дедуктивном способе поиска обосновывающей посылки: если какое-либо лицо совершает убийство (A_1), то его часто могут видеть вблизи места происшествия вместе с потерпевшим незадолго до совершения преступления ($\langle б, в, г, д \rangle$).

Двух молодых людей видели около места убийства Исанаева вместе с потерпевшим за несколько минут до совершения преступления ($\langle б, в, г, д \rangle$).

Вероятно, что два молодых человека совершили убийство Исанаева (V_1).

Логическая формула этого умозаключения выразится в обычной схеме неправомерного модуса условно-категорического силлогизма:

¹⁰ О психологических механизмах разрешения проблемных ситуаций см.: Даунис И. Б. О процессе принятия решения.— В сб.: Принятие решения человеком. Тбилиси, 1967, с. 25—28; Голов А. А. Формирование решения. Там же, с. 20—24; Ивахненко А. Г., Зайченко Ю. П., Димитров В. Д. Принятие решений на основе самоорганизации. М., 1976, с. 49—66.

Если A_1 , то $(\langle б, в, г, д \rangle)$ $(\langle б, в, г, д \rangle)$	или	$A_1 \rightarrow (\langle б, в, г, д \rangle)$ $(\langle б, в, г, д \rangle)$
--	-----	--

Вероятно, что A_1

$> A_1$

б) При индуктивном способе образования обосновывающей посылки: если два молодых человека убили Исанаева, то их могли видеть за несколько минут до совершения преступления вместе с потерпевшим вблизи места происшествия.

Двух молодых людей видели около места убийства Исанаева вместе с потерпевшим за несколько минут до совершения преступления.

Вероятно, что два молодых человека совершили убийство Исанаева (V_1).

Логическая формула этого умозаключения полностью совпадает с предшествующей.

Таким образом, при той же фактической базе следователь построил одну и ту же версию (V_1), используя два различных способа: индуктивный и дедуктивный.

Психологические аспекты процессов построения версии V_1 соответствуют при индуктивном способе третьему варианту преодоления информационных барьеров, а при дедуктивном — первому.

Следует еще раз подчеркнуть, что, так же как не существует чисто дедуктивного метода построения версий, не может быть и чисто индуктивного. Предшествующий опыт, аккумулярованные знания, содержащиеся в памяти обобщения в той или иной степени участвуют в работе индукции. Например, индуктивный вывод о том, что «два неизвестных молодых человека, вероятно, совершили убийство Исанаева», был основан не только на простом обобщении фактов «б», «в», «г», «д», но и на определенных знаниях, содержащихся в памяти следователя, которые позволили выявить скрытый смысл информации фактической базы и выйти за пределы эмпирического описания. То же самое можно сказать и о выводах по аналогии.

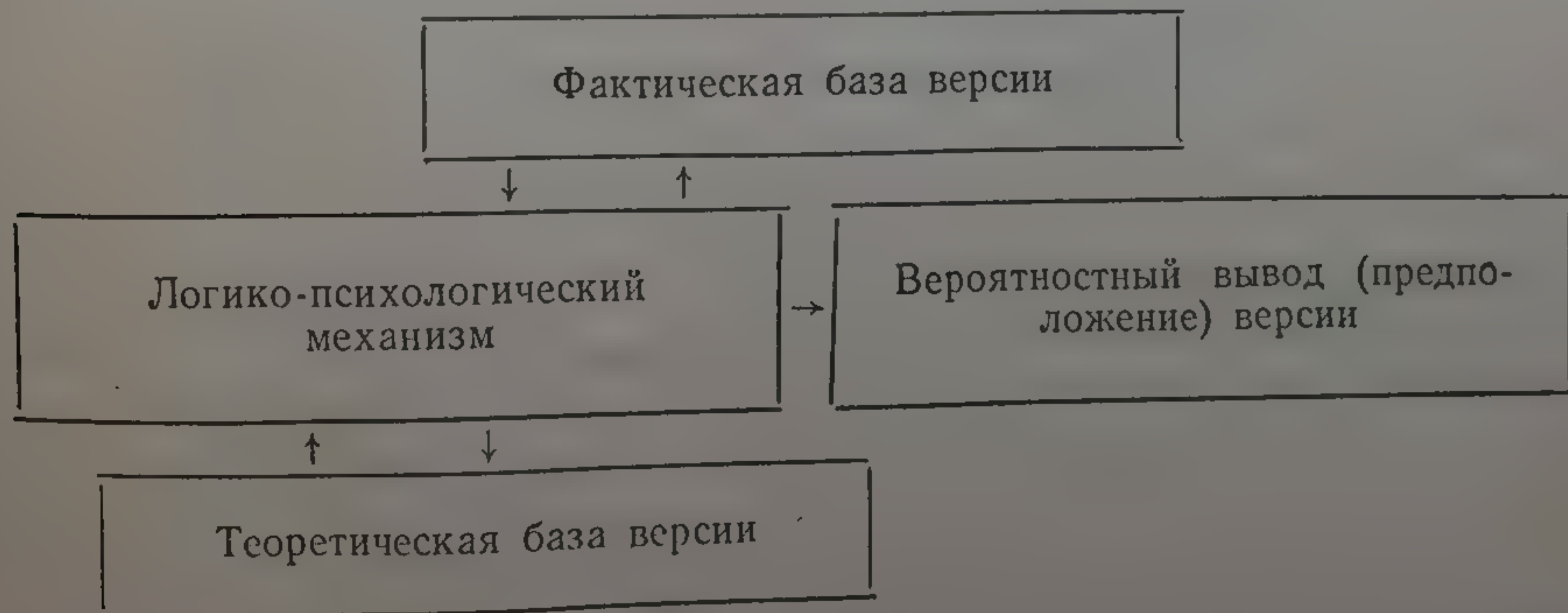
Анализ версии V_1 «Вероятно, двое молодых людей совершили убийство Исанаева» показывает следующее: а) несмотря на определенное эвристическое значение этой версии, ее поисковые возможности ограничены, так как субъект этого суждения — «двое неизвестных молодых людей» — не стал более определенным по сравнению с тем, каким он был в исходных посылках, хотя налицо был процесс индуктивного обобщения; б) это произошло потому, что признаки, которые вошли в индуктивный перечень, в силу своей логической природы не дают возможности сузить круг подозревае-

мых, уменьшить объем понятия. В исходных суждениях версии даются не отличительные признаки предполагаемых убийц, а характеристика их действий, их поступков, их возможная связь с событием преступления.

Как отмечал М. И. Каринский, подобные суждения «никак не в состоянии дать нам то, что нам нужно, никак не в состоянии специфически характеризовать интересующий нас субъект, выделить его из массы других»¹¹. Разумеется, полностью согласиться с М. И. Каринским нельзя, ибо он имел в виду лишь объемно-логический аспект, в то время как вывод версии V_1 имеет и определенное (хотя и явно недостаточное) эвристическое значение.

Как уже отмечалось ранее, по уголовному делу об убийстве Исанаева было выдвинуто семь версий. Проверка двух из них, в том числе версии V_1 , позволила установить преступников. При этом ее недостаточная эвристичность была существенно увеличена выдвижением версии V_2 , позволившей уточнить, конкретизировать ранее выдвинутое предположение и резко сузить круг подозреваемых¹².

С известной, хотя и вполне допустимой, долей условности внутренняя структура процесса построения версий может быть отражена в следующем простейшем графике.

Модель динамической структуры следственных версий, ее дифференциация на семь этапов, предпринятое описание логико-психологического механизма версионного метода представляют известную идеализацию реального процесса.

¹¹ Каринский М. И. Классификация выводов. Избранные труды русских логиков XIX века. М., 1956, с. 158.

¹² Подробно об этом см.: Драпкин Л. Я. Построение и проверка следственных версий. Канд. диссертация. М., 1972, с. 181—249.

С одной стороны, эта идеализация, мысленная модель действительности значительно проще, так как абстрагируется от частного, конкретного, индивидуального, от субъективной формы, от «множества обходных, неточных, а иногда и просто ложных шагов»¹³.

С другой стороны, реальный процесс выдвижения версий редко выполняется в столь педантичной форме. Опыт, интуиция, воображение следователя, «неотчуждаемые тайны его творческой лаборатории»¹⁴ позволяют значительно сокращать поиск и в зависимости от конкретной ситуации сливать воедино все этапы, интегрировать отдельные логические и психологические приемы, расчлененные нами в интересах научного исследования.

¹³ Ярошевский М. Г. Логика развития науки и деятельность ученого.— «Вопросы философии», 1969, № 3.

¹⁴ Мамардашвили М. К. Форма и содержание мышления. М., 1968, с. 108.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ГРАБЕЖАХ

В соответствии с уголовным законом грабежи (ч. 2 ст. 145 УК РСФСР) являются тяжкими преступлениями¹. Среди всех совершаемых преступлений они занимают значительное место. Однако в криминалистической литературе совершенствованию методики расследования грабежей уделяется мало внимания, и поэтому многие вопросы в стадии возбуждения нуждаются в исследовании.

Традиционно стадию возбуждения уголовного дела относили к сфере науки уголовного процесса. Существует мнение, что при проверке заявления, производимой в указанной стадии, вполне можно ограничиться рекомендациями уголовно-процессуальной науки и какой-либо помощи со стороны криминалистики не требуется. Так, А. Н. Васильев считает, что «предварительная проверка материалов требует определенной последовательности и элементарной организации, но для этого нет необходимости в разработке тактических приемов или научно-технических средств»². Думается, что это утверждение спорно. По нашему мнению, следует согласиться с В. Г. Танасевичем, который полагает, что «к предмету криминалистики относятся приемы и методы, применяемые еще до возбуждения уголовного дела»³. Не повторяя аргументы В. Г. Танасевича, укажем лишь на то, что в процессе проверки сообщения о преступлении заинтересованные лица могут давать ложные объяснения, противодействовать установлению признаков преступления, а это вызывает необходимость использования специальных приемов, основанных на данных психологии.

Хотя в законе отсутствует процессуальная регламентация проведения предварительной проверки, однако это не значит, что сле-

¹ В данной статье имеются в виду грабежи, направленные на хищение личного имущества.

² Васильев А. Н. Следственная тактика. М., «Юридическая литература», 1976, с. 21.

³ Танасевич В. Г. О предмете советской криминалистики. — В сб.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 24. М., «Юридическая литература», 1976, с. 110.

дователь может использовать любые приемы. На данной стадии расследования регулятором взаимоотношений между проверяющим лицом и другими участниками являются этические нормы. Поэтому следователь должен строго соблюдать требования этики не только при производстве следственных действий, но и в процессе предварительной проверки.

В процессе проведения предварительной проверки могут быть использованы различные технические приемы и средства.

По вопросу о целях предварительной проверки сообщения о преступлении существуют различные точки зрения. Так, например, авторы брошюры «Законность возбуждения уголовного дела» считают, что «цель проверки заявлений и сообщений о преступлениях заключается в том, чтобы обеспечить законность и обоснованность возбуждения или отказа в возбуждении уголовного дела. Согласно требованиям закона проверка строго ограничена выявлением признаков, которые указывают на наличие или отсутствие преступления»⁴. Такая трактовка целей предварительной проверки является необоснованно суженной и оставляет без внимания иные, не менее важные цели.

В. В. Степанов к целям предварительной проверки относит следующие: «а) проверка законности повода к возбуждению уголовного дела; б) установление достаточности оснований к возбуждению уголовного дела; в) выяснение наличия или отсутствия обстоятельств, исключающих производство по делу»⁵. С целями, указанными под пунктами «б», «в», необходимо согласиться, так как решение этих вопросов часто представляет определенную сложность и требует собирания дополнительных данных. В установлении законности или незаконности повода к возбуждению уголовного дела трудностей практически никогда не возникает. В ст. 108 УПК РСФСР дан исчерпывающий перечень поводов, в отношении которых всегда существует ясность и которые в дополнительной проверке не нуждаются. Необходимо добавить, что предварительная проверка производится, как правило, лишь после появления повода к возбуждению уголовного дела. Если же имеются анонимные сообщения или сигналы о совершенном преступлении, то и здесь проверяется не законность поводов к возбуждению уголовного дела, а наличие признаков преступления. Поводом же для возбуждения уголовного дела в данном случае будет непосредственное

⁴ Быков Л. А., Маслов Н. В., Ремнев В. И. Законность возбуждения уголовного дела. М., «Юридическая литература», 1967, с. 8.

⁵ Степанов В. В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях. Саратов, 1972, с. 20.

обнаружение органом дознания, следователем, прокурором или судом признаков преступления.

Наряду с основными целями выявления признаков преступления и обстоятельств, исключающих производство по делу, перед предварительной проверкой сообщения о грабежах может стоять и дополнительная цель — установление виновного лица. Так, например, при получении объяснения у потерпевшего по вопросу, имело ли место мелкое хулиганство или покушение на грабеж, проверяющий должен поинтересоваться приметами виновного, кличкой, местожительством и т. д. Здесь речь идет не о завуалированном расследовании, а о попутном установлении виновного при выяснении признаков преступления.

При наличии сообщения о грабеже могут возникнуть две типичные ситуации. Первая: в заявлении имеется достаточно данных, указывающих на признаки преступления. Признаками грабежа являются: незаконное изъятие ценностей и применение насилия или угрозы насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего. Достаточность данных, указывающих на признаки преступления, определяется проверяющим лицом исходя из конкретных обстоятельств. Так, например, наличие телесных повреждений и отсутствие ценностей у заявителя, как правило, являются достаточными данными, указывающими на признаки грабежа. Распространенной ошибкой в рассматриваемой ситуации является то, что, несмотря на необходимость немедленного возбуждения уголовного дела, предварительно берут объяснения у потерпевших, свидетелей и подозреваемых. Такая порочная практика имеет ряд отрицательных последствий: утрачиваются доказательства, теряется рабочее время на производство повторных допросов, свидетели бывают недовольны двойными вызовами: сначала — для дачи объяснения, а затем — на допрос и т. д. В данной ситуации достаточно ограничиться устной беседой с потерпевшим, беглым осмотром его внешнего вида, беседой со свидетелем, чтобы стало ясно, что налицо признаки преступления и необходимо возбуждать уголовное дело без проведения проверочных действий.

Вторая ситуация характеризуется недостаточностью данных, указывающих на признаки грабежа. Понятие «недостаточность данных» имеет двоякое значение. Во-первых, данных может быть мало. Например, в заявлении потерпевшего содержится мало информации, указывающей на признаки преступления, и поэтому неясно, имело ли место мелкое хулиганство, попрошайничество или грабеж. Во-вторых, имеющиеся данные вызывают сомнения в их достоверности, а следовательно, их недостаточно для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Такое положение складыв-

вается, например, при получении ложного заявления о грабеже.

В ситуации, характеризующейся недостаточностью данных, указывающих на признаки грабежа, необходимо проводить предварительную проверку сообщения (заявления) о преступлении. В криминалистической литературе распространено мнение, что версии выдвигаются в процессе расследования уголовного дела. Однако следует согласиться с Г. Н. Александровым, который считает, что версия возникает до возбуждения уголовного дела⁶. Действительно, получив и проанализировав сообщение о грабеже, следователь выдвигает как общие, так и частные версии. Версия является средством познания как при расследовании, так и при проведении предварительной проверки, так как и в этой стадии процесса приходится познавать неизвестное, вникать в сущность явлений. Фактической базой для выдвижения проверочных версий являются данные, содержащиеся в заявлении потерпевшего или в протоколе осмотра места происшествия.

В том случае, когда имеющихся данных явно недостаточно, выдвигаются следующие типичные общие версии: имел место грабеж, совершено административно наказуемое правонарушение, заявление о преступлении ложное. Обобщение судебной практики показывает, что грабежи часто сопровождаются совершением хулиганства, изнасилования, убийств. В этом случае, если данных, указывающих на признаки грабежа, недостаточно, но налицо совершение иных преступных деяний, уголовное дело должно быть возбуждено немедленно по их признакам. Проверка достаточности данных, указывающих на признаки грабежа, проводится процессуальным путем в ходе расследования возбужденного уголовного дела.

Помимо общих версий, могут выдвигаться частные о мотивах подачи ложного заявления. Типичными версиями о мотивах лжи являются: имущество или деньги истрачены на спиртные напитки, проиграны в азартные игры, утеряны несовершеннолетним, а заявитель, опасаясь конфликта в семье, сообщает о грабеже или разбое; заявитель опоздал или прогулял рабочий день, мотивируя свое отсутствие совершенным на него нападением; заявитель хочет получить страховую плату за повреждение здоровья или утраченное имущество.

Планирование предварительной проверки особой сложности не представляет и, как правило, состоит из простого перечня проверочных действий. Тактика проведения предварительной проверки

⁶ Александров Г. Н. Некоторые вопросы теории криминалистической версии.— В сб.: Вопросы криминалистики, № 3. М., Госюриздат, 1962, с. 14.

зависит от времени получения сообщения о преступлении и его характера (заявление или протокол устного заявления, непосредственное обнаружение органом дознания или следователем признаков преступления, явка с повинной), а также от выдвинутых версий.

Сообщения о грабежах поступают в органы милиции или непосредственно после совершения преступления, или спустя длительное время. В первом случае после устной беседы или телефонного сообщения, уяснив характер события, необходимо провести осмотр места происшествия с целью обнаружения следов преступления. В данной ситуации это следственное действие является проверочным.

Серьезным недостатком следственной практики является тот факт, что осмотр места происшествия по делам этой категории преступлений проводится не всегда и особенно редко, если сообщение о грабеже поступило спустя длительное время.

В действительности же осмотр места происшествия всегда дает положительные результаты. Во-первых, при осмотре могут быть обнаружены признаки преступления: вещи, пятна крови, орудия преступления и др. Необходимо также осмотреть прилегающую к месту происшествия территорию, где преступники могут выбросить за ненадобностью предметы хищения (пустые кошельки, дамские сумки и т. д.) или орудия преступления (палки, металлические прутья, сломанные ножи и т. д.).

Во-вторых, при осмотре места происшествия возможно обнаружение фактических данных, подтверждающих слова заявителя о совершенном нападении. Об этом могут свидетельствовать: само место происшествия — темное, безлюдное; следы обуви посторонних лиц, примятая трава. Если преступление совершено в помещении, можно выявить отпечатки пальцев рук, не принадлежащие владельцам помещения.

В-третьих, при осмотре устанавливаются места нахождения возможных свидетелей (рядом находятся жилые дома) и пути побега преступников (для определения направления их розыска). Необходимость установления этих обстоятельств понимают даже те следователи, которые не проводят осмотры места происшествия. Об этом свидетельствует тот факт, что в ряде изученных дел обнаружены схемы места происшествия, составленные со слов заявителя. Выявление обстановки на месте происшествия необходимо также для сопоставления с показаниями обвиняемого при последующем расследовании уголовного дела.

Параллельно с осмотром работники милиции устанавливают свидетелей среди лиц, находящихся на месте происшествия, вбли-

зи него и среди проживающих в окружающих домах. Если в процессе осмотра выявлено достаточно данных, указывающих на признаки преступления, то принимаются меры к задержанию подозреваемых.

В случаях, когда сообщение о преступлении поступило спустя длительное время, целесообразно сначала составить протокол устного заявления, а затем произвести осмотр, так как уже потеряно много времени и лишний час, затраченный на составление протокола, существенной роли не играет. Если получено письменное заявление, то у заявителя берется объяснение. Распространенной на практике ошибкой является то, что в протоколе устного заявления кратко указывается суть происшествия, а затем у этого же лица берут более подробное объяснение. Эта двойная работа никому не нужна и не соответствует принципам научной организации труда. В протоколе устного заявления либо в объяснении потерпевшего должны быть подробно изложены место и время происшествия, условия восприятия, ход события, приметы нападавших, подробное описание похищенных ценностей, а также данные о личности потерпевшего и его состоянии. Тщательный анализ объяснения потерпевшего может выявить внутренние противоречия, свидетельствующие о ложности заявления, указать направление дальнейшей проверки.

После получения первичных материалов проверки (протокола осмотра места происшествия и объяснения потерпевшего) последовательность проведения проверочных действий зависит от характера выдвинутых версий.

Если необходимо проверить версии, имели ли место грабеж или иное правонарушение, то берут объяснения от свидетелей и подозреваемых, истребуют медицинские справки. Свидетелями в данной ситуации, как правило, являются очевидцы, работники милиции и дружинники, участвовавшие в задержании. У этих лиц необходимо выяснить в деталях действия каждого участника происшествия и их фразы, сказанные во время события, так как порой даже незначительное движение или тон голоса меняют квалификацию происшедшего.

Существенным недостатком является тот факт, что при предварительной проверке у работников милиции, как правило, не берут объяснения, ограничиваясь их рапортами. Рапорты же пишутся наспех и освещают события в общих чертах.

Если известно подозреваемое лицо, то у него также берут детальное объяснение о ходе события и его намерениях в отношении потерпевшего (пошутить, оскорбить, выпросить, ограбить и т. д.).

Если же проверяют версию о ложности заявления, то следующим этапом является проверка объяснения потерпевшего путем изучения его личности, взятия объяснений от свидетелей, истребования различных справок. Личность потерпевшего изучают путем анализа анкетных данных, проверяют по криминалистическим учетам, а также учетам наркологических диспансеров, опрашивают родственников и соседей, по телефону с места работы запрашивают устные характеристики. Проверяющего должны в этом случае интересовать следующие данные: семейное положение, взаимоотношения в семье, отношение к работе, дисциплинированность, склонность к спиртным напиткам и к азартным играм, моральный облик, честность, наличие страховки. Анализ данных о личности потерпевшего позволяет дать оценку достоверности данных, указывающих на признаки преступления.

В данной ситуации очевидцы преступления, как правило, отсутствуют, так как в противном случае вопроса о достоверности сообщения не возникло бы. Здесь в качестве свидетелей, как правило, опрашивают родственников, знакомых, сослуживцев. С помощью этих лиц устанавливают следующие обстоятельства: когда последний раз они видели потерпевшего и что он собирался делать, в каком был состоянии, имел ли при себе указанные им похищенные ценности, а также состояние потерпевшего после совершения преступления, наличие повреждений на его одежде и теле, что он говорил о совершенном нападении.

Анализ объяснений как потерпевших, так и свидетелей показывает, что в них есть ряд недостатков по форме и содержанию. В объяснении не всегда указывают число и кто его составил. Ход событий отражается в общих чертах, не указывают похищенные мелкие предметы (помада, ключ, носовой платок и т. д.), не описывают индивидуальные признаки вещей. Следовательно нередко предлагают написать объяснение собственноручно. В принципе не отвергая этого приема, укажем, что это предложение должно быть обращено только к грамотным и образованным лицам. В ином случае в собственноручно написанном объяснении обстоятельства события излагаются непоследовательно, неясно, и поэтому понять суть происшедшего трудно.

В качестве проверочных действий проводят истребование различных справок: о времени получения и размере зарплаты, о наличии страховки. Если на теле потерпевшего не имеется видимых повреждений, но он обращался в лечебные учреждения, необходимо истребовать выписку из истории болезни.

Одним из способов проверки достоверности заявления о преступлении является анализ событий за сутки или иной небольшой

период времени. Если в заявлении недостаточно данных, указывающих на признаки преступления, но ряд обстоятельств происшествия совпадает с обстоятельствами ранее зарегистрированных грабежей, то это надо рассматривать как фактические данные, указывающие на признаки преступления. Например, потерпевший заявил, что в темном переулке его остановили двое, попросили спички, затем пытались сбить с ног, но, увидев проезжающую мимо машину, убежали. Нападавшие ничего не требовали и не пытались отнять какие-либо вещи. Совпадение таких обстоятельств, как совершение преступлений в темных, безлюдных местах, наличие двух нападавших, предлог для того, чтобы остановить прохожего, прием сбивания с ног, дает достаточные данные рассматривать событие как покушение на грабеж.

В процессе предварительной проверки на практике широко применяются оперативно-розыскные действия.

В некоторых случаях нет необходимости проводить все проверочные действия, следовательно, как только обнаружатся признаки преступления, надо сразу же возбуждать уголовное дело.

Л. С. ГАРЯЖА, Л. В. КОЧНЕВА

ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ХИЩЕНИЙ

В борьбе с хищениями социалистического имущества все более широкое применение находят приемы и методы конкретных экономических наук, в частности экономического анализа. Они используются при расследовании хищений социалистического имущества и хозяйственных преступлений, связанных с приписками и другими искажениями государственной отчетности. Последние наносят большой материальный ущерб государству, так как их целью обычно является незаконное получение премий, для чего в отчетности необоснованно завышаются объемы выполненных работ, количество выпущенной продукции, искажаются показатели, влияющие на размер премий.

Выявление признаков искажения показателей государственной отчетности возможно на основании принципа непротиворечивости технико-экономических показателей (ТЭП), содержащихся в разных формах отчетности.

В процессе расследования уголовных дел о приписках и других искажениях отчетности о выполнении планов и связанных с ними хищениях государственного имущества возможно использование такого приема экономического анализа, как проверка взаимоувязки показателей (балансовый метод)¹. С помощью названного приема можно выявить признаки подлога — противоречия между фальсифицированными и нефальсифицированными показателями.

Вопросы непротиворечивости ТЭП работы предприятия и проб-

¹ Возможности использования этого приема показаны в работах С. П. Голубятникова. См.: Голубятников С. П. Анализ хозяйственной деятельности при расследовании хищений социалистической собственности. — В сб.: Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики (Материалы научной конференции. Свердловск, сентябрь 1970 г.). Свердловск, СЮИ, 1972, с. 77—83; Он же. Методы выявления хищений с посягательствами на социалистическую собственность. Труды Горьковской ВШ МВД СССР, вып. 1. Горький, 1974, с. 49.

лемы использования экономической информации для выявления и предупреждения хищений получают все более глубокую научную разработку. В этой связи интересны результаты исследований группы научных сотрудников Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, проанализировавших ТЭП трикотажной фабрики, на которой было раскрыто организованное хищение неучтенной продукции в особо крупных размерах².

Приписки совершаются, как правило, двумя способами: путем незаконного изменения плановых показателей или путем искажения фактических данных. Чаще всего преступниками используются одновременно оба эти способа, поэтому при анализе требуется проверять правильность отражения в документах плановых и фактических показателей. Для проверки достоверности плановых показателей анализируется техпромфинплан. В случае, если в него вносились коррективы, изучаются все документы (распоряжения, приказы и т. д.), на основе которых он изменялся. Согласно Положению о социалистическом государственном предприятии (п. 47) изменения в план могут вноситься лишь в исключительных случаях. Законом предусмотрены определенные сроки изменения планов: квартальных — за 45 дней до окончания квартала, месячных — за 20 дней до окончания месяца и только на основе письменного распоряжения руководителя вышестоящей организации. Во всех остальных случаях изменение плана считается незаконным.

Проверка фактических показателей складывается из следующих этапов: прежде всего устанавливается экономическая информация, которая подвергалась фальсификации. Для этого проверяется достоверность отражения в отчетности показателей, от которых зависит размер премии. Этот этап является самым трудоемким. Специалист проверяет все хозяйственные операции, отраженные в первичных документах, устанавливает правильность и законность их разноски на счета бухгалтерского учета и в формы отчетности. Материалы ревизий или экспертиз обычно содержат аналитические таблицы, в которых сопоставляются искаженные данные с достоверными (рассчитанными самим специалистом) и указывается, в чем именно заключается искажение, со ссылкой на соответствующий пункт (параграф) инструкции или положения. Путем сопоставления достоверных фактических и плановых показателей устанавливается, как выполнялся план в действительности и имело ли руководство право получить премию. После этого рассчитывает-

² Танасевич В. Г., Шрага И. Л., Орлов Я. В. Проблемы выявления хищений социалистического имущества. — В сб.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 23. М., 1975.

ся сумма материального ущерба, причиненного государству — размер незаконно полученных премий.

Изучение уголовных дел о приписках показало, что преступники различными способами искажают фактические данные. Примером использования некоторых методов экономического анализа для выявления признаков преступления является расследование дела о хищении государственного имущества в особо крупных размерах, приписках и других искажениях отчетности о выполнении планов, совершенных в Верхнепышминском межрайгазе в 1969—1973 гг. За этот период работникам управления незаконно выплачено премий в сумме свыше 76 тыс. руб. Ревизией установлены искажения отчетности — занижение себестоимости эксплуатационных расходов. По делу были проведены судебно-бухгалтерская и планово-экономическая экспертизы с целью проверки правильности выводов ревизии об искажении плановых и фактических показателей и уточнения суммы материального ущерба, причиненного государству.

В ходе предварительного следствия было установлено, что плановые данные изменялись с нарушением сроков, хотя разрешения руководителя вышестоящей организации на то имелись. Использовались следующие способы искажения фактической себестоимости эксплуатационных расходов с тем, чтобы она не превышала плановую.

1) В себестоимость систематически не включались суммы резерва на отпуска рабочим, которые должны включаться в соответствии с инструкцией Министерства финансов СССР от 28 февраля 1959 г. № 295 в размере 8% от фактически начисленной заработной платы. В течение пяти лет они или вообще не включались в себестоимость, или были ниже резервируемых — на уровне фактически начисленных сумм за отпуска.

2) Неправильно включались в себестоимость продукции суммы износа малоценных и быстроизнашивающихся предметов (МБП). В соответствии с Основными положениями по учету МБП в себестоимость продукции следует ежемесячно включать 50% стоимости отпущенных в эксплуатацию и выбывших МБП за вычетом стоимости лома и отходов от их списания. Этот пункт положения систематически нарушался: износ в отдельные месяцы совсем не включался в себестоимость или включался в заниженных суммах. Некоторые искажения баланса. Некоторые

3) Допускалось незаконное искажение баланса, не подостатки средств или их источников, отраженные в балансе, не подтверждались документами или маскировались неправильными бухгалтерскими проводками (подложными записями в регистрах бухгалтерского учета). Так, износ МБП неверно был отнесен не

на себестоимость (в дебет счета основного производства), а на счет износа МБП в пассиве баланса, чем искусственно достигалось снижение себестоимости.

4) Допускались и другие неправильные записи на счетах бухгалтерского учета с целью снижения себестоимости, например, некоторые затраты, входящие в себестоимость, отражались не на счете основного производства, а на счете прибылей и убытков. Часто в себестоимость совсем не включались или занижались суммы отчислений вышестоящей организации. Признаками, указывающими на совершение данного преступления, явились противоречия между некоторыми взаимосвязанными показателями разных форм отчетности, между экономической информацией, содержащейся в первичных документах, отражающих совершение конкретных хозяйственных операций, и учетными регистрами, а также противоречия в содержании отдельных бухгалтерских документов.

Методы экономического анализа использовались нами и для выявления признаков хищений в предприятиях общественного питания. Установлено, что в системе общественного питания применяются способы хищений, связанные с искажением отчетных показателей работы предприятий и организаций. К ним относятся, например, хищения в связи с занижением валового дохода. Действия расхитителей направлены на ухудшение некоторых отчетных показателей, в частности прибыли, полученной от основной хозяйственной деятельности. По нашему мнению, эта группа хищений находит более четкое отражение в виде противоречий между отчетными показателями, а поэтому для их диагностики могут быть использованы некоторые методы экономического анализа. В качестве конкретного объекта исследования была взята отчетность предприятия общественного питания, где было выявлено крупное хищение, совершенное путем необоснованного занижения валового дохода.

Исследование проводилось на материалах столовой № 5 первого треста столовых г. Свердловска. Это предприятие II категории открытого типа, имеет два магазина полуфабрикатов и буфет при заводе (III категории).

Основным приемом создания резервов для хищений преступники избрали необоснованный показ убыточной реализации. Для этого заборные листы на передачу готовых изделий с производства в магазин № 2 переписывались, вместо фактически реализованной продукции в них указывались мясные и рыбные полуфабрикаты. Это давало возможность списывать с производства одни суммы, а магазину приходить меньше, так как розничная цена полуфабрикатов ниже учетной цены производства на них.

Фактически магазин реализовал изделия, по которым учетная и розничная цены равны или имеют незначительные отклонения. Хищения в столовой № 5 совершались в течение 2,5 лет (1971—1973 гг.), но за счет валового дохода излишки создавались только в 1973 г.

На первом этапе анализа исследовались данные, содержащиеся в месячных и квартальных отчетах, представляемых в трест: в бухгалтерских балансах, справке № 1 к балансу (месячной) «Выполнение плана товарооборота, валовых доходов (торговых скидок) и издержек обращения», форме № 2 (квартальной) «Отчет о прибылях и убытках», форме № 4 (квартальной) «Отчет о реализации и отпуске», в статистической отчетности по форме № 3-торг «Отчет о поступлении, расходе и остатках продуктов», по форме № 4-торг «Отчет по общественному питанию».

В задачи анализа входило выявление размера отклонений фактически полученной прибыли от плановой и установление конкретных причин этих отклонений. При этом использовались важнейшие приемы экономического анализа — метод сравнения и способ разниц. С помощью этих приемов установлено влияние отдельных факторов на результаты работы столовой.

Исследование результатов деятельности столовой во II квартале 1972 и 1973 гг. позволило выявить следующее противоречие показателей. В 1972 г. при выполнении плана товарооборота на 387,7 тыс. руб. получено прибыли 1,04 тыс. руб., а в 1973 г. при выполнении плана товарооборота на 468 тыс. руб. получено убытков на сумму 8,48 тыс. руб. Анализ, проведенный в 1973 г., позволил установить влияние следующих факторов на сумму убытков.

1) Недовыполнение плана товарооборота составило 52 тыс. руб. (520,0—468,0), что способствовало уменьшению накоплений на 0,128 тыс. руб.

По отношению к прошлому году план товарооборота перевыполнен, благодаря чему могла быть получена прибыль на 0,172 тыс. руб.

2) В результате снижения уровня валового дохода на 2,12% (21,40—19,28) недополучено прибыли на 9,921 тыс. руб.

По сравнению с 1972 г. за счет этого фактора недополучено прибыли на 17,831 тыс. руб.

3) Фактический уровень издержек в 1973 г. по сравнению с плановым был снижен на 0,10%, что увеличило прибыль на 0,468 тыс. руб.

Уровень издержек в 1973 г. был ниже 1972 г. на 1,83%, что позволило получить прибыли больше на 8,564 тыс. руб.

В 1973 г. предприятие получило убытки в основном из-за не-

выполнения плана по валовому доходу, который, как известно, формируется из торговых скидок и наценок на сырье, израсходованное в отчетном периоде для приготовления блюд.

За счет этого фактора недополучено прибыли на 17 831 руб. по сравнению с 1972 г.

Анализ размера валового дохода позволил установить его зависимость от влияния следующих факторов: выполнения плана товарооборота; структуры поступившего сырья и покупных товаров; размера наценки; удельного веса собственной продукции в товарообороте; ассортимента общих, порционных и отпущенных на дом блюд; форм и мест реализации изделий.

Товарооборот в 1973 г. на 80,3 тыс. руб. превысил аналогичный показатель 1972 г., если бы при этом сохранился уровень валового дохода, он был бы больше на 18,541 тыс. руб. Однако уровень валового дохода снизился, что повлекло недополучение валового дохода на 17,831 тыс. руб.

В статистической форме 4-торг «Отчет по общественному питанию» имеются сведения о том, какое сырье было израсходовано на приготовление блюд, сколько продано покупных товаров через буфеты и мелкорозничную сеть. Известно, что чем больше израсходовано сырья, имеющего высокий уровень торговых скидок и наценок, тем больший валовой доход может быть получен. Такими являются: мука, рыба, макаронные изделия, сахар, крупы, овощи и картофель. Высокий уровень торговых скидок и наценок имеют некоторые покупные товары: мороженое, безалкогольные напитки, пиво, водка, виноградные и плодово-ягодные вина. Уровень таких товаров в 1973 г. по большинству наименований был выше, чем в 1972 г.

Одним из факторов, влияющих на объем валового дохода, является размер наценки, установленной на сырье и покупные товары. За анализируемый период в столовой № 5 как основное производство, так и филиалы сохранили прежнюю категорию. Существенные отклонения были выявлены по последнему из названных факторов: ассортимент общих, порционных и отпущенных на дом блюд, формы и места реализации изделий. Сведения, взятые из статистической формы 4-торг, показали, что в 1973 г. удельный вес изделий, проданных населению со скидкой (полуфабрикатов, обедов на дом), намного превысил аналогичный показатель прошлого года.

Таким образом, из всех проанализированных факторов только этот оказал отрицательное влияние на размер валового дохода. В 1973 г. на 24,5 тыс. руб. больше, чем в 1972 г. было реализовано убыточной для предприятия продукции — полуфабрикатов.

Полученные данные объясняют причину уменьшения валового дохода в 1973 г. по сравнению с 1972 г.

Результаты проведенного исследования показали, что анализ отчетности на уровне организаций (тресты, орсы, торги) не всегда позволяет выявить конкретные признаки возможных хищений. Для этой цели необходимо использовать экономическую информацию, содержащуюся в учетных регистрах и первичных документах.

Сравнение данных, содержащихся в журнале-ордере № 18 по счету 42—1 «Торговая наценка (скидка, накидка)», позволило установить факторы, повлиявшие на размер валового дохода.

Данные табл. 1 характеризуют уровень и отклонения соответствующих показателей.

Таблица 1

Объем валового дохода, полученного в июне 1972 и 1973 гг., тыс. руб.

Наименование показателя	Годы		Отклоне- ние
	1972	1973	
Остаток торговых скидок и наценок на начало месяца	15,3	15,4	+0,1
Поступило торговых скидок и наценок за месяц	28,9	28,5	—0,4
Реализовано собственной продукции и покупных товаров	128,6	156,3	+27,7
Остаток торговых скидок и наценок на конец месяца	14,6	13,6	—1,0
Валовой доход	29,6	30,3	+0,7
В % к товарообороту	23,01	19,38	—3,6

Из данных таблицы видно, что начальные остатки торговых скидок и наценок имели незначительные отклонения (+0,1 тыс. руб.) и был получен приблизительно равный валовой доход. Несоответствие данных заключается в том, что при значительном превышении товарооборота на 27,7 тыс. руб. валовой доход почти не увеличился.

На объем валового дохода непосредственное влияние оказывает размер поступивших торговых скидок и наценок. Эта сумма формируется путем алгебраического сложения общего объема полученных торговых скидок и наценок на сырье, а также дополнительной наценки на порционные блюда. Анализ структуры торговых скидок и наценок за два указанных месяца свидетельствует о том, что предприятие терпит убытки из-за большого снижения нереализованной наценки (см. табл. 2 на с. 90).

Структура торговых скидок и наценок за июнь 1972 и 1973 гг., тыс. руб.

Наименование показателя	Годы		Отклоне- ние
	1972	1973	
Оприходовано торговых скидок и наценок на поступившее сырье	+39,1	+45,3	+6,2
Списано как нереализованная наценка	-10,2	-16,8	-6,6
Итого поступило торговых скидок и наценок . .	+28,9	+28,5	-0,4

Это могло произойти из-за больших размеров убыточной для предприятия реализации некоторых изделий. Сведения о конкретных местах и объемах реализации были взяты из журналов-ордеров по счетам «Основное производство», «Товары в кладовых предприятий общественного питания», «Товары в предприятиях розничной торговли». Так, по журналу-ордеру № 16 (по счету «Основное производство») установлено, что убыточной была реализация изделий через магазин № 2.

Дальнейший анализ был направлен на исследование первичных документов: заборных листов и накладных, на основе которых продукция отпускалась с производства в магазин и мелко-розничную сеть. При этом наблюдалось, что больше всего убыточной продукции реализуется старшим продавцом Жарченковой. Однако сравнительный анализ заборных листов Жарченковой и ее сменщицы ничего не дал, буфетчицы имели в среднем равную выручку от реализации продукции. Были исследованы сведения, показывающие: на какую общую сумму по продажной (розничной) цене ежедневно реализовывал продукции каждый из продавцов; какова стоимость этой продукции по учетной цене производства. Для этого были составлены таблицы абсолютных показателей (см. табл. 3 на с. 91).

Для обнаружения каких-либо закономерностей в соотношении стоимости реализованных изделий были построены параллельные динамические ряды в относительных показателях (см. табл. 4 на с. 92).

Видимо, незначительные отклонения показателей были возможны, но обнаруженные размеры настолько существенны, что не могли объясняться случайным стечением обстоятельств. Сравнение заборных листов было проведено за весь период работы Жарченковой в качестве старшего продавца магазина (7 месяцев).

Таблица 3

Стоимость изделий, реализованных магазином № 2 за июнь 1973 г., руб.

По заборным листам Жарченковой				По заборным листам сменщицы 3.			
Дата	Стоимость изделий по цене		Разница	Дата	Стоимость изделий по цене		Разница
	учетной	розничной			учетной	розничной	
2	539—78	464—53	75—25	1	355—34	309—75	45—59
4	320—02	267—55	52—47	3	427—55	374—74	52—81
6	500—24	388—79	111—45	5	638—43	545—05	93—38
8	604—75	465	139—75	7	417—52	359—40	58—12
10	123—32	96—06	27—26	9	365—37	311—13	54—24
12	402—41	309—81	92—60	11	428—72	370—28	58—44
14	388—66	309—54	79—12	13	309—35	272—24	37—11
16	493—07	403—05	90—02	15	268—71	237—68	31—03
18	235—04	188—89	46—15	17	438—55	374—50	64—05
20	318—79	247—52	71—27	19	254—82	221—77	33—05
22	621—12	512—37	108—75	21	354—37	305—02	49—35
24	419—66	358—46	61—20	23	292—03	253—85	38—18
26	162—40	125—31	37—09	25	404—26	352—13	52—13
28	260—55	207—30	53—25	27	320—15	280—13	40—02
30	502—84	425—28	77—56	29	435—13	372—65	62—48
Всего	5892—65	4769—46	1123—19		5710—30	4940—32	769—98

В отдельные периоды отклонения были еще выше. Так, если в июне процент соотношения составил 124,37, то в апреле он был равен 127,21, а в мае — 131,02.

Была обнаружена и такая закономерность: во время инвентаризаций (10 и 27 июня) общая стоимость изделий, проданных старшим продавцом Жарченковой, резко уменьшилась, в то же время наиболее высок был процент соотношения стоимости изделий по учетной и розничной ценам.

С помощью описанной методики был выявлен ряд хищений, совершенных путем занижения валового дохода на предприятиях общественного питания открытого типа г. Свердловска.

Проведенные исследования позволили сделать следующие выводы.

1) Для выявления глубоко замаскированных хищений могут быть использованы методы экономического анализа. Они позволяют обнаружить определенные тенденции и необычные закономерности в хозяйственной деятельности предприятия.

2) Процесс обнаружения признаков возможных хищений со-

Таблица 4

Результаты соотношения стоимости изделий по учетной и розничной ценам и их сравнение между продавцами Жарченковой и З.

Период времени	Процент соотношения		Результат сравнения, %
	графы 1 к графе 2	графы 4 к графе 5	
1—2	116,19	114,71	1,48
3—4	119,61	114,09	5,52
5—6	128,66	117,13	11,53
7—8	130,05	116,17	13,88
9—10	128,37	117,43	10,94
11—12	129,88	115,78	14,10
13—14	125,56	113,63	11,93
15—16	122,33	113,05	9,28
17—18	124,43	117,10	7,33
19—20	128,79	114,90	13,89
21—22	121,22	116,17	5,05
23—24	117,07	115,04	2,03
25—26	129,59	114,80	14,79
27—28	125,68	114,28	11,40
29—30	118,23	116,76	1,47
Средний % . . .	124,37	115,40	8,97

стоит обычно из двух стадий: выявление предприятий, где, возможно, совершались хищения, с использованием методов экономического анализа показателей форм отчетности, представляемой в вышестоящую организацию; исследование документальных данных непосредственно на предприятиях с целью выявления признаков преступных действий.

3) Для каждой стадии присущи определенные методы работы с документами.

При анализе материалов отчетности необходимо исследовать деятельность предприятия за ряд лет, сопоставляя фактические показатели с плановыми и с показателями разных отчетных периодов. На этом уровне выявляются неконкретизированные признаки возможных хищений в виде определенных закономерностей, тенденций в экономических показателях работы предприятия, например, постепенное ухудшение одного из показателей отчетности при прочих равных условиях; противоречие между взаимосвязанными отчетными данными и др.

При сравнительном анализе отчетности нескольких столовых III категории четвертого треста столовых было замечено некото-

рое противоречие в отчетных данных одного предприятия. В столовой № 29 наблюдалось постепенное снижение размера прибыли, сопровождаемое улучшением результатов по всем остальным показателям. Так, столовая систематически перевыполняла план товарооборота в целом и по реализации изделий собственного производства, в то же время размер валового дохода не увеличивался, отчего удельный вес его в товарообороте снижался. Уровень издержек постепенно уменьшался, но столовая систематически недополучала прибыль. Хищение было раскрыто в конце августа 1974 г., в этом месяце убыток составил 1679 руб. (по плану — прибыль 400 руб.).

Для обнаружения признаков хищений была применена описанная выше методика. В столовой № 29 излишки были созданы путем необоснованного показа убыточной реализации, но в подложные заборные листы вписывались не мясные полуфабрикаты, а тесто дрожжевое. В отдельные дни объем «реализованного» теста достигал 500—700 кг. Однако применить метод сравнительного анализа заборных листов, как это было сделано в столовой № 5, здесь не удавалось, ибо столовая имела головной буфет, в котором работала лишь одна буфетчица. Первичным признаком недоброкачества заборных листов явился нереальный объем реализуемого теста, так как столовая находилась на территории промышленного предприятия. Помимо методов экономического анализа, здесь применялись судебно-бухгалтерские приемы исследования документальных данных, с помощью которых проверялось, в частности, движение некоторых наименований сырья. Так было проведено контрольное сличение остатков по муке. Выявленные результаты подтвердили подложность заборных листов: расход муки на одно лишь тесто в 6,8 раза превышал приход ее на производство.

В случае, если не все экземпляры первичных документов заменены, признаки хищения обнаруживаются с помощью встречной проверки документов. Например, в столовой № 15 Выксунского треста г. Горького расхитители заменяли только заборные листы, прилагаемые к отчетам заведующего производством, а в отчетах буфетчиц оставались доброкачественные заборные листы.

Вместе с тем исследования показали, что по некоторым, более простым способам совершения хищений признаки преступлений обнаруживаются еще в стадии исследования учетных регистров (например, в случае создания излишков путем уменьшения итоговых записей по кредиту счета 42—1 в журналах-ордерах).

Наибольшую трудность для обнаружения представляют такие способы хищения, когда подлоги вносятся во все экземпляры первичных документов. Для исследования документальных данных в таких случаях необходимо применять некоторые математико-статистические методы с целью обнаружения определенных тенденций, указывающих на несоответствие разных показателей друг другу, отсутствие связи, необычную связь между отдельными явлениями.

Активное использование методов конкретных экономических наук и математической статистики при разработке криминалистических методик выявления признаков хищений по документальным данным является насущной задачей.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ ПРОДУКЦИИ ПОЛЕВОДСТВА, СОВЕРШАЕМЫХ РАБОТНИКАМИ АВТОТРАНСПОРТА

Директивами XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза предусматривается дальнейшее интенсивное развитие сельского хозяйства. Среднегодовой объем сельскохозяйственной продукции в десятой пятилетке увеличится на 14—17%¹. Реализация и правильное хранение указанной продукции немыслимы без различного рода перевозок.

Одной из важных задач в этой области является максимальное снижение потерь при транспортировке. Поэтому большое значение имеет борьба с хищениями продукции полеводства, совершаемыми с использованием государственного и общественного автотранспорта. По нашим сведениям, на долю хищений продукции полеводства совхозов и колхозов с участием водителей автотранспорта приходится около 30%.

Между тем в юридической литературе рассматриваемая проблема исследована недостаточно². Из-за отсутствия научных рекомендаций в деятельности следственных органов нередко возникают серьезные затруднения. А это неизбежно приводит к промахам при обнаружении, собирании и исследовании доказательств. Представляется, что по делам о хищении продукции полеводства с использованием автотранспорта чаще всего встречаются ошибки двоякого рода. Во-первых, они связаны с недооценкой специфики расследования указанных преступлений. Во-вторых, следователи в большинстве случаев недостаточно уделяют внимания изучению учетных документов и отчетности с целью выявления признаков хищения.

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 199.
² Некоторые общие вопросы методики расследования хищений в сельском хозяйстве освещены в следующих работах: Коршик М. Г. Расследование хищений колхозной собственности. М., 1954; Братковская В. В. Расследование и предупреждение хищений в совхозах. М., 1966.

Особенностью же хищений, совершаемых с использованием автотранспорта, является то, что предметами преступного посягательства оказываются материальные ценности, для перемещения которых необходимо это средство перевозки. Наибольшее распространение получили хищения продукции полеводства. Причем хищение зерновых культур составляет $\frac{2}{3}$, а овощных, зернобобовых, технических и других — $\frac{1}{3}$ от общего их количества.

Хищения продукции полеводства совершаются работниками автотранспорта на основных стадиях сельскохозяйственного производства, т. е. во время сева, уборки нового урожая и хранения в фондах совхозов и колхозов. Расхитителями являются не только шоферы совхозов и колхозов, но и закрепленные за последними на сезонных работах водители автомашин, принадлежащих различным предприятиям, организациям и учреждениям. При перевозках промышленных и продовольственных товаров с водителями-экспедиторами автотранспорта заключаются договоры о полной материальной ответственности за сохранность имущественных ценностей. В совхозах и колхозах во время транспортировки продукции полеводства такие договоры с водителями автомашин не заключаются. Видимо, это обстоятельство и обуславливает небрежное отношение к вверенному имуществу, безразличие к потерям во время транспортировки, стремление к личному обогащению за счет государственных и общественных интересов и т. д.

Главным образом это свойственно некоторым водителям автомашин, направленным на сезонные сельскохозяйственные работы. Кроме того, в течение всего сезонного периода работы в совхозах и колхозах они продолжают оставаться в служебном подчинении у руководителей своих предприятий, которые порой лишены возможности осуществлять постоянный контроль за режимом эксплуатации принадлежащего им автотранспорта. Должностные же лица совхозов и колхозов не наделены полномочиями для наложения дисциплинарных взысканий на «прикомандированных» водителей за допускаемые нарушения транспортировки продукции полеводства.

Водители автотранспорта являются активными участниками групповых хищений зерна, совершаемых в совхозах и колхозах. В частности, они оказывают расхитителям (мастерам зерносушилок, весовщикам, кладовщикам, приемщикам заготовительных организаций) помощь в переброске похищенного в пункты реализации, к тайникам и месту жительства. Данная группа расхитителей, используя автотранспорт в своих преступных целях, наиболее опасна и наносит большой ущерб народному хозяйству.

Способы хищения водителями автотранспорта избираются в зависимости от складывающейся обстановки и условий транспортировки продукции полеводства (порядка учета и контроля, характера выполняемого задания, отношения расхитителя к материальным ценностям, охраны сельскохозяйственных объектов)³. Проведенные обобщения судебно-следственной практики показывают, что на уборке зерна нового урожая рассматриваемые хищения можно подразделить на три общие группы: а) хищения при доставке зерна с полей от бункеров комбайнов на зернотоки или зерносушилки (пункты сушки и сортировки); б) в процессе перевозки зерна от бункеров комбайнов непосредственно в склады совхоза (колхоза) для сортировки или хранения в семенных и фуражных фондах; в) при доставке зерна от пунктов предварительной его подготовки (с зернотоков и зерносушилок) в склады совхоза (колхоза) для хранения в семенных и фуражных фондах, а также при отправке в заготовительные государственные и кооперативные организации.

При перевозке с полей зерна нового урожая водители автомашин стремятся использовать недостатки в организации сельскохозяйственного производства. Если они не имеют преступных связей с материально-ответственными лицами совхозов (колхозов) и персоналом, обслуживающим уборочные комбайны, то ими избираются такие способы хищения, которые дают возможность завладеть зерном без посторонней помощи. Для достижения своей преступной цели водители автотранспорта допускают различные отступления от порядка транспортировки зерна, умышленно запутывают его учет и доставляют преднамеренно в пункты складирования, не приспособленные для взвешивания, привозят продукцию в отсутствие весовщика (кладовщика), уклоняются от письменного подтверждения факта получения зерна в учетных документах и т. д. Этим самым создаются условия не только для неправомерного завладения зерном, но и для сокрытия следов совершаемого преступления.

Например, водитель автомашины Батраков воспользовался тем, что в колхозе «Заветы Ильича» при транспортировке не соблюдался порядок ведения реестра отправки зерна с поля⁴.

³ Особенности выявления хищений путем анализа учетных документов автотранспортных организаций также освещены С. П. Голубятниковым и Н. В. Кудрявцевой. См.: Голубятников С. П., Кудрявцева Н. В. Основы бухгалтерского учета и судебно-бухгалтерской экспертизы. М., «Юридическая литература», 1976, с. 276—283.

⁴ Учет зерна нового урожая осуществляется путем заполнения реестра в трех экземплярах. Из них один должен вести комбайнер, указывая фамилию водителя, номер автомашины, наименование поля, вид зерна и его количество

Загрузив из бункера семенную пшеницу, он отвез ее в количестве 680 кг к себе домой в деревню Бердюгино и ссыпал в огороде⁵. Похищение зерна совершается и путем оставления водителем в кузове 20—30 кг во время выгрузки. Водители автомашин часто допускают присвоение при перевозках продукции зерновых культур, ссылаясь на потери сверх предусмотренных норм, неожиданные аварии в пути, ошибочные завесы в бункерах комбайнов и приемных пунктах, случаи обмана их весовщиками или неправильное оформление первого или третьего экземпляра реестра.

Если хищение зерна при перевозке во время уборки нового урожая совершено одним водителем автомашины, то наряду с изучением учетных документов (реестров, ведомостей движения урожая на пунктах подготовки, книг складского учета и др.) в первую очередь необходимо допросить в качестве свидетелей комбайнеров, работников приемных пунктов, складов, механизированных или полеводческих бригад.

При этом следует подробнее выяснить обстоятельства выполнения отдельных хозяйственных операций в условиях проведения полевых работ. Важно установить последовательность выполнения этих работ (время и место выгрузки намолоченного зерна, соблюдение графиков заездов автомашин для погрузки у комбайнов, простои уборочных агрегатов, продолжительность отсутствия автомашины и т. д.). При проверке версии о хищении зерна водителем автомашины должны быть изучены учетные документы, характеризующие поэтапное движение собранного урожая с полей. Экземпляры реестров целесообразно сопоставить между собой. Выявленные расхождения необходимо сравнить с данными, отраженными в ведомостях и актах по «подработке» зерна в пунктах предварительной приемки и книгах складского учета стационарных зернохранилищ. Во время транспортировки зерна с полей водители автомашин допускают материальные и интеллектуальные подлоги во вторых экземплярах реестров. Бывают случаи, когда водители автомашин пытаются вызвать сомнения по поводу достоверности записей в остальных экземплярах реестров, уничтожают свой экземпляр. Располагая достаточными основаниями подозревать такого водителя в хищении продукции поле-

в бункерном весе. Эти сведения водитель подтверждает подписью. Во втором экземпляре водитель делает о получении зерна записи, которые должны полностью соответствовать первому экземпляру. Второй экземпляр реестра удостоверяется подписью комбайнера. Весовщик (кладовщик) оформляет третий экземпляр. Ежедневно бухгалтерия совхоза (колхоза) проводит сверку всех трех экземпляров реестра.

⁵ Архив Ирбитского районного народного суда Свердловской области за 1975 г. Дело по обвинению Батракова Н. И. по ч. 1 ст. 89 УК РСФСР.

водства, рекомендуется провести обыск в целях отыскания учетных документов или других записей на получение зерна. При анализе достоверности любого экземпляра реестра или иного учетного документа (актов, ведомостей, книг складского учета) следователем могут быть использованы путевые листы⁶.

Водители автомашин сами записывают некоторые сведения в путевых листах. По нашему мнению, нельзя относиться с недоверием ко всей содержащейся в них информации. И хотя водителями по разным причинам иногда допускаются искажения излагаемых сведений, но в определенных случаях некоторые записи могут отражать истинную картину. Например, при провозе похищенной продукции полеводства через населенные пункты и по магистральным дорогам водитель вынужден в путевом листе правильно проставлять сведения о времени и маршруте своего следования из-за опасения проверки его работниками госавтоинспекции. Таким образом, внимательное изучение учетных документов, несомненно, может оказать большую помощь в изобличении расхитителей.

Водители автотранспорта совершают кражи зерна с уборочных агрегатов, зернотоков и стационарных хранилищ, как правило, в случаях, если они не связаны с его транспортировкой. Эффективным средством раскрытия таких краж является организация в местах выезда с полей при уборке нового урожая контрольных постов для задержания и оперативного получения информации об источниках сбыта похищенного.

Закономерности образования доказательств хищений, совершаемых водителями автотранспорта в группе с материально-ответственными лицами совхозов и колхозов (включая комбайнеров), носят более сложный характер. При хищениях из бункера комбайна в реестрах следов материальных подлогов не оказывается. Однако при проверке версии о совершении хищения зерна комбайнером и водителем автомашины из бункера уборочного агрегата рекомендуется использовать показатели средней урожайности на этих же участках. В качестве первоначальных следственных действий при задержании могут быть проведены: допросы подозреваемых, обыски и выемка похищенного зерна.

Следует решить вопрос об осмотре места происшествия, который дает хорошие результаты, если хищение зерна было совершено в выходные и праздничные дни, но в ночное и обеденное время, в выходные и праздничные дни, т. е. когда уборочные агрегаты бездействовали. В окружающей

⁶ При учете автомобильных перевозок исходным учетным документом является установленной формы путевой лист о работе автомобиля, в который включаются сведения, характеризующие задание водителю и выполненную им работу.

среде оказываются те или иные отображения следов хищения (недостача намолоченного зерна в бункере комбайна, отсутствие мешков на току и т. д.). По следам протекторов автомобиля, оставленным на месте совершения преступления, можно установить не только его родовые (тип и модель), но и индивидуальные особенности, направление подъездов к месту хищения, стоянки под погрузкой, обратный путь следования с похищенным.

Хищение зерна во время перевозки на заготовительно-приемочные пункты совершается водителями автомашин как совместно с материально-ответственными лицами совхозов и колхозов, так и без них. Хищения с участием мастеров зерносушилок, заведующих зернотоками или стационарных хранилищ обычно характерны тем, что последние предварительно создают неучтенные резервы зерна. Войдя в преступную связь с водителем автомашины, они передают ему похищенное зерно вместе с тем, которое подлежит сдаче заготовительным организациям⁷.

Хищение семян во время сева осуществляется под видом их перевозки из зернохранилищ на поля. Для установления факта хищения в таких случаях могут быть допрошены лица, оформившие требование (накладную), агроном или бригадир полеводческой бригады, а также рабочие, занятые в поле на посеве. В более сложных ситуациях целесообразно провести агрономическую экспертизу в целях определения фактического посева семян на конкретных участках.

В колхозах и совхозах, помимо зерновых культур, работники автотранспорта совершают хищения овощей. Большей частью это происходит во время уборки. Одним из распространенных способов хищения овощей является вывоз с полей до их оприходования. Похищенное реализуется в пунктах массовых закупок у населения излишков сельскохозяйственной продукции. Например, группой водителей автомашин с участием работников двух трестов столовых в г. Нижнем Тагиле таким способом совершено хищение картофеля в общей сложности на сумму 8966 руб.⁸

Обычно на принятый по закупке похищенный картофель оформляются приемочные квитанции на имя вымышленных лиц. Но водители автомашин совершают хищения овощей и «реализуют» их

⁷ Транспортировка зерна всех видов на заготовительные пункты может иметь место лишь при наличии оформленной заведующим складом (кладовщиком) накладной в трех экземплярах, а на семена с сортовых участков выдается также сортовое свидетельство, подписанное главным агрономом совхоза (колхоза).

⁸ Архив Ленинского районного народного суда г. Нижнего Тагила Свердловской области за 1972 г. Дело по обвинению Семячкова М. Д., Кунцова Г. П. и др. по ч. 3 ст. 92 УК РСФСР.

подобным образом⁹ и без участия материально-ответственных лиц колхозов (совхозов) и работников заготовительных организаций.

При расследовании хищений продукции полеводства необходимо ознакомиться со справкой «О работе грузового автомобиля, находящегося в командировке и работающего по путевым листам другой организации» (форма 44—46). В ней указывается число дней, проработанных водителем в совхозе (колхозе); общий пробег автомобиля, в том числе с грузом; число поездок; количество перевезенного груза (в тоннах и тонно-километрах). Справка удостоверяется подписями директора совхоза (председателя колхоза) и главного бухгалтера. Расхождения в количестве продукции, вывезенной с полей, зернотоков, стационарных хранилищ, по данным учета совхозов (колхозов) и выданных ими справок формы 44—46 могут при наличии других сведений служить основанием для выдвижения версии о совершенном хищении. По многоэпизодным хищениям продукции полеводства следует провести ревизию.

При расследовании указанной категории дел определенное место занимает решение вопроса о возмещении причиненного материального ущерба совхозам и колхозам, а также выявление и устранение обстоятельств, способствующих совершению таких преступлений. По имеющимся данным, возмещение ущерба, как правило, осуществляется путем изъятия у расхитителей или третьих лиц похищенного зерна и других сельскохозяйственных культур. Это объясняется тем, что водители автотранспорта либо задерживаются с поличным, либо похищенная продукция у третьих лиц изымается до ее потребления и реализации. Во многих случаях после изобличения в совершении преступления расхитители возмещают стоимость причиненного ими ущерба.

В качестве отрицательных условий, способствующих этим хищениям, выступают недостатки организации учета продукции полеводства.

Думается, что высказанные нами соображения могут оказать помощь в разработке методики расследования и предупреждения хищений, совершаемых работниками автотранспорта в совхозах и колхозах.

⁹ См. подробнее о наиболее распространенных способах хищений при заготовках: Куранова Э. Д. Расследование и предупреждение хищений при заготовках сельскохозяйственных продуктов. Автореферат канд. диссертации. М., 1962.

НЕКОТОРЫЕ ТАКТИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ ПОТЕРПЕВШИХ

В процессе расследования отдельных видов преступлений следователь¹ использует самые различные средства доказывания, необходимые для установления истины и изобличения лица, совершившего преступление. В связи с этим особо важной представляется проблема эффективного производства отдельных следственных действий, в частности одного из них — освидетельствования живых участников события преступления.

Освидетельствование — это процессуальное действие, являющееся разновидностью следственного осмотра², при производстве которого следователь совместно с указанными в законе³ лицами осматривает (обследует) тело подозреваемого, обвиняемого, свидетеля или потерпевшего. Освидетельствование бывает направлено на обнаружение тех или иных следов и предметов на теле и носильных вещах осматриваемого. К числу таких объектов относятся, например, следы крови, спермы, волосы, повреждения на теле в виде укусов, ссадин, кровоподтеков, порезов; особые приметы — татуировки, шрамы, родимые пятна и др.

Недостаточное освещение в криминалистической литературе вопросов, касающихся психологических, тактических и этических аспектов освидетельствования (особенно потерпевших), делает необходимым изучение этой проблемы с научной и практической точек зрения⁴.

¹ Здесь и далее имеется в виду лицо, ведущее расследование и дознание.

² Колмаков В. П. Следственный осмотр. М., «Юридическая литература», 1969, с. 32—33.

³ См. ст. 181 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК союзных республик.

⁴ Вопросам освидетельствования была посвящена кандидатская диссертация А. Э. Жалинского, которая не могла отразить все спорные вопросы, возникающие при производстве этого следственного действия на практике (см.: Ж а л и н с к и й А. Э. Освидетельствование на предварительном следствии. Канд. диссертация. М., 1964). Кроме того, Ю. Г. Торбиным в 1971 г. в диссертации на тему:

Освидетельствование потерпевших имеет свои особенности, зависящие в значительной мере от характера совершенного преступления; от вида следственных ситуаций, возникающих в процессе расследования; от личности потерпевшего, психологических особенностей его поведения на предварительном следствии; от опыта следователя, его умения и навыков, а также соблюдения им этических норм.

В расследовании самых различных преступлений, особенно преступлений, направленных против личности (изнасилование, тяжкие телесные повреждения, разбойные нападения и др.), при проведении освидетельствования потерпевших возникают определенные сложности, связанные с наличием той или иной следственной ситуации.

Представляется, что при производстве освидетельствования потерпевших возможно существование двух следственных ситуаций: простая бесконфликтная ситуация, которая характеризуется единством цели участников рассматриваемого процессуального действия (следователя и потерпевшего); конфликтная ситуация при наличии противоречий между следователем и потерпевшим.

Правильно подчеркивает Л. Я. Драпкин, что «решение простой следственной ситуации обычно происходит путем развертывания уже имеющейся исходной информации, которой оказывается достаточно для достижения основных целей по уголовному делу. Эта ситуация характеризуется отсутствием проблемности и конфликтности»⁵. При простой бесконфликтной ситуации интересы и цели следователя и потерпевшего совпадают. Важно чтобы следователь при наличии указанной ситуации произвел освидетельствование потерпевшего точно в соответствии с процессуальными требованиями закона и правилами социалистической морали и нравственности.

Известно, что в соответствии с законом освидетельствование производится, во-первых, в присутствии понятых; во-вторых, если оно сопровождается обнажением освидетельствуемого лица, то оно производится в присутствии понятых того же пола; в-третьих, следователь не присутствует при освидетельствовании лица другого пола, если оно сопровождается обнажением этого лица; в-четвер-

«Криминалистическое исследование тела и одежды подозреваемого в совершении преступлений» в основном был рассмотрен вопрос, касающийся одновременного осмотра тела и одежды подозреваемого в рамках ст. 181 УПК РСФСР (см.: Торгин Ю. Г. Криминалистическое исследование тела и одежды подозреваемого в совершении преступления. Канд. диссертация. М., 1971).

⁵ Драпкин Л. Я. Понятие и классификация следственных ситуаций. — В сб.: Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Научные труды, вып. 41. Свердловск, СЮИ, 1975, с. 30.

тых, при освидетельствовании не допускаются действия, унижающие достоинство потерпевшего или опасные для его здоровья.

Таким образом, сам закон гарантирует конституционные права советского человека, неприкосновенность его личности и создает необходимые предпосылки для производства освидетельствования в условиях бесконфликтной ситуации. Разумеется, еще в большей степени оптимальное проведение освидетельствования зависит от организационных и тактико-психологических методов и приемов, используемых следователем, от подготовки этого следственного действия. Следователь обязан четко представлять цели и задачи освидетельствования, знать факты, в связи с которыми возникла необходимость в освидетельствовании.

Немаловажное значение для успешного производства освидетельствования имеет знание данных, характеризующих личность потерпевшего, «его идейно-политический и моральный облик, уровень сознательности, отношение к своему гражданскому долгу»⁶, что определенно будет способствовать психологическому контакту между следователем и потерпевшим. Следователь должен быть корректен, тактичен в обращении, принципиален и строг, объективен и внимателен.

Детальное изучение личности потерпевшего необходимо для правильного выбора способов воздействия на него. Представляется, что при установлении психологического контакта допустимыми способами воздействия в отношении потерпевшего являются убеждение, внушение, которые могут выступать в форме приказа, требования, просьбы, упрека, предложения, совета и др. Если эти способы не приводят к достижению нужного психологического контакта (например, при отказе потерпевшей от освидетельствования), следователь должен искать другие пути, в частности пригласить врача, что регламентировано ст. 181 УПК РСФСР. В иных случаях положительный эффект может быть достигнут при осмотре потерпевшего в официальном медицинском учреждении. Иногда психологический контакт может быть достигнут при изложении следователем потерпевшему некоторых обстоятельств дела, которые требуют проверки путем производства освидетельствования и другими доказательствами не могут быть проверены. Также целесообразно привести потерпевшему иные, связанные с этим фактом доказательства. Изложенное выше позволяет сделать вывод, что проведение освидетельствования потерпевших в условиях бесконфликтной следственной ситуации в большинстве случаев не представляет для следователя трудности.

⁶ Якуб М. Л. Показания свидетелей и потерпевших. М., Изд-во МГУ, 1968, с. 46—47.

Иначе обстоит дело с проведением принудительного освидетельствования потерпевших в условиях конфликтной ситуации. Этому вопросу в юридической литературе не уделялось должного внимания. Представляется, что он может быть рассмотрен с точки зрения законности проведения освидетельствования потерпевших с вытекающими отсюда психологическими и этическими аспектами производства этого следственного действия. К принудительному освидетельствованию потерпевших следователь прибегает в связи с возникновением так называемой конфликтной ситуации, когда интересы и цели следователя и потерпевшего не совпадают, когда потерпевший категорически отказывается подвергнуться осмотру.

«Сущность конфликтных ситуаций заключается в столкновении интересов и целей участников процесса расследования, в отсутствии или недостатке полезной информации о действиях другой стороны»⁷. В конфликтных ситуациях на первый план выступает неосведомленность о действиях соперничающей стороны.

Анализ следственной практики показывает, что отказ потерпевших от освидетельствования в основном объясняется причинами психологического и этического порядка, вызывающими, как правило, конфликтную ситуацию: потерпевший «воспринимает самое принуждение к освидетельствованию, как унижающее его достоинство, как посягательство на конституционные права советского человека, неприкосновенность личности»⁸; дача потерпевшим умышленно ложных показаний либо сокрытие каких-то обстоятельств и в связи с этим отказ от освидетельствования, так как это может его разоблачить; стыдливость, застенчивость потерпевшего; безразличное отношение к факту совершенного преступления, а иногда и аналогичное отношение к раскрытию преступления вообще; эмоциональное состояние потерпевшего (возбужденность, раздражительность, агрессивность); неприязненное отношение к следователю, проводящему освидетельствование, а также враждебное отношение к органам правосудия и к их деятельности.

Представляется, что тактические приемы, основанные на положениях специальных наук (логики, психологии, этики, научной организации труда), а также на передовой следственной практике, помогут следователю избежать конфликтной ситуации. «Обоснованность данными специальных наук является обязатель-

⁷ Драпкина Л. Я. Указ. соч., с. 33.

⁸ Пичкалева Г. А. Нравственный аспект принудительного освидетельствования потерпевших. — «Социалистическая законность», 1976, № 3, с. 63.

ным признаком тактического приема»⁹, используемого в данном случае следователем.

Вся деятельность следователя по разрешению конфликта с потерпевшим должна быть направлена на ликвидацию ситуации соперничества и на замену негативного отношения потерпевшего позитивной позицией путем использования тех же тактических, психологических и этических приемов и методов, которые применяются при производстве освидетельствования потерпевших в условиях бесконфликтной ситуации.

Особенности использования тактических и психологических приемов принудительного освидетельствования связаны с вопросом о законности принуждения. В юридической литературе нет однозначного подхода к рассмотрению этой проблемы. Некоторые авторы считают, что принуждение не противоречит нормам права и без принудительного освидетельствования не обойтись¹⁰. М. С. Строгович высказывается «против принудительного освидетельствования или экспертного исследования потерпевшего, допуская такие действия лишь при условии согласия потерпевшего»¹¹. Г. А. Пичкалева предлагает компромиссное решение — «введение санкции прокурора на принудительное освидетельствование»¹². Выводы ученых основаны прежде всего на том, что, во-первых, принудительные меры к потерпевшему допустимы лишь тогда, когда они основаны на законе, во-вторых, освидетельствование неправомерно с точки зрения морали социалистического общества, поскольку затрагивает право человека на неприкосновенность его личности, и, в-третьих, освидетельствование неэтично, безнравственно с позиции этики.

Мы считаем, что ссылка на отсутствие закона неправильна, так как именно закон наделил следователя правом проводить освидетельствование в принудительном порядке. Более того, неисполнение потерпевшим принятого постановления влечет за собой привод и принудительное освидетельствование¹³.

Решение вопроса о возможности принудительного освидетельствования тесно связано с наличием доказательств по делу. Если их достаточно (показания, очные ставки, судебно-медицинская экспертиза), то следователь может не применять принуждение

⁹ Гусаков А. Н. Понятие тактического приема при расследовании преступлений. — В сб.: Проблемы уголовного процесса и криминалистики. Сборник ученых трудов, вып. 21. Свердловск, СЮИ, 1973, с. 166.

¹⁰ См., например: Миньковский Г. М. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. М., 1956, с. 93.

¹¹ Строгович М. С. Проблемы судебной этики. М., «Наука», 1974, с. 142.

¹² Пичкалева Г. А. Указ. соч., с. 64.

¹³ Комментарий к УПК РСФСР. М., «Юридическая литература», 1976, с. 270.

и отказаться от проведения этого процессуального действия. Если недостаточно, хотя использованы все допустимые тактические и психологические приемы, он должен принять решение о производстве принудительного освидетельствования. Моральная сторона этого вопроса заключается в том, что раскрытие преступления, изобличение виновного и пресечение его общественно опасных действий представляется более высокой нравственной ценностью, чем чувства (хотя обоснованные и понятные) потерпевшего.

Таким образом, вопрос о принудительном освидетельствовании носит ситуационный характер и во многом зависит от достаточности доказательств по делу.

ОБЪЕКТЫ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В теории судебной экспертизы к объектам исследования эксперта относят вещественные доказательства, а также некоторые собранные по уголовному делу сведения¹. При этом обычно отмечается, что собранные сведения значительно реже, чем вещественные доказательства, подвергаются экспертным исследованиям. Содержатся они в документах, свидетельских показаниях и других материалах дела. Наиболее общим признаком, объединяющим все виды объектов исследования, признается существование (или возможность существования) в любом из объектов исследования таких скрытых качеств и свойств, которые могут быть выявлены и изучены лишь с помощью специальных знаний экспертов. «Экспертное исследование с точки зрения его содержания — это использование специальных знаний эксперта для выявления и объяснения имеющих значение для дела фактов в объектах, направленных на экспертизу... Чаще всего экспертное исследование проходит два этапа. На первом этапе эксперт выявляет в предоставленных ему объектах фактические данные (свойство, качество, признаки), а на втором — делает из них выводы по вопросам, поставленным перед экспертизой»². В этом и других аналогичных определениях достаточно четко раскрывается сущность экспертного исследования и главная особенность его объектов.

Именно с этих позиций, как нам представляется, необходимо решать вопрос о возможности использования в качестве объектов экспертного исследования тех сведений, которые содержатся в документах, свидетельских показаниях и других материалах дела. Решение этого вопроса имеет большое значение для судебно-статистической экспертизы, поскольку в отличие от других экспертиз объектами исследования эксперта-статистика являются в основ-

¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., «Юридическая литература», 1973, с. 700.

² Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., «Юридическая литература», 1964, с. 10.

ном не вещественные доказательства, а именно определенные сведения, которые он черпает из документов и других материалов уголовного дела.

В процессуальной литературе нет четкого определения тех случаев, когда сведения, собранные по делу, становятся объектом экспертного исследования. Нечеткость высказанных по этому вопросу суждений связана, по нашему мнению, с отождествлением понятий «экспертиза» и «экспертное исследование», получившим известное распространение в юридической литературе. Для правильного решения рассматриваемого вопроса необходимо учитывать, что экспертиза как деятельность эксперта по разрешению поставленных перед ним вопросов состоит из трех основных моментов: ознакомление с материалами уголовного дела (подготовка к экспертному исследованию), исследование представленных эксперту объектов и составление заключения. Игнорирование этого обстоятельства может привести к существенным ошибкам, к признанию объектами экспертного исследования всех материалов уголовного дела, с которыми знакомится эксперт.

Так, И. Л. Петрухин приводит убедительные доводы о возможности использования свидетельских показаний и других материалов уголовного дела для реконструкции объекта исследования по некоторым видам экспертиз. Действительно, свидетельские показания о поведении определенного субъекта могут, например, стать объектом исследования эксперта-психиатра, так как изучение сведений о симптомах болезни может заменить собой непосредственное изучение психики конкретного лица. Вместе с тем И. Л. Петрухин фактически признает объектами исследования эксперта и те приведенные в документах и свидетельских показаниях сведения, которые лишь учитываются экспертом в процессе исследования и составления заключения. В качестве примера он называет, в частности, условия образования объекта криминалистического исследования (поза составителя документа в момент его написания и т. п.), с которыми эксперт может быть ознакомлен по свидетельским показаниям и другим материалам дела. Признавая такие факты, которые могут лишь учитываться экспертом, объектами исследования, И. Л. Петрухин делает, на наш взгляд, ошибочный вывод о возможности обоснования заключения эксперта по совокупности данных экспертного исследования и фактов, установленных вне экспертизы³.

Такой, неверный по нашему мнению, вывод основан на отождествлении терминов «экспертиза» и «экспертное исследование», а

³ Петрухин И. Л. Экспертизы как средства доказывания в советском уголовном процессе. М., «Юридическая литература», 1964, с. 8.

также неоднозначных понятий: «материалы уголовного дела, с которыми может быть ознакомлен эксперт» и «объект экспертного исследования».

Известная нечеткость в определении круга объектов экспертизы имеется и в других научных исследованиях. Так, А. Ю. Штромас отождествляет понятие «объект» и «предмет» экспертизы, в связи с чем относит к объектам экспертного исследования вещественные доказательства, а также рассматриваемые по делу события, действия и различные связанные с ними фактические обстоятельства⁴. Нетрудно заметить, что лишь в первой части определения говорится об объекте исследования, вторая часть относится к предмету экспертизы. Следует отметить, что многие процессуалисты относят к объектам экспертизы лишь материальные объекты и, определяя их круг, вместо сведений включают в него понятие «документы». Тем самым из круга объектов исследования экспертизы исключаются сведения, содержащиеся не в документах, а в показаниях свидетелей и в других материалах дела. В частности, Г. М. Миньковский, комментируя ст. 78 УПК РСФСР, относит к объектам исследования эксперта вещественные доказательства, документы, трупы, а также состояние здоровья и физические особенности живого лица⁵.

Столь существенная разноречивость определения объектов исследования в общей теории судебной экспертизы оказала определенное влияние и на разрешение этого вопроса в некоторых работах по конкретным видам экспертиз. Так, в теории судебно-бухгалтерской экспертизы до настоящего времени существует и отстаивается точка зрения о признании объектами исследования эксперта-бухгалтера таких, содержащихся в показаниях свидетелей и обвиняемых сведений, которые могут лишь учитываться экспертом-бухгалтером в процессе исследования.

С. П. Фортинский утверждает, что «показания обвиняемых и свидетелей являются объектом экспертного исследования в тех случаях, когда: 1) следователь ставит на разрешение эксперта-бухгалтера вопрос о соответствии показаний документам и записям в учетных регистрах; 2) они служат документальным источником освещения тех хозяйственных операций, которые составляют предмет бухгалтерской экспертизы. В первом случае показания обвиняемых и свидетелей эксперт-бухгалтер исследует на основании

⁴ Штромас А. Ю. Основания и формы деятельности сведущих лиц в советском уголовном процессе.— Сборник научных трудов ВНИИСЭ Юридической комиссии Литовской ССР, вып. 1. Вильнюс, 1963, с. 71.

⁵ См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. Под ред. А. К. Орлова. М., 1976, с. 123.

документов, во втором — он привлекает как вспомогательный материал при даче заключения по определенным обстоятельствам или фактам в пределах задания, полученного экспертом-бухгалтером от следователя»⁶. Это утверждение представляется неубедительным. По нашему мнению, ни в том, ни в другом случае показания свидетелей и обвиняемых (а точнее — содержащиеся в них сведения) не являются объектами исследования эксперта-бухгалтера. Вопрос о соответствии показаний документам и записям в учетных регистрах ставится следователем перед экспертом-бухгалтером лишь в связи с определенными, приведенными в показаниях обстоятельствами, если они имеют отношение к предмету бухгалтерской экспертизы. Для решения таких вопросов эксперт-бухгалтер исследует не сами показания, а документальные данные и устанавливает по документам наличие или отсутствие обстоятельств, входящих в предмет экспертизы. Довод С. П. Фортинского о том, что посредством анализа документальных данных эксперт-бухгалтер исследует достоверность показаний обвиняемых и свидетелей и что именно поэтому следует рассматривать показания как объекты исследования⁷, также должен быть отвергнут, так как он противоречит основным принципам теории доказательств. Высказывавшиеся ранее в нашей юридической литературе взгляды о компетенции эксперта определять правильность и достоверность содержания свидетельских показаний (П. И. Люблинский, С. В. Познышев и др.) получили убедительное опровержение в работах ряда ведущих советских процессуалистов (М. С. Строговича, М. А. Чельцова, А. И. Винберга и др.).

Показания свидетелей и обвиняемых относительно отдельных хозяйственных операций не могут содержать каких-либо скрытых свойств и признаков, выявляемых с помощью специальных экономических знаний, и потому также не должны рассматриваться как объекты экспертного исследования. Эти показания лишь учитываются экспертом-бухгалтером при исследовании специфических для этого вида экспертиз объектов.

Вместе с тем нельзя отрицать возможность использования (правда, в исключительно редких случаях) в качестве объектов исследования эксперта отдельных сведений, содержащихся в показаниях обвиняемых и свидетелей. Такая возможность возникает лишь в том случае, когда эти сведения относятся не к отдельным хозяйственным операциям, а к некоторым другим явлениям хозяй-

⁶ Фортинский С. П. Судебно-бухгалтерская экспертиза. М., 1962, с. 80—81; Остроумов С. С., Фортинский С. П. Основы бухгалтерского учета и судебно-бухгалтерской экспертизы. М., Изд-во МГУ, 1964, с. 218.

⁷ Фортинский С. П. Указ. соч., с. 36.

ственной жизни предприятия, входящим в предмет судебно-бухгалтерской экспертизы (неудовлетворительное состояние учета, неправильная методика документальной ревизии и др.). Так, в уголовном деле могут находиться подробные показания ревизора о его методах проверки документов. Применяя к изложенным в этих показаниях фактам свои специальные познания, эксперт-бухгалтер в ряде случаев может установить новые фактические данные, например неправильность методов, используемых ревизором, их неполноту и т. п. Лишь такого рода показания, т. е. показания, в которых могут содержаться сведения, обладающие скрытыми признаками, требующими для своего выявления специальных экономических знаний, и могут рассматриваться в качестве объекта судебно-бухгалтерской экспертизы. Аналогичное требование должно быть предъявлено и к другим материалам уголовного дела — объектам экспертного исследования. Поэтому нельзя согласиться с существующим в теории судебно-бухгалтерской экспертизы отождествлением понятий «материалы уголовного дела» и «объекты исследования эксперта-бухгалтера». С. С. Остроумов и С. П. Фортинский рассматривают в качестве объекта исследования эксперта-бухгалтера любые материалы уголовного дела (включая протоколы очных ставок, протоколы обыска и др.), если содержащиеся в них сведения имеют отношение к предмету экспертизы, независимо от того, требуются ли для исследования этих сведений специальные экономические знания или нет. Так, С. С. Остроумов и С. П. Фортинский отмечают, что «исследование протоколов обыска может иметь большое значение для эксперта-бухгалтера, в частности для установления места изъятия документов»⁸. С этим утверждением нельзя согласиться. Вряд ли может возникнуть необходимость применения специальных экономических знаний для выявления по протоколу обыска места, где были изъяты документы. Разумеется, содержащиеся в таком протоколе сведения могут быть учтены экспертом-бухгалтером в процессе экспертного исследования и составления заключения, но ни эти сведения, ни сам протокол обыска нельзя признать объектом исследования эксперта-бухгалтера.

Круг объектов статистической экспертизы отличается от круга объектов других экспертиз и определяется особенностями предмета и метода статистической науки.

Статистика, как известно, складывается из трех основных элементов: сбор статистических сведений, характеризующих отдельные единицы каких-либо совокупностей; статистическое исследо-

⁸ Остроумов С. С., Фортинский С. П. Указ. соч., с. 219.

вание полученных данных, заключающееся в выяснении тех закономерностей, которые могут быть установлены на основе данных массовых наблюдений; разработка приемов статистического наблюдения и анализа статистических данных (математическая статистика)⁹.

Объектами исследования эксперта-статистика могут быть различные документы и другие материалы дела, из которых можно получить статистические сведения, характеризующие отдельные единицы совокупности, явления, ставшие объектом расследования, а также сами эти сведения в тех случаях, когда они обладают такими скрытыми свойствами и качествами, для выявления которых необходимы специальные знания в области статистики.

Рассматриваемые сведения могут содержаться в первичных документах статистического учета, статистической отчетности предприятий и организаций, в документах бухгалтерского, оперативного и неофициального учета, в актах документальных ревизий и иных документах, приобщенных к уголовному делу. В отдельных случаях сведения, характеризующие определенную совокупность расследуемых явлений, могут содержаться и в заключениях экспертов других специальностей¹⁰. Кроме того, в заключениях экспертов других специальностей может содержаться и характеристика применения самими экспертами статистических методов исследования. Представляется, что и эти сведения могут быть объектами исследования эксперта-статистика.

Необходимо сразу же оговориться, что сами документы (как материальные объекты) лишь в крайне редких случаях могут быть непосредственными объектами статистической экспертизы. Это возможно главным образом тогда, когда в процессе расследования возникли сомнения в правильности составления документов первичного статистического учета и статистической отчетности.

В таких ситуациях эксперт-статистик исследует данную группу объектов не только по существу их содержания, но и по форме. Во всех же остальных случаях объектом исследования эксперта-статистика будут не сами документы, не заключения других экспертов и т. д., а именно те сведения, которые в них содержатся. Причем эти сведения должны входить в предмет данной экспертизы и обладать скрытыми свойствами (содержать исходные данные, необходимые для выявления определенной закономерности, характеризующей данную совокупность), для выявления которых

⁹ Гнеденко Б. В. Курс теории вероятностей. М., Госиздат физико-математической литературы, 1961, с. 344.

¹⁰ См., например: Селиванов Н. А. Математические методы в собирании и исследовании доказательств. М., «Юридическая литература», 1974, с. 96—119.

необходимо применение специальных методов исследования, разработанных в статистической науке.

Важно подчеркнуть здесь специфику круга объектов статистической экспертизы. Как и для других экспертиз, связанных с использованием экономических наук, основными объектами исследования эксперта-статистика будут не вещественные доказательства и не документы как материальные объекты, а именно те сведения, которые вытекают из содержания определенных документов и других материалов дела¹¹.

В этом отношении статистические и другие экономические экспертизы резко отличаются от экспертиз, использующих достижения технических и естественных наук, например, от криминалистической или биологической экспертиз, основными объектами исследования которых являются именно вещественные доказательства. Не случайно попытки решить вопрос о круге объектов экспертного исследования путем обобщения анализа только практики криминалистической экспертизы приводят иногда к серьезным ошибкам.

В качестве характерного примера такой ошибки можно привести высказывания по этому вопросу З. М. Соколовского. Говоря о способах получения сведений об исходных для экспертизы данных, он лишь для вещественных доказательств признает потенциальную возможность существования скрытых свойств, выявляемых путем специализированного экспертного исследования. Что касается различного рода документов, то, по мнению З. М. Соколовского, «специальным исследованиям указанные средства доказывания не подвергаются. Факты здесь очевидны. Сведения о них лежат на поверхности источника доказательств»¹². Такое утверждение, на наш взгляд, глубоко ошибочно. Достаточно отметить, что для выявления признаков интеллектуального подлога даже в первичной учетной документации иногда необходимо применение специальных приемов, разработанных в теории судебно-бухгалтерской экспертизы. Что касается, например, материалов статистической отчетности, то при исследовании изложенных в ней сведений (для выявления признаков ее искажения) необходимо использо-

¹¹ В этом отношении можно провести аналогию с судебно-бухгалтерской экспертизой, где основными объектами исследования являются данные бухгалтерского учета, т. е. не учетные документы как материальные предметы, а те сведения, которые содержатся в этих документах и обладают определенными скрытыми свойствами (отклонение от оборота ценностей, вытекающее из содержания учетных документов, несоответствие в содержании между взаимосвязанными документами и др.).

¹² Соколовский З. М. Вопросы использования экспертом материалов дела. Харьков, Изд-во Харьковского университета, 1964, с. 6.

вание многих приемов, разработанных целым рядом экономических наук, прежде всего статистикой и теорией экономического анализа хозяйственной деятельности предприятий.

Такова общая характеристика объектов статистической экспертизы, которую, на наш взгляд, необходимо учитывать следовательно при ее подготовке и назначении.

Однако при назначении статистической экспертизы по каждому уголовному делу следует иметь в виду, что для разрешения конкретных вопросов требуется определенный круг объектов исследования, для установления которого недостаточно приведенной общей характеристики.

С учетом этого обстоятельства целесообразно кратко остановиться на круге объектов, представляемых статистической экспертизе для разрешения каждой из групп основных вопросов, а также и на особенностях исследования этих объектов, поскольку выбор метода экспертного исследования во многом зависит от поставленной задачи, т. е. содержания разрешаемых вопросов.

Для разрешения вопросов первой группы, т. е. для определения возможности или невозможности наступления (существования) конкретных явлений, подчиняющихся статистическим закономерностям, необходимо представить экспертизе-статистику: 1) документы, содержащие сведения о количественной характеристике изучаемой совокупности явлений, составляющей предмет данной экспертизы; 2) документы, имеющие сведения о количественной характеристике общей совокупности явлений, частью которой выступает изучаемая совокупность¹³.

Документами могут быть материалы статистической отчетности, определяющие параметры генеральной совокупности. Сведения, характеризующие выборочную совокупность, могут быть получены из документов первичного учета, отражающих выработку определенных изделий, расход сырья на конкретные объекты, выход готовой продукции и т. д.; такие данные могут быть получены и из других материалов дела, например, из актов ревизий, показаний свидетелей и обвиняемых, протоколов изъятия документов и вещественных доказательств и других источников.

Сведения, характеризующие генеральную совокупность, могут быть получены из материалов бухгалтерского, статистического, оперативно-технического и неофициального учета. В необходимых

¹³ Такого рода совокупности в статистике носят название генеральной и выборочной. Подробнее о совокупностях см.: Урланис Б. Ц. Общая теория статистики. М., «Статистика», 1973, с. 202; Дубров А. М. Последовательный анализ в статистической обработке информации. М., «Статистика», 1976, с. 39 и работы др. авторов.

случаях следователь может запросить для приобщения к делу справки официальных учреждений, содержащие сведения о генеральной совокупности.

Круг объектов (сведений), предоставляемых эксперту-статисту для разрешения вопросов о минимальном количестве образцов, необходимых при выборочных экспертных исследованиях, во многом зависит от конкретных обстоятельств дела. Если подлежат изучению свойства какой-либо одной партии товара или готовых изделий, эксперту-статисту достаточно представить сведения о вариации изучаемого признака между отдельными единицами данной партии. Если же изучаются свойства нескольких партий продукции (изделий), то аналогичные сведения должны быть представлены по каждой партии в отдельности. Особого внимания заслуживает вопрос об источниках получения этих сведений (т. е. исходных данных для проведения статистической экспертизы). Для этой цели не всегда могут быть применены действующие правила отбора образцов, изложенные в государственных стандартах и технических условиях. В зависимости от конкретных условий производства на данном предприятии отклонения от номинальных показателей среди изделий определенной партии продукции могут быть значительно большими, чем это предусмотрено техническими условиями или ГОСТ. Особенно очевидна неприемлемость некоторых правил отбора образцов, предусмотренных в ГОСТ, ОСТ или технических условиях, при расследовании уголовных дел о выпуске неучтенной продукции, связанном с нарушением технологических процессов. В этих случаях, на наш взгляд, представляется наиболее целесообразным следующий порядок использования специальных статистических знаний. Первоначальный отбор образцов для проведения технологической (технической, товароведческой, кулинарной и т. д.) экспертизы может проводиться самим следователем с использованием известных положений о малой выборке¹⁴. Практика применения малых выборок показала, что возможно получение надежных результатов при числе наблюдений менее тридцати из совокупности с конечным или бесконечным количеством единиц, при условии применения закона распределения случайной величины Стюдента¹⁵. Это рас-

¹⁴ Подробнее о малых выборках см.: Венецкий И. Г., Кильдешев Г. С. Основы теории вероятностей и математической статистики. М., «Статистика», 1968, с. 170—182; Дружинин Н. К. Математическая статистика в экономике. М., «Статистика», 1971, с. 204—218 и др. работы по применению выборочного метода.

¹⁵ См.: Боярский А. Я. Математика для экономистов. М., Госстатиздат, 1957, с. 336—339; Козлов В. С. и др. Общая теория статистики. М., «Статистика», 1975, с. 217—220; Нейман Ю. Вводный курс теории вероятностей и математической статистики. М., «Наука», 1968, с. 424—429 и др. работы.

пределение не зависит от вариации признака в изучаемой совокупности. Оно верно даже для очень малого количества наблюдений, а при 20 и более дает нормальное распределение вероятностей. Необходимыми условиями для применения указанного закона является нормальное распределение признаков в изучаемой совокупности или близкое к нему. В судебной экспертизе малая выборка может быть использована для оценки выборочной средней в однородных совокупностях. При оценке результатов выборочного исследования обычно опираются на определенную вероятность, которую считают достоверной. На наш взгляд, достаточной вероятностью в судебной экспертизе будет вероятность не менее чем 0,99, т. е. самая высокая из доверительных вероятностей. Значение этих вероятностей при различных параметрах приводятся в специальных таблицах. Так, например, вероятность того, что предельная ошибка малой выборки не превзойдет трехкратную среднюю ее ошибку видна из следующего вывода:

Вероятность	0,960	0,985	0,990	0,992	0,997
Объем выборки	5	10	15	20	20 и более

Из всего сказанного можно сделать вывод, что выборка в 20 и более единиц может дать в большинстве случаев достаточно надежные результаты для исследования веса, размеров и других показателей однородной продукции при проведении технологических, технических, товароведческих и других судебных экспертиз. Разумеется, при подготовке и проведении судебной экспертизы потребность в определении необходимого количества единиц для обследования должна быть рассмотрена в связи с конкретными условиями. Погрешность зависит от числа наблюдений: при его увеличении повышается достоверность результатов исследования. Но может быть определено такое минимальное количество отобранных изделий, которое вполне обеспечит достоверность выводов.

После исследования этой группы объектов в 20—30 изделий экспертом-технологом (товароведом, кулинаром и т. д.) будут выявлены количественные признаки, характеризующие изучаемую совокупность явлений. Именно на этой стадии, на наш взгляд, необходимо использовать специальные статистические знания в форме назначения статистической экспертизы или путем получения письменной консультации специалиста-статистика. Перед экспертом-статистиком еще до окончания технологической (или иной) экспертизы следует поставить вопрос о количестве образцов (объеме выборочной совокупности), необходимом для иссле-

дования, чтобы результаты экспертного исследования могли быть распространены на всю изучаемую совокупность.

Объектом исследования эксперта-статистика будут в этом случае сведения о свойствах единиц изделий, полученные в результате лабораторных анализов. В процессе исследования этих сведений он может прийти к выводу о том, что количество объектов, исследованных экспертом другой какой-либо специальности, достаточно для достоверного вывода о всей исследуемой совокупности. Для разрешения этого вопроса эксперт-статистик использует разработанные статистической наукой методы вычисления обобщающих показателей, показателей вариации изучаемых признаков, предельной ошибки репрезентативности при определении среднего размера изучаемого признака или доли (процента) данного признака. Таков примерный круг объектов и методика исследования при разрешении вопросов о количестве образцов, необходимых для обеспечения достоверности результатов выборочных исследований.

Для разрешения третьей из основных групп вопросов (о количественной характеристике взаимосвязи между расследуемыми явлениями) эксперти-статистику могут быть представлены самые различные документы, в которых отражается хозяйственная деятельность предприятий: материалы статистической, оперативной и бухгалтерской отчетности, первичной документации, записи в регистрах оперативного и бухгалтерского учета. Хотелось бы подчеркнуть, что количественная характеристика выявленных взаимосвязей может иметь существенное значение для раскрытия преступлений. С этих позиций представляет интерес, на наш взгляд, уголовное дело о хищениях готовой продукции с Красноуральского хлебозавода.

Участником преступной группы, совершавшей хищения, был один из лаборантов, учинявший подложные записи в лабораторном журнале. Сущность подлога состояла в том, что лаборант указывал в журнале заниженные сведения о фактической влажности испеченного хлеба. За счет этого подлога скрывался и факт выпуска неучтенной продукции: расход сырья на выпечку хлеба по нормам зависит от фактической влажности готовой продукции. Поскольку расход сырья контролировался записями в лабораторном журнале, хищения неучтенного хлеба не вызывали на хлебозаводе перерасхода муки против действующих норм. При изобличении лаборанта как участника преступления перед следствием возникли серьезные трудности. Но эта задача была бы во многом облегчена, если бы следователь поручил специалисту-статистику исследовать записи в лабораторном журнале. В результате этого могла быть установлена

определенная закономерность между днями работы этого лаборанта и влажностью хлеба именно в эти дни. Во всех случаях, когда влажность хлеба измерялась лаборантом — участником преступления, этот показатель устойчиво отклонялся бы от аналогичного показателя за время работы другого лаборанта, не являющегося участником преступной группы.

При разрешении четвертой из основных групп вопросов (о правильности или неправильности использования статистических методов при проведении ревизий и различного рода экспертиз) объектами исследования эксперта-статистика будут сведения о порядке применения статистических методов другими специалистами. Эти сведения излагаются в соответствующих актах ревизии и в заключениях экспертов. Лишь такие сведения могут обладать скрытыми свойствами, для выявления которых необходимы специальные статистические знания. В остальной части акты ревизий и заключения экспертов других специальностей не могут быть объектами исследования эксперта-статистика. Сразу же необходимо оговориться, что, исследуя сведения, приведенные в акте ревизии или заключении эксперта другой специальности, эксперт-статистик определяет не достоверность акта или заключения, а лишь соответствие примененных другим специалистом статистических методов требованиям статистической науки. Оценка достоверности всех доказательств, в том числе и заключения самого эксперта-статистика, относится к исключительной компетенции следователя или суда.

Представляется, что наиболее часто объектами статистической экспертизы должны быть сведения об использовании статистических методов в производстве технологических и товароведческих экспертиз. Как отмечалось, эксперты этих специальностей, опираясь на действующие ГОСТ и технические условия, не всегда достаточно верно используют правила отбора образцов, а отсюда без достаточных оснований распространяют результаты выборочных исследований на всю совокупность изучаемых явлений.

Разумеется, статистическая экспертиза для проверки научной обоснованности расчетов, составленных другими специалистами, должна назначаться лишь в тех случаях, когда выводы этих специалистов вызывают сомнение у следователя или суда. Проведение статистических экспертиз должно помочь следствию и суду в оценке достоверности выводов специалистов-технологов или товароведов. Это в свою очередь будет способствовать правильному разрешению уголовных дел о хищениях материальных ценностей, связанных с нарушением технологических процессов.

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИЙ ЭКСПЕРТ КАК СУБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

При расследовании преступлений против жизни и здоровья личности перед следователем возникает необходимость получить ответы и на такие вопросы, для разрешения которых нужны специальные познания в судебной медицине. Это вопросы о причине и давности наступления смерти, о характере и тяжести телесных повреждений, времени их нанесения, о характере орудия и механизме травмы и т. д. Для выяснения этих и им подобных проблем назначается судебно-медицинская экспертиза. Заключение судебно-медицинского эксперта по поставленным перед ним вопросам является одним из важнейших доказательств по делу. Однако в процессе экспертного исследования могут быть получены как истинные, так и ошибочные выводы. Поэтому заключение судебно-медицинского эксперта, как и всякое доказательство, должно быть критически оценено следователем (ст. 71 УПК РСФСР).

Не подлежит никакому сомнению, что эта оценочная деятельность следователя окажется достаточно эффективной лишь в том случае, если он будет иметь представление об особенностях процесса экспертного познания. В настоящей работе мы попытаемся проследить зависимость между личностью судебно-медицинского эксперта (как субъекта познания) и результатом экспертизы.

Каждая судебно-медицинская экспертиза представляет собой процесс познания, в котором происходит взаимодействие субъекта и объекта. Проблема взаимоотношений субъекта и объекта является одной из центральных в теориях познания. «Выяснение сущности категорий субъекта и объекта, раскрытие их реального содержания позволяет глубже понять процесс формирования познавательных образов, диалектику субъективного и объективного, связь между чувственным и рациональным моментами в процессе познания»¹. Не случайно в современной философской литературе

¹ Дученко Н. В. О категориях субъекта и объекта в теории познания диалектического материализма. Автореферат канд. диссертации. Киев, 1961, с. 1.

различным аспектам названной проблемы посвящено значительное количество работ².

Под субъектом, познающим и изменяющим материальный мир, в гносеологии понимается либо человеческое общество в целом, либо отдельные группы людей (в том числе общественные классы), либо отдельные личности, индивиды. В. В. Лапицкий дает такую категорию для обозначения того или иного типа социальной общности как активного творца и носителя знания, располагающего при познании объекта определенной частью материальных и идеальных средств и методов, которыми обладает общество на данном этапе своего исторического развития»³.

Хотя единичный акт познания совершается обычно отдельным человеком, но он всегда выступает как представитель общества, общественного сознания, выступает в роли общественного человека. «Как нет личности вне общества, так и нет общества вне составляющих его личностей, оно является системой взаимоотношений между людьми. Каждый индивид становится субъектом познания не как биологический организм, а как элемент социальной системы, лишь будучи включен в познавательную деятельность общества и лишь постольку, поскольку он овладевает накопленными обществом знаниями и трудовыми навыками»⁴.

В практике судебно-медицинских исследований субъектом является судебно-медицинский эксперт либо экспертная комиссия в целом; реже в роли субъекта выступает врач, не являющийся специалистом в области судебной медицины и привлекаемый к производству экспертиз от случая к случаю. Судебно-медицинский эксперт как субъект познания есть прежде всего продукт социального развития общества. Лишь на определенной ступени развития общества возникает потребность в специалистах, обладающих некоторой суммой знаний в области судебной медицины. Разумеется, и дифференциация науки к этому периоду достигла такой степени, что судебная медицина смогла выделиться в самостоятельную научную дисциплину. Итак, интересующий нас субъект —

² См., например: Лекторский В. А. Проблема субъекта-объекта в теории познания. — «Вопросы философии», 1964, № 5, с. 24—34; Любутин К. Н. Категории субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. Свердловск, 1969; Гайда А. В. Субъект и объект практики и познания. Автореферат канд. диссертации. Свердловск, 1973 и др. работы.

³ Лапицкий В. В. Проблема адекватности отображения объекта в процессе познания. Автореферат канд. диссертации. Л., 1973.

⁴ Садыков Ф. Б. Соотношение объекта и субъекта, объективного и субъективного в деятельности людей. — Научные труды Новосибирского университета, философская серия, вып. 1. Новосибирск, 1965, с. 48.

это лицо с высшим медицинским образованием, обладающее определенными познаниями в судебной медицине.

Запас предшествующих знаний, которыми обладает субъект — судебно-медицинский эксперт, неодинаков в различные исторические периоды. Например, до появления технического электричества эксперты ничего не знали и не могли знать о действии электротока на организм, до возникновения автомобильного и железнодорожного транспорта эксперты не могли знать особенностей автомобильной и железнодорожной травмы и т. д. Непрерывное развитие науки, техники, вообще условий материальной жизни людей приводит к тому, что запас знаний экспертов постоянно увеличивается. В этом смысле происходит постоянное совершенствование субъекта познания, постоянное повышение уровня знаний судебно-медицинского эксперта.

Однако изменение субъекта познания происходит не только в связи с развитием науки и по мере ее развития. Каждое проведенное исследование по-своему обогащает эксперта, увеличивает его индивидуальный опыт, знакомит его с доселе неизвестным либо дает ему какое-то новое знание о бесчисленных вариантах проявления известного, расширяет его кругозор и т. д. Поэтому субъект в определенной мере изменяется с каждой экспертизой.

Объектом называется то, на что направлена практическая или познавательная деятельность субъекта. Им могут быть как предметы материального мира, так и результаты мыслительной деятельности человека.

Хотя предметы, вещи, явления материального мира существуют вне и независимо от нашего сознания, они становятся объектами познания лишь тогда, когда попадают в сферу практической либо познавательной деятельности субъекта.

Процесс взаимодействия субъекта и объекта приводит к новому знанию. Полученное знание в свою очередь может изучаться другими людьми (в том числе следователем, судом), которые в этом случае также будут субъектами познания. Объектом же познания в этом втором случае будут не материальные предметы, а результаты мыслительной (познавательной) деятельности других лиц.

В судебной медицине традиционными объектами исследования считаются живые лица, трупы или их части, вещественные доказательства и материалы дела. Необходимо еще раз особо подчеркнуть, что и субъект, и объект становятся таковыми только в процессе взаимодействия между собой. Вне взаимодействия нет ни того, ни другого. Так, эксперт является гносеологическим субъектом не согласно занимаемой должности или званию, а тогда и только тогда, когда он производит исследование, т. е. взаимодей-

ствует с объектом. Точно так же и те материальные тела, которые подвергаются исследованию, становятся объектами лишь на период экспертизы. До экспертизы и после нее они существуют в качестве материальных тел, но не объектов.

Объекты судебно-медицинской экспертизы на протяжении своего индивидуального существования подвергаются определенным изменениям: происходит заживление повреждений, могут изменяться состояние здоровья, степень утраты трудоспособности; подвергаются гнилоственному разложению трупы и т. д. Эти изменения обычно затрудняют процесс познания и могут отражаться на его результатах. Вместе с тем некоторые изменения объектов происходят и в историческом аспекте, т. е. от поколения к поколению. Если на протяжении веков биологическая природа человека меняется не слишком заметно, то весьма существенны изменения условий жизни людей, изменения окружающей среды и, следовательно, изменение характера воздействий этой среды на человека. Это приводит к появлению качественно новых ответных реакций организма, в том числе и к новым, ранее не имевшим места болезненным проявлениям (лучевая болезнь, лекарственная аллергия, отравления новыми химическими соединениями и т. д.). Отсюда следует, что объекты судебно-медицинской экспертизы также изменяются исторически, они развиваются, усложняются, исследование их требует все большей подготовки познающего субъекта.

Свойства исследуемого объекта (анатомо-физиологические особенности организма, характер воздействия на организм, выраженность его ответных реакций, степень «сохранности» и т. д.), безусловно, оказывают влияние на процесс экспертного познания и могут отражаться на его конечном результате.

В еще большей степени результат познания зависит от познающего субъекта, от состояния его органов чувств (зрения, осязания, обоняния, слуха), от его внимательности, опыта, знаний, владения техническими приемами исследования, умения логически мыслить, овладения научной методологией экспертного познания и других качеств. Многие здесь связано с подготовкой эксперта, с той «школой», которую он прошел. Известно, например, низкое качество экспертиз, производимых врачами, не имеющими специальной подготовки по судебной медицине. Но можно привести и немало примеров, когда некачественные заключения даются опытными и, по общему мнению, квалифицированными специалистами. Бывают случаи, когда исследование одного и того же объекта разными экспертами приводит к противоположным результатам.

Приведем лишь один пример из экспертной практики.
П. был сбит на улице автомашиной и тут же доставлен в боль-

ницу, где установили перелом шейки бедра. Потерпевшему наложена гипсовая повязка, и через два дня он был выписан домой под наблюдение хирурга. Через восемь дней после выписки из больницы состояние потерпевшего резко ухудшилось, и он был вновь доставлен в больницу, где на следующий день умер. При исследовании трупа патологоанатомом обнаружены, помимо перелома шейки бедра, гипертоническая болезнь, атеросклероз, тромбоз вен голеней и тромбоэмболия легочной артерии. По делу назначена судебно-медицинская экспертиза, на разрешение которой поставлены вопросы о тяжести телесных повреждений, причине смерти и о наличии связи между травмой и смертельным исходом. Независимо друг от друга по материалам этого дела было проведено две экспертизы. Одно из заключений было таким:

«1) Повреждения (здесь и дальше выделено нами.— И. В.) у П., 76 лет, в виде закрытого вколоченного перелома шейки правого бедра причинены тупым твердым предметом, давностью соответствующим обстоятельствам дела и относятся к менее тяжким телесным повреждениям как повлекшим расстройство здоровья свыше четырех недель (при благоприятном течении сращение шейки бедра наступает через 3—4 месяца).

2) Смерть П. наступила от тромбоэмболии легочной артерии, возникшей при наличии флеботромбоза глубоких вен обеих голеней, общего атеросклероза и гипертонической болезни.

3) Перелом шейки правого бедра у П. в прямой причинной связи с причиной его смерти не стоит».

Второе заключение гласило (приводится в извлечении):

«4) ...смерть П. наступила от причиненного ему закрытого вколоченного перелома шейки правого бедра, осложнившегося тромбозом глубоких вен нижних конечностей и последующей тромбоэмболией (закупоркой) системы легочной артерии. Смерть П. находится в причинной связи с травмой, полученной 15 апреля.

5) Неосложненные переломы шейки бедра при благоприятном течении требуют длительного (в течение нескольких месяцев) лечения. Поэтому при благоприятном течении такие повреждения относятся к категории менее тяжких как влекущие длительное расстройство здоровья. В данном случае перелом шейки бедра осложнился опасным для жизни состоянием — тромбозом глубоких вен нижних конечностей, повлекшим смертельную тромбоэмболию системы легочной артерии. В связи с изложенным перелом шейки правого бедра у П., осложнившийся тромбозом глубоких вен голеней и тромбоэмболией легочной артерии, является тяжким телесным повреждением, опасным для жизни и повлекшим смертельный исход».

Несмотря на то, что эксперты пользовались одними и теми же данными, сделанные ими выводы оказались диаметрально противоположными. Мы воздержимся здесь от анализа приведенных заключений, ибо это не входит в нашу задачу. Ясно, что оба заключения вместе не могут быть истинными. Но этот пример убедительно показывает, насколько сложной бывает интерпретация полученных при исследовании данных и как много здесь зависит от личности эксперта.

Вместе с тем результат познания зависит не только от свойств и особенностей познающего субъекта и исследуемого объекта. В значительной степени он определяется характером взаимодействия между ними: условиями, в которых проводится экспертиза (состоянием освещенности, температурой помещения, наличием или отсутствием отвлекающих моментов и т. п.), использованием приборов и оборудования, целью и избранной методикой исследования и другими моментами. Рассмотрим влияние некоторых особенностей взаимодействия субъекта и объекта на результат познания.

Большая часть свойств познаваемых объектов доступна непосредственному восприятию эксперта. Он может увидеть и ощупать морфологические образования, услышать звуковые эффекты (например, шум трения отломков кости, тоны и шумы сердца и т. д.), ощутить запахи. Но многие свойства исследуемых объектов остаются недоступными для непосредственного восприятия и могут быть познаны лишь косвенным способом. Например, органы чувств эксперта не в состоянии ощутить видовую или групповую принадлежность крови в пятне на вещественном доказательстве, да и сам характер пятна представляется сомнительным до специального исследования. Для выяснения таких «скрытых» свойств субъект определенным образом воздействует на объект, даже изменяет его в той или иной степени, добиваясь получения известного эффекта, улавливаемого органами чувств. Изменив особым образом взаимодействие между собой и объектом, субъект глубже проникает в его свойства и полнее познает его.

В процессе исследования эксперт нередко использует различные приборы, расширяющие возможности его органов чувств (лупу, микроскоп и другие). Эти приборы являются частью гносеологического субъекта. Они объективны как материально существующие вещи, но субъективны в том отношении, что задуманы и спроектированы субъектом, являются как бы продолжением его органов чувств, увеличивают его познавательные возможности.

Измерительные приборы, применяемые при экспертном исследовании, уточняют показания наших недостаточно совершенных органов чувств, делают их более объективными.

При некоторых видах исследований приборы выступают как бы в виде самостоятельно действующих физических тел (например, газовый хроматограф, спектрограф и т. д.), и сам процесс исследования внешне выглядит как взаимодействие между объектами. На самом же деле созданный человеческим разумом аппарат и в этом случае является частью субъекта, является, по выражению Л. К. Битинайте, «объективизированным, общественным органом чувств», принадлежащим не какому-то отдельному человеку, а субъекту вообще, обществу⁵. Таким образом, приборы «совершенствуют» наши органы чувств, а результаты познания при этом меньше зависят от личности эксперта, т. е. становятся более объективными.

Результаты познания зависят также и от применяемых методик исследования. Например, количественное определение алкоголя в судебной химии может производиться разными методами (Видмарка, нитритным, высаливания, фотометрическим, газовой хроматографии). При исследовании одного и того же материала разными методами наблюдаются и несколько разные показатели содержания алкоголя. Таким образом, и объект, и субъект исследования могут оставаться неизменными, меняется лишь характер взаимодействия между ними, и это приводит к получению разных результатов.

В познавательной системе «субъект — объект» активным началом является субъект. «Что выделяется мышлением в познаваемом объекте, от чего оно отвлекается, какие именно свойства проектируются мышлением для предметной реализации..., зависит как от природы объектов, с которыми имеет дело мышление, так и от природы субъекта познания...»⁶. Активность субъекта — необходимое условие познания. Именно им определяются цель, способ «проникновения» в объект, объем и пределы воздействия на него и т. д. Субъект не пассивно воспринимает исходящие от объекта и отражающие его состояние сигналы, а активно ищет их, нередко применяет специальные методики исследования, способствующие проявлению «скрытых» сигналов (например, проводит пробу на воздушную эмболию, окрашивает гистологические препараты, воздействует на объект определенными реагентами и т. д.). Получен-

⁵ Битинайте Л. К. Диалектика субъекта — объекта и проблема эмпирического и теоретического уровней познания. — В кн.: Проблемы диалектического материализма, вып. 2. М., 1972, с. 13—21.

⁶ Петрушик А. И. Творческая активность субъекта в познании. Минск, 1975, с. 81.

ные сигналы изучаются и анализируются исследователем, в сознании которого возникает образ объекта.

Активностью субъекта обусловлена также важная в познавательном отношении способность выделять из бесчисленного множества наблюдаемых явлений главные, существенные, способность не застревать на мелочах, не запутываться в них.

Активность субъекта, имеющая существенное значение в познании, безусловно связана с личностью исследователя, с его опытом, умением, квалификацией.

Поскольку каждый объект обладает бесчисленным количеством признаков, свойств, особенностей, то познание его всегда в той или иной мере ограничено, неполно. В каждом конкретном случае его глубину определяют задачи исследования, уровень и возможности познания в данный исторический момент. Существующую зависимость между достигнутым уровнем общественного познания и возможностями единичных познавательных актов можно проследить на примере экспертизы автомобильной травмы. Вначале, когда еще не было обобщающих исследований по этому виду травмы, эксперты в заключениях ограничивались выводом о воздействии тупого орудия. Дальнейшее развитие знаний позволило выделить повреждения, характерные для автомобильной травмы, в связи с чем в экспертных заключениях появились выводы о причинении повреждений автомашиной. Более детальное изучение механизма повреждений дало возможность экспертам устанавливать уже конкретный вид автомобильной травмы. Здесь процесс познания, как и всегда, движется от познания сущности первого порядка к постижению сущности второго, третьего и т. д. порядка.

Изложенное выше позволяет до некоторой степени понять, насколько сложен и труден процесс познания при производстве судебно-медицинской экспертизы, от скольких многочисленных факторов и обстоятельств зависит его конечный результат. И хотя в подавляющем большинстве случаев экспертиза дает нам истинное знание, потенциально всегда существует возможность экспертной ошибки. Превратится эта возможность в действительность или нет — в значительной степени зависит от личности эксперта, от его способностей, знаний, умения избрать рациональный план и методику исследования; от овладения правильной методологией мышления, от упорства и настойчивости в достижении цели и от ряда других качеств.

Однако при оценке следователем конкретного заключения предвзятое суждение перед авторитетом личности эксперта было бы неправильным и даже опасным для дела. В таком случае следователь может совершить логическую ошибку «довод к человеку», когда анализ

существа дела подменяется рассуждениями о достоинствах либо недостатках какого-то лица. Думается, что при оценке заключения личность эксперта учитывать нужно, но решающее значение должно принадлежать анализу полноты произведенного исследования, оценке применяемых методик, изучению аргументов, подтверждающих выводы эксперта, сопоставлению их с другими доказательствами по делу.

К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ ВИДА СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Судебно-психиатрическая экспертиза является одним из важных следственных действий, которое позволяет определить возможность вменения преступления гражданину в зависимости от психического состояния последнего. Нормативными актами, регламентирующими указанный вид экспертизы, являются ст. 78—82, 184—194, 290 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик, а также Инструкция о производстве судебно-психиатрической экспертизы в СССР от 27 октября 1970 г.

Судебно-психиатрическая экспертиза, как и любая другая, проводится на основании постановления следователя или определения суда, причем Инструкция о производстве судебно-психиатрической экспертизы в СССР оставляет право выбора вида экспертизы за следователем или судом.

Анализ многолетних наблюдений показывает, что к выбору вида экспертизы некоторые работники следствия подходят формально.

Так, за последние годы в практике экспертов г. Свердловска не встретилось ни одного случая экспертизы в кабинете следователя, хотя данный вид экспертизы прямо указан в Инструкции. Понимая сложность и трудность единоличного принятия решения, мы вместе с тем полагаем, что в ряде случаев указанный вид экспертизы может существенно помочь в расследовании преступлений. По своему характеру он является скорее консультацией, проводимой специалистом в области данного раздела медицинской науки. В ряде случаев консультация квалифицированного специалиста поможет избежать необоснованного направления на амбулаторную или стационарную экспертизу и, следовательно, будет способствовать соблюдению сроков расследования. С нашей точки зрения, эксперт может высказать свое мнение о целесообразности назначения экспертизы и ее вида, указать на необходимость получения медицинских документов или конкретных сведений, характеризующих личность обвиняемого и его поведение в момент совершения преступления.

Мы придерживаемся точки зрения Г. В. Морозова¹, который считает, что необоснованное расширение показаний к проведению экспертизы перегружает экспертные комиссии, создает значительные очереди для освидетельствования и неизбежно приводит к затягиванию сроков следствия или судебного разбирательства. К изложенному можно добавить, что в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. сказано о возможности выбора экспертом вида экспертизы.

От правомерного выбора вида экспертизы, как показывает практика, во многом зависит соблюдение сроков следствия. Б. В. Шостакович² справедливо полагает, что проведение амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы целесообразно в следующих случаях: а) экспертиза заведомо психически здоровых лиц; б) экспертиза заведомо психически больных; в) экспертиза лиц с психическими отклонениями без явных признаков психоза (психопатии, хронический алкоголизм, остаточные явления травматических и других органических поражений головного мозга, легкие степени олигофрении).

В первом случае речь идет о тех обвиняемых, которые, по сути дела, не вызывают сомнения в психическом состоянии, а направляются на экспертизу только в связи с характером совершенного преступления, за которое предусмотрена высшая мера наказания. Направление таких лиц для стационарного исследования не оправдано ни с медицинской, ни с экспертной точки зрения. Следует отметить, что в случае серьезных сомнений в отношении психического состояния обвиняемого в момент совершения преступления (подозрение на патологическое опьянение, патологическое просоночное состояние) его целесообразно направлять для стационарного исследования, так как ряд авторов прямо указывают на наличие у этих лиц той или иной церебральной недостаточности, что может быть констатировано дополнительными исследованиями, которые возможны только в условиях стационарной экспертизы (электроэнцефалография и др.).

Под «заведомо психически больными» мы понимаем тех лиц, которые неоднократно лечились в психиатрических больницах в связи с хроническими душевными заболеваниями (шизофрения, различные органические заболевания головного мозга с неблаго-

¹ Морозов Г. В. Актуальные вопросы организации и проведения судебно-психиатрических экспертиз.— В сб.: Вопросы организации судебно-психиатрической экспертизы. М., 1975, с. 3—12.

² Шостакович Б. В. О выборе формы судебно-психиатрической экспертизы.— В сб.: Вопросы организации и проведения судебно-психиатрических экспертиз в уголовном процессе. М., 1972, с. 26—28.

приятным течением и ослабоумливающим процессом, состояния слабоумия различного генеза). Такие больные при наличии соответствующих медицинских документов (истории болезни, амбулаторная карта) не представляют, как правило, больших трудностей для экспертного заключения и с успехом могут быть экскульпированы в условиях амбулаторной экспертизы.

Однако когда трудно или невозможно вынести окончательное заключение в амбулаторных условиях, нужна стационарная экспертиза.

Проведение стационарной экспертизы необходимо в следующих случаях.

1) Первичная диагностика шизофрении, когда обвиняемый ни разу не был объектом психиатрического наблюдения, а манифестные проявления заболевания выявляются незадолго до совершения преступления или в следственной ситуации. Установление диагноза шизофрении весьма ответственно и оказывает влияние на всю последующую жизнь больного (ограничение трудоспособности, дееспособности и пр.).

2) Необходимость выявления степени и глубины интеллектуального дефекта при выраженной олигофрении, некоторых органических, сосудистых, предстарческих и старческих изменениях психики.

3) Наличие реактивного психоза, затрудняющего квалификацию психического состояния в момент совершения преступления и во время обследования.

4) Психопатии, сопровождающиеся значительным изменением стабильного состояния (психопатические реакции, психопатические декомпенсации). В связи с тем, что ряд психопатических декомпенсаций приравнивается к психическому заболеванию, иногда возникает вопрос о наличии или отсутствии декомпенсации в момент совершения преступления, что ведет к диаметрально противоположным экспертным выводам.

5) Подозрение на симуляцию психозов. Следует подчеркнуть, что и в этих случаях необходима дифференциация показаний для проведения стационарной экспертизы. Следственная и судебно-психиатрическая практика показывает, что в последние годы отмечается тенденция к увеличению числа случаев симулятивного поведения. С нашей точки зрения, наиболее простые, грубые, примитивные варианты симулятивного поведения могут быть с успехом решены в амбулаторных условиях. Анализ большого количества наблюдений и ознакомление со специальной психиатрической литературой показывают, что симулятивная «симптоматика», предъявляемая обвиняемыми, стала более сложной, тонкой и клинически разнообразной. Последнее обстоятельство, по-видимому,

объясняется возросшим культурным уровнем населения, а также определенной популяризацией психиатрических знаний, распространяемых средствами массовой информации. Не случайно, что в настоящее время в жалобах симулянтов все больший удельный вес занимают ссылки на постепенные «изменения характера» и явления, которые могут быть расценены, на первый взгляд, как деперсонализационные и дереализационные расстройства. Вместе с тем мы считаем, что в амбулаторных условиях с достаточным основанием можно констатировать притворное поведение, учитывая наличие внезапного, «острого» начала симуляции, шаржированность поведения, наивность приемов, отсутствие динамики и изолированность предъявляемых «симптомов».

Необходимо также коротко рассмотреть вопрос о комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе, которая как самостоятельный вид экспертизы возникла сравнительно недавно и не накопила еще достаточного опыта. Ряд вопросов, касающихся указанного вида экспертизы, недостаточно разрешен и может допустить различное толкование — пределы компетенции, взаимодействие психолога и психиатра и т. п. Преимущества указанного вида экспертизы, по мнению Т. П. Печерниковой и Н. Н. Станишевской³, заключаются в том, что она может ответить на вопросы, выходящие за рамки компетенции только психологической или только психиатрической экспертизы, а также на те, которые не могут быть решены судом, так как для этого требуются специальные знания.

В практике к указанному виду освидетельствования чаще прибегают при экспертизе умственной отсталости несовершеннолетних. Ст. 392 УПК РСФСР прямо говорит о необходимости выяснения вопроса о способности несовершеннолетнего полностью сознавать значение своих действий и руководить ими, если имеются данные о наличии у него умственной отсталости, связанной с душевным заболеванием. В решении Пленума Верховного Суда СССР от 21 марта 1968 г. указано, что к числу следственных действий может быть отнесена и судебно-психологическая экспертиза, которая проводится специалистами в области детской или юношеской психологии (психологами, педагогами) или экспертом-психиатром, имеющим необходимые знания в области психологии.

Хотя вопрос об умственной отсталости несовершеннолетних чаще решается судебно-психиатрической экспертизой, мы полагаем,

³ Печерникова Т. П., Станишевская Н. Н. Вопросы организации судебной комплексной психолого-психиатрической экспертизы. — В сб.: Вопросы организации судебно-психиатрической экспертизы. М., 1975, с. 94—105.

что в этих случаях целесообразно назначение комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Клиническая практика показывает, что умственная отсталость не всегда вызывается лишь биологическими факторами. В ряде случаев она может быть связана с различными причинами социального характера, условиями воспитания, социальной и педагогической запущенностью.

Иногда умственную отсталость могут имитировать некоторые варианты психического инфантилизма или временная замедленность психического развития. Несовершеннолетние, обнаруживающие признаки психического инфантилизма, выявляют и определенные особенности познавательной деятельности, выражающиеся в легковесности суждений, бездумности, повышенной внушаемости, неспособности к прогнозированию своего поведения.

Длительные тяжелые заболевания (физические уродства, туберкулез и др.), слабость зрения и слуха могут накладывать определенный отпечаток на психическое развитие несовершеннолетних, когда возникает своеобразная картина ложной умственной отсталости⁴. Трудности в формировании речи у слабослышащих детей могут способствовать временному отставанию в умственном развитии, что возможно преодолеть назначением соответствующих медико-педагогических мер.

Психическая деятельность детей и подростков, ослабленных длительными хроническими заболеваниями, также отличается определенным своеобразием. Повышенная психическая истощаемость, общая астенизация, интеллектуальная непродуктивность могут способствовать замедленности умственного развития. Нельзя также забывать, что длительные заболевания в ряде случаев способствуют формированию у детей и подростков психопатических черт — повышенной психической ранимости, обидчивости, раздражительности («гомилопаты» в понимании Э. Крепелина).

Одной из задач, стоящих перед экспертами в таких случаях, является качественный анализ психического состояния умственно отсталого несовершеннолетнего, поэтому проводить оценку умственной отсталости только по интеллектуальным показателям без учета других сторон психической деятельности недостаточно. Необходим анализ структуры личности, потребностей и интересов, особенностей эмоциональности, учет индивидуально-психологических особенностей личности, что невозможно при отдельном психиатрическом освидетельствовании. В связи с этим перед комплексной психолого-психиатрической экспертизой могут быть поставлены вопросы об

⁴ Коченов М. М. Судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетних (информационно-методическое письмо). М., 1971, с. 37.

индивидуальных особенностях несовершеннолетнего — его эмоциональности, состоянии памяти, внимания, мышления, внушаемости, критических способностях.

В более редких случаях перед этой экспертизой ставится вопрос об определении особых психических состояний (физиологический аффект) и отграничении последнего от патологического аффекта.

Т. П. Печерникова и Н. Н. Станишевская считают, что комплексной психолого-психиатрической экспертизой могут быть решены вопросы о наличии таких психических состояний, которые принято называть «фрустрацией», «стрессом»⁵.

Несмотря на широкий круг вопросов, которые может решить эта экспертиза, перед ней не должен быть поставлен вопрос о мотивах преступления, хотя выяснение структуры мотивов и потребностей, системы отношений и иерархии мотивов входит в компетенцию указанного вида экспертизы.

Перед комплексной психолого-психиатрической экспертизой также не могут быть поставлены вопросы о достоверности показаний. Ее определение является прерогативой следствия и суда. Вместе с тем комплексная психолого-психиатрическая экспертиза может решить вопрос о возможности или невозможности гражданина правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства и давать о них показания.

Резюмируя изложенное, мы считаем нужным подчеркнуть, что в выборе одного из видов судебно-психиатрических экспертиз необходим творческий подход работников судебно-следственных органов, ибо правильное и своевременное назначение вида этой экспертизы не только способствует ускорению проведения следственных действий, но и значительно улучшает качество расследования.

Особое положение занимает психолого-психиатрическая экспертиза, которая определяет не только психическое состояние обвиняемого, но и выявляет его личностные особенности.

⁵ Печерникова Т. П., Станишевская Н. Н. Указ. соч.

ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ И ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ И ПРОФИЛАКТИКЕ ХИЩЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА

Одной из важнейших задач органов правосудия является борьба с хищениями социалистической собственности. В этом неоценимую помощь им оказывают криминалистические учреждения.

Как показывает экспертная практика, большинство исследований по названной категории дел связано с документами, т. е. с проведением технико-криминалистических или почерковедческих экспертиз.

Подлоги при хищениях совершаются чаще всего посредством составления поддельных денежных документов, нарядов на работу, фиктивных трудовых соглашений, внесения ложных сведений в денежные документы, подложных подписей в платежных ведомостях и нарядах¹.

Для достижения преступного результата расхитители нередко совершают материальный подлог документов. Наиболее часто искажаются такие документы, как авансовые отчеты, платежные ведомости, коммерческие акты, товарные накладные, счета, наряды, реестры, чеки, квитанции и др. К указанной категории документов с полным основанием можно отнести и трудовые книжки в случаях, когда подделки в них производятся в целях незаконного получения пенсии.

Основными объектами исследования в этих документах являются подписи ответственных лиц или получателей, тексты и цифровые записи, отражающие движение денежных средств и материальных ценностей.

Согласно ст. 69 УПК РСФСР заключение экспертизы является одним из видов судебных доказательств. Однако доказатель-

¹ В. Мельникова приводит соотношение указанных видов документов относительно друг друга по частоте встречаемости подделки. См.: Мельникова В. Должностной подлог и хищение социалистического имущества. — «Социалистическая законность», 1975, № 2, с. 59.

ственное значение имеют только такие заключения, которые составлены в соответствии с требованиями закона, полно и научно обоснованно. Несоблюдение этих требований значительно снижает их доказательственную ценность, а следовательно, и эффективность их использования при расследовании указанной категории дел. Вышеназванные требования (строгое соответствие статьям закона, полнота и научная обоснованность) иногда не соблюдаются по вине лица, назначившего экспертизу.

Вопросы, поставленные следователем в заключении экспертизы, должны быть воспроизведены буквально (ст. 191 УПК РСФСР). Однако это требование порой не может быть выполнено, так как последние в постановлении бывают неверно сформулированы.

Думается, что в случаях назначения криминалистической экспертизы документов следователю необходимо руководствоваться специальными пособиями, выпускаемыми научно-исследовательскими криминалистическими лабораториями, обслуживающими те или иные территориальные административные единицы².

Если какой-то случай не предусмотрен подобными пособиями или методическими письмами, то перед вынесением постановления о назначении экспертизы необходима консультация с экспертом-специалистом. Трактовка поставленных следователем или судом вопросов, в иной модификации или их иная редакция, которая, по мнению эксперта, более правильно раскрывает суть исследования, может привести к самым нежелательным результатам. Но основная причина порочности подобной практики заключается в том, что она не основана на законе.

Нарушение требования полноты исследования документов также порой бывает вызвано неправильным оформлением материалов на экспертизу. Нередко экспертам приходится отказываться от разрешения вопросов по существу или проводить недостаточно глубокие исследования из-за отсутствия нужного количества сравнительного материала как при почерковедческой, так и при технико-криминалистической экспертизе документов.

Зачастую эксперты не могут правильно оценить выявленные признаки и прийти к какому-нибудь выводу вследствие искажения лицом, назначающим экспертизу, действительных фактов. Иногда, чтобы не готовить сравнительный материал при экспертизе подписей, следователь в постановлении указывает, что подлежащие

² Например, методические пособия для судебно-следственных работников, изданные Центральной Уральской научно-исследовательской криминалистической лабораторией: Подготовка почерковедческой экспертизы. Свердловск, ЦУНИКЛ, 1974; Подготовка материалов для проведения судебно-технической экспертизы документов. Свердловск, ЦУНИКЛ, 1976.

исследованию объекты исполнены от имени вымышленных лиц. Не всегда зная тонкости сравнительного анализа при почерковедческих исследованиях, следователь, которого обычно интересует лишь факт исполнения подписей кем-либо из числа подозреваемых, не ставит вопроса о подлинности всех изучаемых подписей, считая подобное исследование лишним. Однако, не разрешив вопроса о подлинности, эксперт порой не может правильно оценить как признаки совпадений, которые могут быть следствием подражания, так и признаки различий, которые могут появиться в результате изменения почерка.

Указание на необходимость первоначального разрешения вопросов о подлинности подписей имеется во всех методических пособиях, составленных в помощь практическим работникам. Невыполнение этого требования ведет к удлинению сроков производства экспертизы, к неполноте исследований, к отказу от разрешения вопроса по существу или даже вероятных заключений. Это основной недостаток при оформлении материалов на экспертизу по делам, связанным с расследованием хищений государственного и общественного имущества³.

Полнота исследований предполагает и применение всех новейших, эффективных методик исследования различных объектов, существующих в той или иной отрасли криминалистики на данный период. Однако порой при исследовании дописок, подчисток или записей, удаленных путем травления, эксперты ограничиваются применением простейших микроскопических методов исследования и, не получив желаемого результата, приходят к выводу о том, что установить первоначальные тексты не представляется возможным.

Если следователь не осведомлен о новейших методах исследования и не знает возможностей науки в данной отрасли криминалистики, он соглашается с подобными выводами, считая их исчерпывающими. Знание лицом, назначающим экспертизу, достижений науки в той или иной отрасли криминалистики дает ему право более критически относиться к заключениям экспертизы, а требовать проведения более полных и глубоких исследований, а иногда назначать дополнительное или повторное исследование.

При производстве экспертиз документов, связанных с расследованием хищений государственного и общественного имущества, исключительно большое значение имеют фотографические иллю-

³ Обобщение причин отказов от разрешения вопроса по существу при производстве почерковедческих экспертиз по делам о хищении социалистической собственности. Материалы ЦУНИКЛ. Свердловск, 1976.

страции, на которых зафиксированы результаты произведенных исследований. Приложение фотоснимков к заключениям по этой категории дел обязательно⁴. Лица, назначавшие экспертизу, должны в подобных случаях не довольствоваться лишь сделанными экспертом выводами, а требовать приложения фотоснимков, которые могут наглядно убедить суд в существовании того или иного материального подлога.

Все указанное: составление заключений без соблюдения требования закона, неполнота исследования, отсутствие фотоиллюстраций — снижает доказательственное значение экспертных заключений и препятствует их использованию в качестве одного из важнейших источников доказывания при расследовании дел о хищениях социалистического имущества.

Технико-криминалистические и почерковедческие исследования документов при расследовании хищений государственного и общественного имущества будут неполными, односторонними, если абстрагироваться от профилактической работы экспертов-специалистов — их рекомендаций по предупреждению различных видов подделок и подлогов документов.

Чтобы искоренить подобные преступления, требуются не только полные и научно обоснованные заключения, но и глубокий анализ условий, способствующих подделкам документов, а также принятие эффективных мер, которые обеспечили бы их устранение. На необходимость ведения профилактической работы органами общественного порядка, суда и прокуратуры непосредственно указано в действующем уголовно-процессуальном законодательстве⁵. Хотя профилактическая деятельность экспертных учреждений законом прямо не предусмотрена, однако она вполне правомерна и в настоящее время является общепризнанной⁶.

Каковы же основные рекомендации, даваемые специалистами экспертных учреждений в целях предупреждения хищений социалистической собственности, совершаемых путем подделок различных документов?

⁴ Колесников В. И. Доказательственное значение заключений технического исследования документов по делам о хищениях государственного и общественного имущества. — В сб.: Экспертная техника, вып. 15. М., 1966, с. 32.

⁵ Ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, ст. 21 УПК РСФСР.

⁶ В Уставе Всесоюзного научно-исследовательского института судебных экспертиз, соответствующих институтам союзных республик и криминалистических лабораторий в качестве одной из основных задач деятельности данных учреждений названа разработка и внесение предложений по предупреждению преступлений.

Анализируя используемые преступниками способы подделки документов, обобщая установленные данные по отдельным видам исследуемых объектов, сотрудники криминалистических лабораторий на основе своих специальных познаний устанавливают обстоятельства технического и организационного характера, либо облегчающие подделку документов, либо затрудняющие проведение необходимых экспертиз, исследований. Установив такие обстоятельства, эксперты разрабатывают меры по их устранению.

Так, лабораторией технической экспертизы документов ВНИИСЭ совместно с Всесоюзным институтом по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности были выявлены следующие факты, способствующие хищениям путем подделки железнодорожных билетов и кассовых чеков: плохое качество бумаги, недостатки конструкции контрольно-кассовых машин, плохую прочность красителя, используемого для нанесения защитных сеток в бланках многих документов. На основе проведения исследований были разработаны оптимальные требования к качеству красителя и бумаги. Аргументированные рекомендации профилактического характера были положительно восприняты Министерством путей сообщения СССР, конструкторским отделом Рязанского завода САМ, изготавливающего кассовые аппараты. На основе рекомендаций, данных сотрудниками криминалистической лаборатории, были введены новые нормы для знаков, обозначающих рубли в суммах кассовых чеков. Эти знаки стали отличаться по конфигурации и размерам от тех, которые обозначают копейки, что, несомненно, затруднит подделку кассовых чеков⁷.

Кроме того, сотрудники указанной лаборатории, изучив образцы специальных бумаг, разработанные ВНИИ Гознак, на отношении их к механическому воздействию (подчистке) и к воздействию травящих веществ, сделали существенные замечания, направленные на совершенствование представленных бумаг в плане улучшения их защитных свойств. Эти замечания были учтены ВНИИ Гознак при дальнейшей разработке рецептуры бумаг.

Эффективные средства защиты от подделки лотерейных билетов и облигаций государственных займов предложены Д. Я. Мирским⁸.

⁷ Гусев А. А., Сахарова Е. А. Об опыте профилактической работы лаборатории технической экспертизы документов ВНИИСЭ.— В сб.: Вопросы судебной экспертизы, № 16. Баку, 1972, с. 155.

⁸ Мирский Д. Я. Способ защиты облигаций государственных займов и лотерейных билетов от подделки обозначений номера и серии.— В сб.: Вопросы судебной экспертизы, № 16. Баку, 1972, с. 167.

Анализ исследований, проводимых экспертными учреждениями, показывает, что многие преступления не имели бы места, если бы документы были лучше защищены от подделки. Фактор незащищенности с полным основанием может быть отнесен к такого рода документам, как трудовые книжки. Сотрудниками экспертных учреждений неоднократно ставился вопрос о том, что бланки трудовых книжек должны стать документами строгой отчетности, их нужно снабдить обозначением серии и номера, как и листки нетрудоспособности⁹.

Для затруднения удаления и изменения записей в трудовой книжке ее страницы следовало бы покрыть защитной сеткой, окраска которой реагирует на применение травящих веществ¹⁰. Следует согласиться с предложениями ряда авторов¹¹ запретить обозначение месяцев римскими цифрами и предписать в обязательном порядке на документах, которые могут быть использованы для совершения хищений, обозначать день и месяц двузначными арабскими цифрами или указывать месяц прописью. Прописью должен также обозначаться общий трудовой стаж к моменту выдачи трудовой книжки. Для этого нужно изменить форму бланка трудовых книжек, предусмотреть в них место для таких записей.

Каждое исследование трудовых документов является, по сути дела, профилактической работой, направленной на предупреждение незаконного получения отдельными гражданами денежных средств из пенсионного фонда государства.

Целесообразно также в профилактических целях решить вопрос о транскрипции подписей, удостоверяющих факт движения или использования денежных средств. Практика показывает, что зачастую подписи, подтверждающие расходование довольно крупных денежных сумм, не могут служить удостоверительным знаком из-за их краткости и простоты исполнения¹². Необходимо рекомендовать лицам, обладающим подписями упрощенной транскрипции, либо усложнять подпись (как это требуется при внесении или получении вклада в сберегательных кассах), либо после условного начертания подписи воспроизводить слово, обозначающее фамилию расписывающегося.

⁹ Мирский Д. Я. Предупреждение подделок записей в трудовых книжках.— В указ. сб., с. 159.

¹⁰ Каплунов И. М. О предупреждении подделок документов, изготовленных полиграфическим способом.— В сб.: Вопросы судебной экспертизы. Баку, 1965, с. 37.

¹¹ Гусев А. А. Вопросы профилактики при производстве экспертных исследований документов о назначении пенсии.— Там же, с. 17.

¹² Уведомления с подобными требованиями довольно часто рассылаются в следственные органы сотрудниками отдела исследования документов ЦУНИКЛ.

Целесообразно также во всех учреждениях, распределяющих государственные и общественные средства, решить вопрос о пишущих приборах, которыми заполняются денежные документы. Многие виды анилиновых чернил (особенно чернила для авторучек зеленого и синего цветов) не обладают достаточной стойкостью, легко обесцвечиваются вследствие неблагоприятных условий хранения документов и от воздействия различных реактивов. В свое время нами указывалось, что заполнение документов фиолетовыми, синими и черными пастами для шариковых ручек является наиболее простым и доступным средством защиты документов от подлога. Эти пасты не выцветают, большинство их красителей и иных компонентов устойчивы при воздействии химических реактивов¹³. Поэтому официальное предписание о заполнении большинства документов только шариковыми ручками или организация выпуска специальных пишущих узлов, снабженных особоустойчивой пастой для заполнения документов, способствовали бы профилактике и ликвидации подлогов.

Важным средством профилактической работы экспертных учреждений является лекционная работа среди лиц, направляющих документы на исследование, — судей, следователей, нотариусов и инспекторов отделов социального обеспечения.

Если работники суда и прокуратуры в свое время изучили раздел криминалистической техники, посвященный расследованию документов, и имеют достаточное представление о признаках различного рода подделок документов, то сотрудники нотариальных контор и отделов социального обеспечения лишены этих знаний полностью. Указанное обстоятельство требует распространения среди них хотя бы элементарных сведений о наиболее популярных способах подделки документов и их признаках. Эксперты Центральной Уральской научно-исследовательской криминалистической лаборатории, как и эксперты других подобных учреждений, ведут в этом направлении значительную работу¹⁴.

Представляется, что дальнейшая лекционная работа с сотрудниками указанных учреждений, а также оснащение этих учреждений аппаратурой, необходимой для выявления признаков подделки документов (в частности, увеличительными приборами,

¹³ Макушкина Г. Е. К вопросу о некоторых защитных средствах документов. — В сб.: Вопросы судебной экспертизы, № 16. Баку, 1972, с. 163—166.

¹⁴ Например, годовые планы ЦУНИКЛ на каждый текущий год обязательно предусматривают проведение лекций и бесед с сотрудниками отделов социального обеспечения и нотариальных контор: запланированное подлежит неукоснительному выполнению.

осветителями, богатыми ультрафиолетовыми лучами), будут способствовать предотвращению хищений из государственного фонда.

Придавая профилактической работе экспертных учреждений большое значение, Юридическая комиссия при Совете Министров РСФСР в Положении об учреждении судебной экспертизы (п. 2 «в») указала на необходимость разработки ими на основе анализа и обобщения практики организационно-технических мероприятий, служащих предупреждению преступлений и иных правонарушений.

Обобщение экспертной практики во всех учреждениях судебной экспертизы должно проводиться по единой методике. Это необходимо для того, чтобы полученные данные можно было сосредоточить в едином центре, где они могли бы подвергнуться машинизированному обсчету с помощью вычислительной техники и затем войти в единую судебную статистику. Обобщение по делам, связанным с подделкой документов, должно проводиться в целях накопления сведений о наиболее типичных, распространенных способах подделки документов и способствующих им условиях, чтобы изыскать наиболее эффективные средства борьбы с такими преступлениями.

Всесоюзным научно-исследовательским институтом судебных экспертиз еще в 1966 г. была разработана специальная программа регистрации экспертных исследований документов, подвергшихся подделке¹⁵. В указанной программе был рассмотрен довольно важный круг сведений, регистрация которых, несомненно, в какой-то степени способствовала бы борьбе с фальсификацией документов, которые служат своеобразным экраном, отражающим пути движения денежных средств и материальных ценностей, являющихся собственностью государства.

В этой программе указывалось на тот факт, что типовые формы бланков не всегда разрабатываются ЦСУ СССР, поэтому отдельным ведомствам разрешалось разрабатывать и издавать свои формы бланков. Однако форма типографских бланков, изготовленных в местных типографиях по заказу различных учреждений и организаций, нередко является произвольной, а качество типографской печати — довольно низким. Поэтому сведения о форме бланков имеют большое значение в целях разработки профилактических рекомендаций.

¹⁵ П о т а ш н и к Д. П. Обобщение экспертной практики в целях установления обстоятельств, способствующих подделке документов и разработке мер по их устранению. — В сб.: Экспертная техника, вып. 15. М., 1966, с. 42.

Учет сведений о материалах документов, подвергшихся подделке, позволяет определить наиболее уязвимые из них с точки зрения возможности подделки. Дифференциация красителей, используемых при заполнении документов, с точки зрения их цвета и состава позволила бы сделать существенные рекомендации в отношении целесообразности использования тех или иных пишущих приборов. То же можно сказать и о бумаге, используемой для изготовления отдельных бланков. Подробный анализ указанных сведений способствовал бы установлению обстоятельств, при которых возможны внесения в документы различных изменений, а следовательно, и хищений в той или иной отрасли производства.

Однако предлагаемые рекомендации все еще не внедрены в деятельность экспертных учреждений, осуществляющих исследование указанной категории документов. А поэтому нет единообразия при регистрации конкретных сведений в различных криминалистических лабораториях. Одни из них представляют обобщения по всем видам проводимых экспертиз, другие — по отдельным их группам¹⁶, не говоря уже о существенных различиях в содержании и количестве регистрируемых объектов.

Представляется, что поставленные проблемы (с учетом их значимости в деле борьбы с хищениями социалистической собственности путем использования различных документов) должны стать предметом специальных исследований, успех которых в значительной степени зависит от разработки единой и общедоступной системы поиска информации по обобщенным вопросам.

Думается, что в каждом заключении по почерковедческой и технико-криминалистической экспертизе документов, связанной с расследованием хищений социалистического имущества, эксперт обязательно должен излагать условия, способствующие преступлению. Следователи, прокуроры, судьи обязаны направлять в советские и хозяйственные органы представления и частные определения об устранении причин и условий, способствующих хищениям. Необходима также единая система учета даваемых рекомендаций.

¹⁶ Например, указанное выше обобщение причин отказов от разрешения вопроса по существу при производстве почерковедческих экспертиз по делам о хищении социалистической собственности, изданное в ЦУНИКЛ.

**ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА РЕВИЗИЙ
И СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКИХ ЭКСПЕРТИЗ
ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ,
СОВЕРШАЕМЫХ С ПРЕСТУПНЫМ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
МЕТОДОВ УЧЕТА**

Обобщение следственной практики по делам о хищениях, совершаемых с участием счетных работников, показывает, что во многих случаях производство документальной ревизии является наиболее эффективным средством собирания и исследования доказательств.

В материалах ревизии, как правило, отражаются итоговые данные о движении хозяйственных средств и состоянии документов за весь интересующий следствие период времени. Одновременно в актах ревизий фиксируются отклонения от правил оформления документов, порядка документооборота и хозяйственной деятельности. Все эти фактические данные, облеченные в предусмотренную законом документальную форму, становятся доказательствами по уголовному делу. Как способ собирания доказательств, предусмотренный ст. 69, 70 и 88 УПК РСФСР, документальная ревизия имеет свои специфические черты. Фиксируя состояние хозяйственной деятельности предприятия (или одного из его звеньев) за определенный период времени, она выделяет интересные следствие факты в соответствии с полученным заданием. Некоторые из них в определенных случаях могут стать предметом бухгалтерской экспертизы.

Изучение уголовных дел данной категории показывает, что ревизиям, проводимым в связи с фактами преступного использования методов учета, присущи две важнейшие особенности, относящиеся к условиям и методам проведения ревизионного исследования. Первая особенность вызвана тем, что при проведении документальной ревизии круг работников учета, возможно, принимающих участие в преступлении, часто еще неизвестен. Отсюда возникают возможности фальсификации и замены отдельных доку-

ментов до предъявления их ревизору, наблюдения за ходом ревизии, применения специальных приемов для отвлечения внимания ревизора со стороны заинтересованных лиц, что создает специфические, иногда крайне неблагоприятные условия для производства ревизий. Этим еще раз подчеркивается отмеченная ранее важность скорейшего установления круга лиц, принимавших участие в преступлении, желательно до начала ревизии, необходимость обеспечения сохранности всей совокупности документов — возможных объектов предстоящей ревизии.

Вместе с тем решение всех этих вопросов в полном объеме до назначения ревизий не всегда представляется возможным. В целях предотвращения действий, направленных на уничтожение доказательств, необходимо соблюдать следующие правила.

1. Обеспечение внезапности документальной ревизии для проверяемых счетных работников прежде всего по делам, возбуждаемым по материалам аппаратов БХСС.

2. Первоочередная проверка ревизором фактов и документов наиболее «свежих», не получивших еще отражения в счетных записях и регистрах (обратная последовательность ревизионной проверки документов и записей).

3. Принятие немедленных мер к обеспечению сохранности документов и регистров, подлежащих проверке путем их опечатывания, проведения обысков, осмотров, выемок.

4. Применение в необходимых случаях специальных приемов, дезориентирующих ревизуемых лиц в части задач и текущих результатов ревизии. Данная рекомендация, как представляется, может вызвать возражения. Поэтому нужно пояснить, что речь в этом случае идет не о сообщении ложных сведений о задачах ревизии или полученных результатах, например, не о ложном сообщении ревизора о том, что им обнаружены подложные документы. Тактические приемы, дезориентирующие расхитителей, состоят главным образом в формировании следователем намеренно неконкретных заданий ревизорам (с пояснением их в устной форме), а также в выполнении ревизором некоторых действий (получение встречных документов, опрос отдельных работников) втайне от проверяемых лиц.

5. Строгое соблюдение тайны ревизионных действий и их текущих результатов.

6. Постоянный деловой контакт с ревизором, немедленное (до составления акта ревизии) изъятие обнаруживаемых подложных документов, приобщение их к уголовному делу с одновременным допросом счетных работников по выявленным фактам злоупотреблений, а при необходимости — задержание подозреваемых.

7. Организация взаимодействия с оперативными работниками аппарата БХСС, использование оперативных средств и методов для пресечения или нейтрализации противодействия преступников ходу ревизии, например, пресечение попыток уничтожения опечатанных и переданных на хранение документов.

В ходе ревизий исследуются не только документы, но и счетные записи, а в отдельных случаях — и материалы бухгалтерской отчетности, фальсифицируемые с целью сокрытия хищений. Исходя из этого ревизор наряду с методами проверки бухгалтерских документов применяет приемы проверки бухгалтерских записей в счетных регистрах и анализ отчетности. В этом смысле ревизия, проводимая по данной категории уголовных дел, не отличается от обычной плановой, но отличается от ревизий, проводимых по уголовным делам по обвинению одних лишь материально-ответственных лиц.

Методы исследования документов могут применяться ревизором как по своей инициативе, так и по рекомендации следователя. Масштаб применения этих методов, как правило, более значителен, чем при следственном осмотре документов. В отличие от следственного осмотра, где целесообразно изучение документов, отражающих лишь отдельные хозяйственные операции, при ревизии проверяется большой комплекс документов, отражающих хозяйственную деятельность предприятия за определенный период времени, поэтому ревизия и не может быть заменена осмотром документов.

Осмотр преследует цель обнаружения признаков подлогов в документах, фиксации нарушений и отступлений от правил их составления. При ревизии проверяется правильность учетной работы в целом, определяется правильность различных расчетов, связанных с начислением заработной платы, с применением норм амортизации, с оприходованием торговой наценки, распределением издержек обращения или других затрат по соответствующим статьям расходов и др. Многие из этих задач для своего решения требуют комплексного применения ряда приемов. Так, проверка правильности начисления и отнесения на себестоимость продукции заработной платы рабочих требует последовательного применения метода взаимного контроля — сопоставления нарядов и табелей с ведомостью начисления заработной платы, с книгой приказов, трудовыми книжками, журналами ОТК и другими документами, сопоставления ведомостей начисления со сводом заработной платы и т. д.

После исследования документов по начислению и выдаче заработной платы ревизор должен изучить их отражение в бухгалтер-

ских регистрах и в материалах отчетности. Таким образом, большинство приемов проверки документов (например, сопоставление записей регистров и оснований к ним) при ревизии могут применяться в значительно более сложных формах, чем при осмотре, и охватывать больший круг документов.

Наряду с этим ревизоры применяют и методы, не используемые при следственном осмотре счетных регистров и записей. Специфическим для рассматриваемой категории уголовных дел методом, не применимым при следственном осмотре, является упоминавшийся уже прием восстановления учетных записей по документам. По изученным делам (всего 200 уголовных дел) этот метод применялся ревизорами в следующих конкретных формах.

1. Восстановление бухгалтерских проводок на основе первичных документов по 76 уголовным делам. Использовалось оно в тех случаях, когда записи в накопительных ведомостях, мемориальных ордерах или в журналах-ордерах по своей сумме или корреспонденции не соответствовали первичной документации. Перечень проводок, составленных ревизорами заново, приводился в акте ревизии или в специальных приложениях к нему в сопоставлении с действительно сделанными проводками и пояснением искажений в данных учета, вызванных неверными записями.

2. Восстановление отдельных регистров аналитического учета в целом. По изученным делам объектом восстановления явились регистры количественного учета, которые велись самими материально-ответственными лицами на складах (4 случая), и регистры количественного аналитического учета, ведущегося в бухгалтерии, в связи с множественностью подложных записей в этих документах (4 случая) и недостаточной детализацией аналитического учета (3 случая). Во всех этих случаях речь шла о хищениях, совершенных как с помощью, так и без участия работников счетного аппарата.

Иное утверждение следует высказать о восстановлении учетных записей по другим и прежде всего по расчетным счетам баланса.

Поражаемость этих регистров подложными записями либо не включением каких-либо фактически совершенных операций в связи с отражением их на ненадлежащих счетах баланса характерна только для хищений, совершаемых с участием работников счетного аппарата. Таким образом, восстановление регистров аналитического учета по расчетным счетам баланса свойственно лишь для исследуемой нами категории уголовных дел и встретилось в 8 конкретных случаях.

Метод восстановления учетных регистров по расчетным счетам баланса может применяться по всем группам рассматриваемой

категории дел — по делам о хищениях, совершенных работниками бухгалтерского аппарата без соучастников, в соучастии с другими (не материально-ответственными) лицами и в соучастии с материально-ответственными лицами, связанными с получением и расходованием денежных средств.

По изученным делам не встретилось заданий ревизорам по исследованию отчетности предприятий, пораженных хищениями, в связи с чем ревизоры не применяли методы анализа отчетности. Такое состояние следственной и ревизорской практики представляется тревожным. Следует иметь в виду, что анализ отчетности вышестоящими организациями наряду с ревизией является важной формой последующего финансового контроля и устранения в этой работе пробелов, способствующих возникновению или несвоевременному обнаружению хищений. Этот анализ надо рассматривать как важную задачу следователя.

В заключение остановимся на некоторых вопросах, относящихся к особенностям предмета и задач судебно-бухгалтерской экспертизы. Прежде всего считаем возможным высказать несколько соображений по дискуссионному вопросу о предмете бухгалтерской экспертизы в целом. По этой проблеме в настоящее время нет единой точки зрения. Во-первых, под предметом бухгалтерской экспертизы большая часть авторов понимает явления, исследуемые экспертом-бухгалтером, т. е. хозяйственные операции (С. С. Остроумов, С. П. Фортинский, П. К. Пощюнас)¹, либо бухгалтерские операции (А. Р. Шляхов, Л. И. Георгиев и др.)². Иную позицию по этому вопросу занимает С. П. Голубятников, считающий, что предмет бухгалтерской экспертизы образуют не сами по себе хозяйственные или бухгалтерские операции, исследуемые экспертом-бухгалтером, а те специфические обстоятельства, относительно которых перед экспертом-бухгалтером поставлены вопросы компетентными органами³. Думается, что последняя точка зрения неправомерна, так как приводит к смешению понятий «задачи» и «предмет» бухгалтерской экспертизы. Вместе с тем определения пред-

¹ Фортинский С. П. Судебно-бухгалтерская экспертиза. М., 1962, с. 21; Остроумов С. С., Фортинский С. П. Основы бухгалтерского учета и судебно-бухгалтерской экспертизы. М., «Юридическая литература», 1969, с. 196 и др.

² См., например: Шляхов А. Р. Предмет судебно-бухгалтерской экспертизы. Материалы научно-практического семинара по судебно-бухгалтерской экспертизе. М., 1968, с. 5; Шляхов А. Р., Ромашков А. И. Судебно-бухгалтерская экспертиза. — «Социалистическая законность», 1971, № 5.

³ Голубятников С. П. О предмете судебно-бухгалтерской экспертизы. — В сб.: Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1966 г. Свердловск, СЮИ, 1968.

мета, предложенные С. С. Остроумовым, С. П. Фортинским (хозяйственные операции), А. Р. Шляховым (бухгалтерские операции), в свою очередь страдают односторонностью и в той или другой мере приводят к сужению этого понятия.

Возражения А. Р. Шляхова против ограничения предмета судебно-бухгалтерской экспертизы хозяйственными операциями разделяются. Действительно, эксперт-бухгалтер исследует не только хозяйственные операции, но и, например, порядок оформления бухгалтерских документов, порядок ведения записей в регистрах, т. е. именно те обстоятельства, которые А. Р. Шляхов называет бухгалтерскими операциями. Однако нельзя согласиться с предлагаемым А. Р. Шляховым исключением из предмета бухгалтерской экспертизы хозяйственных операций и отрывом предмета уголовных и гражданских дел.

Думается, что, исследуя документы, эксперт-бухгалтер познает не только особенности их внешнего оформления и структуры, но и их содержание, т. е. отражаемые в документах хозяйственные операции.

В этой связи представляется, что обе указанные точки зрения не противоречат друг другу и имеют равное право на существование. Поэтому наиболее верно предмет судебно-бухгалтерской экспертизы определять следующим образом: предмет судебно-бухгалтерской экспертизы составляют такие ставшие объектом расследования или судебного разбирательства хозяйственные и бухгалтерские операции, которые получили отражение в документах, учетных регистрах и других материалах дела, представленных эксперту компетентными органами для разрешения поставленных перед экспертом вопросов, требующих применения специальных познаний.

Следует оговориться при этом, что предмет конкретных экспертиз может быть неодинаковым по объему. В одном случае могут превалировать хозяйственные, в другом — бухгалтерские операции. В частности, анализ уголовных дел, ставших объектом данного исследования, показывает, что в предмете проводимых по ним экспертиз превалируют именно бухгалтерские операции, что определяется содержанием вопросов, разрешаемых экспертом.

Представляется необходимым также указать еще на две, на наш взгляд принципиальные, особенности, выявленные как при изучении уголовных дел, так и в процессе опроса следователей, специализирующихся по «хозяйственным» делам, а также наиболее опытных экспертов-бухгалтеров. Было отмечено, что для уголовных дел о хищениях, совершенных с участием работников счет-

ного аппарата, характерно: а) замена изъятия многих документов (счетных регистров) их следственным осмотром, проводимым с участием эксперта-бухгалтера, и использование протоколов таких осмотров для обоснования выводов эксперта; б) широкое участие эксперта-бухгалтера во многих следственных действиях, включая и допросы проходящих по делу лиц, не только для уточнения вопросов, относящихся к предмету экспертизы, но и для оказания конкретной помощи следователю.

Эти две особенности, на наш взгляд, еще раз подтверждают правильность разделяемых нами точек зрения о расширении круга следственных действий, проводимых с участием специалиста, и о совместимости процессуальных функций специалиста и эксперта. Кроме того, они подтверждают правильность позиции авторов, выступающих против игнорирования особенностей судебно-бухгалтерской экспертизы, против запрещения производства бухгалтерских экспертиз по месту расследования⁴.

Предлагаемый многими авторами порядок обязательного направления следователем всех объектов экспертного исследования в соответствующее экспертное учреждение для бухгалтерской экспертизы неприемлем, так как без непосредственного участия в ряде следственных действий производство бухгалтерской экспертизы по многим категориям уголовных дел, в том числе практически по всем делам о хищениях, совершенных с участием работников счетного аппарата, будет малоэффективным и отрицательно скажется на качестве расследования.

⁴ Сергеев Л. А. Ревизия и экспертиза по делам о хищениях социалистического имущества.— В сб.: Вопросы борьбы с хищениями государственного и общественного имущества. Материалы научно-практической конференции. М., 1970, с. 218—219.

И. Ф. ГЕРАСИМОВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ПРИОСТАНОВЛЕННЫМ ДЕЛАМ О НЕРАСКРЫТЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Процесс раскрытия преступлений не всегда завершается в установленные законом сроки расследования. Более того, в отдельных случаях в определенный законом срок следствия (без учета возможностей его продления в законном порядке) не удастся установить лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого за совершенное преступление. Причины этого различны, но все они, с объективной точки зрения, связаны с тем, что не удастся собрать необходимые доказательства вины того или иного лица в совершении преступления. Разумеется, что нередко нераскрытие преступлений связано с некачественным или неполным проведением расследования, другими недостатками, допущенными следователем и оперативными работниками. Достаточно указать, что по изученному нами массиву приостановленных уголовных дел о нераскрытых тяжких преступлениях (убийства, изнасилования, кражи) несвоевременное возбуждение дел имело место в 50% случаев, неполное или некачественное проведение осмотра места происшествия — в 36% случаев, по 16% дел осмотр места происшествия вообще не производился. Кроме того, в 40% случаев дела были приостановлены преждевременно, так как не все возможные следственные действия были выполнены.

Исследования В. Д. Ломовского также подтверждают тот факт, что причинами нераскрытия преступлений, дела о которых приостанавливаются, наряду с объективными обстоятельствами являются серьезные недостатки в работе органов расследования, а также несвоевременность сообщений об обнаруженных преступлениях. В частности, автор обращает внимание на несвоевременное возбуждение уголовных дел, неполное использование возможностей первоначального этапа расследования, отсутствие планов расследования, слабую активность органов дознания в осуществлении оперативно-розыскных мер и другие факторы¹. Следует согласить-

¹ Ломовский В. Д. К вопросу о причинах неполной раскрываемости преступлений и мерах по их устранению. — Вестник ЛГУ, 1970, вып. 4, № 23, с. 147—152.

ся с В. Д. Ломовским в том, что «уголовные дела о нераскрытых преступлениях приостанавливаются производством в результате действия не одной какой-то причины, а вследствие действия многих взаимодействующих друг с другом причин и обстоятельств». Почти аналогичные недостатки отмечаются и другими исследователями данной проблемы².

Все авторы справедливо отмечают такой недостаток в работе по раскрытию преступлений, как вынесение необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел по фактам, в которых имеются все признаки преступного деяния. Такие постановления в процессе разного рода проверок (вышестоящих органов, прокурора и др.) нередко отменяются, но время для раскрытия этих преступлений уже в значительной мере потеряно. Именно из числа таких дел многие в дальнейшем приостанавливаются в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности. Изучение следственной практики в Свердловской и других областях показывает, что подобные случаи далеко не единичны.

Здесь нет необходимости более подробно говорить о причинах приостановления дел по рассматриваемому основанию, на этот счет имеется достаточно исследований. В нашу задачу входит выявление тех узловых вопросов проблемы, от оптимального решения которых зависит улучшение деятельности по раскрытию преступлений, оставшихся на первых этапах расследования нераскрытыми. При этом надлежит учитывать, как было отмечено ранее, что речь идет о **выявлении лица, совершившего преступление**. В этих целях проанализируем движение таких дел с момента возникновения поводов к приостановлению производства.

Проблема раскрытия преступлений, по которым преступник в начале расследования остался неустановленным, имеет две одинаково важные стороны, изучение которых показывает наличие в той и другой так называемых «узких» мест. Во-первых, это сам процесс принятия решения о приостановлении, во-вторых, это деятельность после приостановления следствия.

Как показывает изучение практики, еще нередки случаи, когда дело приостанавливается, хотя все возможности предварительного

² Ломовский В. Д. Указ. соч.

³ Коврижных Б. Н. Деятельность органов прокуратуры по делам о нераскрытых убийствах. Автореферат канд. диссертации. Харьков, 1969; Алимджанов Б. Г. Приостановление предварительного следствия и дознания. Автореферат канд. диссертации. Ташкент, 1971; Быков В. М. Деятельность следователя по приостановленным делам. Автореферат канд. диссертации. Свердловск, 1972; Лавров В. П. Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет. М., Изд-во ВШ МВД СССР, 1972, с. 4—9.

следствия по делу не исчерпаны, не проведены все необходимые следственные действия, не все версии проверены и т. д. Причем интересен тот факт, что на этот счет по одному и тому же делу могут быть различные решения. Один следователь может считать, что по делу сделано все и его нужно приостанавливать, другой — в аналогичной следственной ситуации находит возможности для продолжения предварительного следствия. Имеют значение и опыт, и квалификация, и просто характерологические черты следственного работника как личности. Здесь мы отвлекаемся от фактов обычной безответственности и бездеятельности, которые, к сожалению, тоже встречаются.

Какие же есть гарантии того, что решение вопроса о приостановлении дела в связи с неустановлением преступника будет максимально объективным? Обращаясь к закону, мы найдем указания только общего характера, касающиеся прокурорского надзора (пп. «а», «б», «д» ст. 211 УПК РСФСР) и полномочий начальника следственного отдела (ч. 1, 2 ст. 127¹ УПК РСФСР). Думается, что этого совершенно недостаточно.

Жизнь требует, чтобы на этом важном этапе работы по раскрытию преступлений были усилены гарантии правильности принимаемого решения как в организационно-тактическом плане, так и в процессуально-правовом. Нельзя забывать, что большая часть приостановленных дел — это дела о тяжких преступлениях. В связи с этим было бы, на наш взгляд, полезным дополнить ст. 195 УПК РСФСР указанием, что постановление о приостановлении дела в соответствии с п. 3 названной статьи утверждается прокурором⁴. Есть все основания считать акт приостановления дела не менее важным процессуальным моментом, нежели утверждение обвинительного заключения.

С точки зрения организационной необходимо, чтобы до вынесения постановления о приостановлении, помимо следователя, в производстве которого находится дело, оно было изучено другим следователем (желательно более опытным) и его мнение о наличии оснований к приостановлению также было бы сообщено прокурору. Такое «контрольное изучение» дела будет способствовать принятию наиболее правильного решения. В результате к оценке имеющихся в деле материалов будет привлечено всегда не менее трех следственных и прокурорских работников, что, безусловно, усилит объективность такой оценки. Мы здесь уже не говорим об

⁴ С таким предложением выступают Н. Д. Шатило, Б. Г. Алимджанов, В. А. Похмелкин, В. Я. Чеканов, В. М. Быков. См., например: Быков В. М. Указ. соч., с. 8—9.

имеющихся форм контроля со стороны начальников следственных отделений, отделов и других вышестоящих подразделений. Система тройного контроля может быть внедрена без каких-либо изменений законодательства самими ведомствами (Прокуратура СССР, МВД СССР).

Еще один важный организационный вопрос должен быть решен в любом случае в процессе принятия решения о приостановлении дела. Речь идет о составлении плана работы по приостановленному делу. Такой план должен быть составлен следователем совместно с оперативным работником, на которого возлагается обязанность вести постоянно оперативно-розыскную работу по данному делу. План мероприятий, согласованный с руководством органа дознания, должен быть представлен прокурору и рассмотрен одновременно с постановлением о приостановлении дела. Изучение следственной практики показывает, что перечисленные организационные условия приостановления дела пока не внедрились широко в практику. Придание этим моментам формы директивы (инструкции) могло бы повысить эффективность деятельности по делам о нераскрытых преступлениях.

После того как постановление вынесено, существенно изменяется процессуальный режим деятельности следователя, хотя в работе органов дознания по осуществлению оперативно-розыскных мер значительных изменений не происходит (в этом — одно из важных преимуществ оперативно-розыскной деятельности на данном этапе). В чем же состоит специфика процессуальных условий работы следователя по приостановленному делу?

Во-первых, установленный законом срок следствия (ч. 1 ст. 133 УПК РСФСР) уже истек, и возобновление следствия всегда связано с возбуждением ходатайства о продлении срока следствия (ч. 2 ст. 133 УПК РСФСР), что оказывает определенное психологическое влияние на принятие решений следователем. Во-вторых, по УПК РСФСР после приостановления производство следственных действий без возобновления дела не допускается. Таким образом, формы деятельности следователя на данном этапе должны быть иными, но, к сожалению, далеко не ясно, какими именно.

Не дает ответа на вопрос о формах деятельности следователя в условиях режима приостановления и ст. 197 УПК РСФСР. В ней сказано: «После приостановления предварительного следствия в случае, предусмотренном п. 3 ст. 195 настоящего кодекса, следователь обязан принимать как непосредственно, так и через органы дознания меры к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого».

Аналогичные формулировки имеются в уголовно-процессуаль-

ных кодексах других союзных республик. Только в УПК Казах-
ской ССР такое положение отсутствует.

На наш взгляд, приведенная выше формулировка неудачна, так как в ней в определенной степени затуманена роль органов дознания в работе по делу о преступлении, которое еще не раскрыто. Вместо того чтобы подчеркнуть обязанность органов дознания и после приостановления дела наряду со следователем принимать меры к установлению лица, совершившего преступление, в статье говорится лишь об обязанности следователя «принимать... через органы дознания меры».

Если учесть, что после приостановления уголовного дела следственные действия не производятся, становится ясным, что речь может идти о мерах оперативно-розыскного характера, направленных на раскрытие преступления. Поскольку такого рода меры носят непроцессуальный характер, их осуществление по приостановленному делу ничем не ограничивается. Очевидно, что наиболее активную деятельность по раскрытию преступления после приостановления дела могут и должны вести органы дознания путем оперативно-розыскных мер.

Основываясь на этих доводах, можно предложить следующее дополнение к ст. 197 УПК РСФСР: «Органы дознания по таким делам продолжают применять необходимые оперативно-розыскные меры в целях обнаружения лица, совершившего преступление, уведомляя следователя о результатах».

В ст. 197 не указано, в какой форме следователь должен принимать меры к раскрытию преступления через органы дознания. Думается, что здесь подразумеваются наиболее распространенные и указанные в ст. 127 УПК РСФСР формы в виде письменных поручений и указаний. Соблюдение письменной формы здесь особенно важно с точки зрения контроля за выполнением, так как на данном этапе движения дела отсутствует важный, образно говоря, «подстегивающий» фактор — сроки следствия.

Возникает вопрос: можно ли в условиях, определенных процессуальным законом для приостановленных дел, выполнить задачу установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого? На данный вопрос можно ответить только отрицательно, так как для этого необходимо производство следственных действий. Даже только получение сведений о лице, совершившем преступление, в большинстве случаев требует производства определенных следственных действий, т. е. возобновления производства по делу. Такое положение еще раз показывает специфичность деятельности по раскрытию преступления после приостановления дела. Характер ее главным образом поисковый, о чем

правильно пишет В. П. Лавров⁵. Но, с нашей точки зрения, необходимость в производстве следственных действий по приостановленному делу о нераскрытом преступлении в ряде случаев не может исключаться⁶. Проведение отдельных следственных действий по приостановленному делу без его возобновления предусматривает ст. 174 УПК Молдавской ССР, а уголовно-процессуальные кодексы некоторых союзных республик указывают, что для установления и обнаружения преступника после приостановления дела следователь вправе произвести необходимые следственные действия (ст. 200 УПК Латвийской ССР, ст. 190 УПК Армянской ССР, ст. 186 УПК Киргизской ССР, ст. 164 УПК Эстонской ССР).

В кодексах Таджикской (ст. 197) и Туркменской (ст. 205) союзных республик говорится о возможности производства следственных действий в целях установления преступника после приостановления дела, но в последующих нормах (ст. 198 УПК Таджикской ССР, ст. 206 УПК Туркменской ССР) имеется указание о необходимости вынесения постановления о возобновлении следствия для производства дополнительных следственных действий.

Представляется, что вопрос о производстве отдельных следственных действий по приостановленному делу требует единообразного решения:

В литературе на этот счет имеется несколько точек зрения. Одни считают, что достаточно следователю в постановлении о приостановлении дать поручение органам дознания о производстве не только розыскных, но и неотложных следственных действий⁷. Другие предлагают включить в закон (по примеру УПК некоторых союзных республик) положение, допускающее производство по приостановленному делу отдельных следственных действий⁸. Третьи полагают производство следственных действий по приостановленному делу недопустимым⁹. Интересное предложение высказал Б. Н. Коврижных, который считает, что дела о нераскрытых преступлениях вообще не следует приостанавливать, а нужно продолжать расследование, продлив срок следствия в

⁵ Лавров В. П. Указ. соч., с. 27, 30—43.

⁶ Об этом же говорит Б. Н. Коврижных. См.: Коврижных Б. Н. Указ. соч., с. 11.

⁷ Взаимодействие органов прокуратуры и органов милиции при расследовании и предупреждении преступлений. М., 1965, с. 89.

⁸ См., например: Быков В. М. Указ. соч., с. 9—10 и др.

⁹ Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., «Юридическая литература», 1965, с. 281—282; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. II. М., «Наука», 1970, с. 145—146.

установленном порядке¹⁰. Хотя данная точка зрения далеко не бесспорна, она включает в себе и ряд положительных моментов. Одним из них является психологический фактор — по делу, находящемуся в производстве, следователи всегда работают более активно, чем по приостановленному. С другой стороны, претворение в жизнь предложения Б. Н. Коврижных может повлечь накопление в производстве дел с большими сроками расследования, что в какой-то мере будет мешать раскрытию и расследованию на должном уровне других дел. Нельзя не учитывать, что по «старым» делам нередко складывается такая ситуация, когда следователь практически бездействует (все возможные на данном этапе следственные действия выполнены) и ожидает каких-либо результатов оперативно-розыскных мер. В этих случаях вся его работа сведется к вынесению постановлений о продлении срока следствия, что, несомненно, является бессмысленным.

С нашей точки зрения, институт приостановления следствия по делам о нераскрытых преступлениях является удачной и очень важной новеллой действующего уголовно-процессуального закона. Более того, представляется, что приостановление производства по делу в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, целесообразно было бы выделить вообще в отдельную норму. Нельзя не видеть, что основания приостановления следствия, предусмотренные в пп. 1 и 2 ст. 195 УПК РСФСР, сходны между собой и в то же время существенно отличаются от основания, указанного в п. 3 данной статьи. В первом случае (пп. 1, 2) речь идет о практически раскрытых преступлениях, расследование которых нельзя закончить по причинам, связанным с личностью установленного обвиняемого. Во втором же случае (п. 3) преступление продолжает оставаться нераскрытым, т. е. причины приостановления носят не формальный, а существенный характер. В первом случае задача раскрытия преступления выполнена, во втором — нет. Есть основания полагать, что подмеченное различие может обусловить дифференцированное решение вопроса о возможности производства следственных действий по приостановленному делу.

В случаях приостановления дела по основаниям, указанным в пп. 1, 2 ст. 195 УПК РСФСР, по нашему мнению, какой-либо неотложной необходимости в производстве следственных действий без возобновления дела практически не возникает. Здесь мы не можем согласиться с противоположным мнением Н. В. Жогина и Ф. Н. Фаткуллина, которые именно по этой категории приостанов-

¹⁰ Коврижных Б. Н. Указ. соч., с. 11—12.

новленных дел считают допустимым производство следственных действий¹¹. Розыск преступника (уже известного) тем и характерен, что преобладающую роль здесь играют розыскные действия и оперативно-розыскные меры, но не следственные действия. Если же возникает необходимость в последних, дело можно возобновить. Постановления же о производстве таких следственных действий, как избрание меры пресечения, наложение ареста на корреспонденцию, обычно выносятся до приостановления дела. По делам же о нераскрытых преступлениях даже для того, чтобы возобновить следствие, нужно произвести определенные следственные действия. Данные, полученные в результате оперативно-розыскных мер о предполагаемом преступнике, обязательно должны быть проверены и закреплены процессуальными средствами. Только после этого можно решить вопрос, есть ли повод к возобновлению следствия по делу. Мы уже не говорим о том, что в процессе оперативно-розыскной деятельности всегда может возникнуть необходимость безотлагательного производства какого-либо следственного действия (чаще всего допроса, обыска, задержания).

Все сказанное приводит к мысли о том, что в законе целесообразно предусмотреть возможность производства отдельных следственных действий по делам, приостановленным на основании п. 3 ст. 195 УПК РСФСР. Такое исключение следует допускать в тех случаях, когда это необходимо для возобновления следствия по делу. Предлагаемое решение спорного вопроса, на наш взгляд, будет способствовать более четкой регламентации и эффективности деятельности по делам данной категории. Кроме того, оно не связано с существенным изменением закона.

В организационном и тактическом отношении после приостановления дела работа должна строиться с учетом следующих принципиальных положений.

1. Правильная организация взаимодействия следователя с оперативными работниками органов дознания, основанная на совместном планировании, постоянном обмене информацией и четком разграничении компетенции и обязанностей.

2. Постоянный контроль со стороны следователя и действенный прокурорский надзор за осуществлением оперативно-розыскных мер в целях установления преступника органами дознания.

3. Использование следователем различных организационных и проверочных мероприятий, способов, приемов в целях получения нужной информации (запросы, истребование различных материалов и уголовных дел, могущих иметь отношение к данному делу,

¹¹ Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч., с. 279—280.

получение разного рода справок, сведений, выявление новых свідетелей и т. п.).

4. Повторный анализ имеющихся материалов дела и результатов следственных действий с учетом вновь добытой информации.

5. Повторное ознакомление с местом совершения преступления в целях получения дополнительной информации, в частности тактического характера.

6. Использование неформальных консультаций как частного характера (по отдельным обстоятельствам дела), так и более широких, предполагающих ознакомление консультанта со всеми материалами. В роли консультанта может выступать как специалист или эксперт, так и другой следователь (лучше более опытный, но в принципе это необязательное условие).

7. Активное использование помощи общественности в целях раскрытия преступления. Желательно, чтобы эта работа проводилась планомерно, продуманно, с использованием в случае необходимости разнообразных форм.

8. Постоянное внимание (на основе налаженной информации) к преступным проявлениям или к менее значительным правонарушениям, совершающимся в этот период, обстоятельства или участники которых по каким-либо признакам могут иметь отношение к приостановленному делу.

Если говорить о более частных вопросах деятельности по приостановленным делам о нераскрытых преступлениях, то здесь можно одобрительно отнестись к имеющимся в литературе предложениям о специализации следователей для этой работы (В. М. Быков и др.), о создании специальных групп (бригад) следователей для работы по «старым делам» и другим.

Учитывая, что во многих случаях трудности установления лица, совершившего преступление, достаточно очевидны в начале расследования, следует обращать особое внимание на полноту и всесторонность следственных действий (особенно осмотра места происшествия и допросов), которые хоть в какой-то мере могут содержать информацию о личности преступника, способе и мотивах преступления. В частности, до приостановления дела целесообразно еще раз проанализировать с этой точки зрения протоколы следственных действий, а если нужно, произвести повторные или дополнительные следственные действия.

Таковы некоторые особенности деятельности по приостановленным делам о нераскрытых преступлениях, на которые нам хотелось бы обратить внимание. Думается, что назрела необходимость разработки соответствующей инструкции, в подготовке которой должны принять участие научные и практические работники.

СОДЕРЖАНИЕ

Глазырин Ф. В. Методика расследования преступлений и личность участников уголовного судопроизводства	5
Сорокотягина Д. А. Допрос потерпевшего как средство получения сведений о его личности и поведении	13
Ковалев А. И. Методика расследования преступлений и метод прогнозирования поведения обвиняемых, подозреваемых, свидетелей и потерпевших	18
Стовповой А. Г. Основы психологического изучения следователем личности обвиняемого	22
Сорокотягин И. Н. Использование специальных познаний для изучения личности обвиняемого	30
Комаров В. К. Психологические особенности показаний несовершеннолетних, подлежащие учету при расследовании отдельных видов преступлений	35
Хасан Б. И. Криминалистическая характеристика личности преступника по делам, связанным с применением огнестрельного оружия	47
Драпкин Л. Я. Логико-психологический механизм построения следственных версий	58
Гусаков А. Н. Особенности возбуждения уголовных дел о грабежах	75
Гаряжа Л. С., Кочнева Л. В. Вопросы использования экономического анализа для выявления и предупреждения хищений	83
Осипов В. Н. О некоторых вопросах расследования хищений продукции полеводства, совершаемых работниками автотранспорта	95
Маркс Н. А. Некоторые тактические, психологические и этические аспекты освидетельствования потерпевших	102
Родионов Н. А. Объекты статистической экспертизы при расследовании преступлений	108
Вермель И. Г. Судебно-медицинский эксперт как субъект познания в уголовном судопроизводстве	120
Асинкритов В. Ф. К вопросу о выборе вида судебно-психиатрической экспертизы	129
Макушкина Г. Е. Техничко-криминалистические и почерковедческие исследования при расследовании и профилактике хищений государственного и общественного имущества	135
Евдокимова Н. С. Особенности производства ревизий и судебно-бухгалтерских экспертиз по делам о хищениях, совершаемых с преступным использованием методов учета	144
Герасимов И. Ф. Деятельность следователя по приостановленным делам о нераскрытых преступлениях	151

МЕТОДИКА И ПСИХОЛОГИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Межвузовский сборник научных трудов, вып. 52

Редакторы И. Ф. Агаркова, И. В. Сафонова

Технический редактор А. В. Курленко

Сдано в набор 25/III 1977 г. Подписано в печать 9/VIII 1977 г. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Усл. п. л. 9,30. Уч.-изд. л. 9,45. Тираж 1000 экз. НС 12868 Цена 1 р. 50 к. Заказ 198. Темплан 1977, поз. 1084. Свердловский юридический институт. Свердловск, ул. Комсомольская, 21.

Типография изд-ва «Уральский рабочий». Свердловск, проспект Ленина, 49.

1 р. 50 к.